

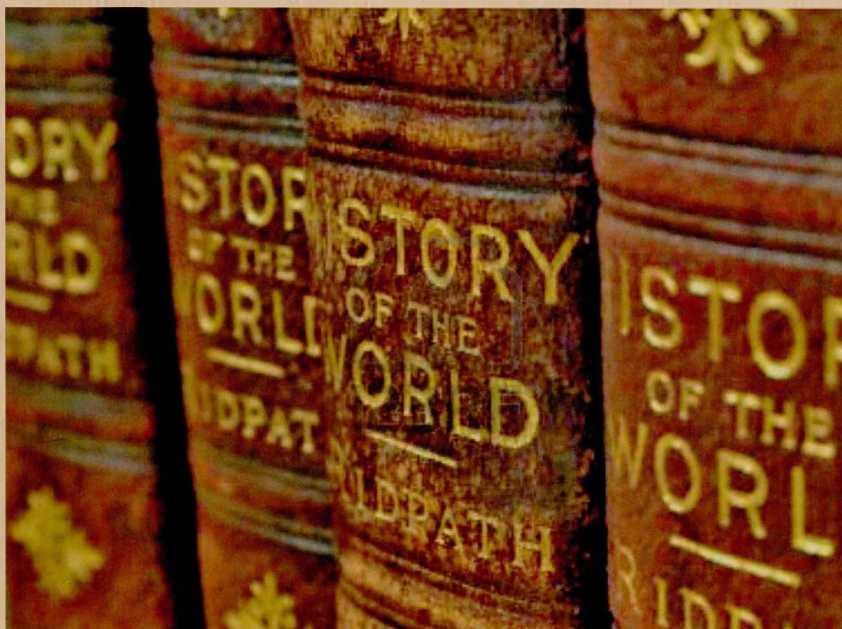
K1484169

ec

**МАТЕРИАЛЫ
II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**(памяти доктора исторических наук,
профессора Ю.К. Некрасова)**

20–21 мая 2016 года

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Материалы
II Всероссийской научной конференции
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(памяти д.и.н., профессора Ю.К. Некрасова)

20–21 мая 2016 года

К 1484169

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ВОЛОГДА
2016

63.3 (0)
И 48

+кп +кми

УДК 93/94(063)
ББК 63.3(2)я431
М34

Редколлегия:

доктор исторических наук, декан исторического факультета ВоГУ
В.А. Саблин (гл. редактор),

кандидат юридических наук, доцент Северо-Западного
института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
А.М. Лютынский,

научный сотрудник лаборатории теоретико-методологических
проблем исторического образования исторического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
А.И. Пчелинцев,

кандидат исторических наук, доцент РГПУ им. А.И. Герцена
В.А. Райкова,

старший преподаватель кафедры всеобщей истории
и социально-экономических дисциплин ВоГУ
А.В. Савина

М34 Материалы II Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения (памяти д.и.н., профессора Ю.К. Некрасова)».
20–21 мая 2016 года / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. —
Вологда : ВоГУ, 2016. — 252 с.

ISBN 978-5-87851-702-7

В сборнике опубликованы доклады авторов, принимавших участие во II Всероссийской научной конференции. «Некрасовские чтения» (памяти д.и.н., профессора Юрия Клавдиевича Некрасова), прошедшей в Вологде 20–21 мая 2016 г.

Тематика представленных докладов отражает актуальные проблемы всеобщей истории, государственного и общественно-политического развития, экономики, религии и религиозных конфликтов в контексте истории, диалога культур в исторической ретроспективе, вопросы международных отношений и роли личности в истории.

Для всех, кто интересуется проблемами отечественной и всеобщей истории.

УДК 93/94(063)
ББК 63.3(2)я431

ISBN 978-5-87851-702-7

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание.....	6
--------------------------	---

СЕКЦИЯ № 1. «ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ»

Пчелинцев А.И. К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖАЛОВАННОЙ ДАННОЙ ГРАМОТЫ БОРИСА КОНСТАНТИНОВИЧА 1393 ГОДА.....	6
Плате А. К ВОПРОСУ ЗАМЕЩЕНИЯ СЕКРЕТАРСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ В УЕЗДНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО УРАЛА (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕЙ РАСПРАВЫ ВЕРХОТУРЬЯ. 1780–1790-е гг.).....	11
Иванов Ф.И. ПРОБЛЕМА ОТМЕНЫ «НАТУРАЛЬНОЙ» РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	15
Казакова-Апкаримова Е.Ю. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТ ПРОСЫПАТЬСЯ ОТ ВЕКОВОГО СНА»: ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.	19
Саблин В.А. НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1920 гг.	25
Перебинос Ю.А. ПРЕСТУПНОСТЬ В СРЕДЕ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ В 1930-е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ).....	30
Филинов А.В. «ВСЕХ УЛИЧЁННЫХ В ШПИОНСТВЕ В ПОЛЬЗУ ЯПОНИИ НАДО РАССТРЕЛИВАТЬ...»: ОГПУ-НКВД И МАНЬЧЖУРСКИЙ КРИЗИС (1931–1935 гг.).....	35
Мухина Н.Е. ГЕРОИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ЮГОВОСТОЧНОЙ МАГИСТРАЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	38
Погарцев В.В. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953) (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО И ПРИМОРСКОГО РАДИОКОМИТЕТОВ).....	41
Суманеев И.А. ДИНАМИКА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1945–2013 гг.).....	45
Перрон Ю.В. ИСТОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В ДОКЛАДАХ РОССИИ В ООН.....	50

СЕКЦИЯ № 2. «РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ»

Каргальцев А.В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ХРИСТИАНСКОЙ АГИОГРАФИИ РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОГО ГОНЕНИЯ ДИОКЛЕТИАНА.....	56
Долгов М.Е. КОНФЛИКТ МЕЖДУ РИМСКОЙ И КЕЛЬТСКОЙ ЦЕРКВЯМИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВАЛЛИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ.....	60
Исаков А.А. ОБ АТЕИЗМЕ ФЕОДОСИЯ КОСОГО.....	65
Лурье З.А. ПАУЛЬ РЕБХУН И ДРАМАТУРГИЯ ЛЮТЕРАНСКОЙ САКСОНИИ.....	69
Савина А.В. КАЛЬВИНИЗМ И ИДЕЯ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА: В.М. ГЕССЕН О ПРОТЕСТАНТСКИХ «МОНАРХОМАХАХ» XVI ВЕКА.....	72

Ерохин В.Н. КАЛЬВИНИЗМ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА	77
Корпачев П.А. РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ИСТОРИИ ИУДАИЗМА	82

СЕКЦИЯ № 3. «ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

Добычина А.С. ПАМЯТЬ О ПЕРВОМ БОЛГАРСКОМ ЦАРСТВЕ КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА (1185–1204)	86
Смелова Е.В. РОССИЙСКИЕ СОВРЕМЕННОКИ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В США В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	90
Фролов Ю.В. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КРУГОВ ОБ ОСТЗЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ КАК ОПЛОТЕ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	95
Колобова Ю.И. П. П. СУВЧИНСКИЙ И КУЛЬТУРТРЕГЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ	99
Лютынский А.М., Родионова А.Ю. КРАСНАЯ АРМИЯ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СЕНТЯБРЕ 1939 ГОДА: КАК РАССКАЗЫВАЛА ОБ ЭТОМ ГАЗЕТА «ПРАВДА»	103
Кошельков В.В. ФОРМИРОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	108

СЕКЦИЯ № 4 «ЛИЧНОСТЬ, СОЦИУМ, ГОСУДАРСТВО В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ»

Назаров А.Д. ВОЕННАЯ КАРЬЕРА АРРИЯ ВАРА: ОТ ПРЕФЕКТА КОГОРТЫ ДО ПРЕФЕКТА ПРЕТОРИЯ	113
Белюскина А.А. КУЛЬТУРА И БЫТ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СВИНЬИНА	116
Седова Ю.Н. ОБРАЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА ПО ПУТЕВЫМ ОЧЕРКАМ МАРКА ТВЕНА	120
Федорова Ж.В. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	124
Алиева А.М. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (ПО РОМАНУ Э. ДОКТОРОУ «МАРШ»)	129
Колпакова Г.О. МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ	133
Черняев А.А. КОАЛИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ БРАЗИЛИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.	137
Мамедов Р.С. ЧЕРНОМОРСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.	141
Якушева Л.А. ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ: ЖИВОПИСЬ МИХАИЛА АНЧАРОВА	145

СЕКЦИЯ № 5 «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ»

Грязнов А.Л. НОВАЯ ЭЛИТА В БЕЛОЗЕРЬЕ В XV – НАЧАЛЕ XVI ВВ.	150
Черкасова М.С. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОРГОВЫХ ИНОЗЕМЦАХ В ВОЛОГДЕ В XVII ВЕКЕ	155

Гуслистова А.Н. ГЕНЕАЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ МИТРОПОЛОВЫХ В XVI–XIX вв.	160
Брызгалова И.В. ФОРМИРОВАНИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС СОСЛОВИЯ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	165
Егорова Ю.С. РОЛЬ УСТЮЖСКОГО КУПЦА М.М. БУЛДАКОВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ.....	171
Сыченко А.В. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1930-е ГОДЫ	175
Красильникова Е.В. ДОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ: ПРАКТИКА БРАКОРАЗВОДНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В СОВЕТСКИХ ГАЗЕТАХ 40–60 ГОДОВ XX ВЕКА	179
Попов И.Д. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА ОТ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ФРГ	183
Минькова К.В. СССР И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (1947–1950 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	187

**СЕКЦИЯ № 6 «ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»**

Циватын В.Г. МОДЕЛЬ ДИПЛОМАТИИ, ОБРАЗ ДИПЛОМАТА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПЕРИОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVIII вв.): ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	192
Киселева О.А. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР О НАТУРАЛИЗАЦИИ (1870).....	198
Калинин А.А. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ГРЕЧЕСКИЙ КРИЗИС 1945–1949 гг.	202
Ильин Д.В. ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ИЗОЛЯЦИОНИЗМА В 1940–1950-х ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ А. ВАНДЕНБЕРГА И Р. ТАФТА)	206
Воробьева Т.А. США И СССР НА ПУТИ К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	211
Костин А.А. «АТАКУЯ СОВЕТСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ ИЗНУТРИ»: АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ В УСЛОВИЯХ МАККАРТИЗМА	216
Акимов Ю.Г. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИИ ФРАНЦИИ ПО «КВЕБЕКСКОМУ ВОПРОСУ»: СЕРЕДИНА 1960-Х – НАЧАЛО 2010-х гг.	219
Росина М.А. ДИНАМИКА АМЕРИКАНО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1945–1970-е гг.	225
Зорин А.В. ВЛИЯНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА 1948 г. НА ПЕРЕХОД США К ПОЛИТИКЕ СДЕРЖИВАНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	231
Кириллова А.Н. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАНЦЛЕРА ГЕРХАРДА ШРЕДЕРА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕМУАРОВ)	235
Райкова В.А. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛЕМИКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИСТОВ И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕАЛИСТОВ	239
Попаденко Е.В. ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	244
Смоляняк И.В. ПОЗИЦИЯ США ПО ВОПРОСУ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В НАТО.....	247

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

При открытии конференции с приветственным словом выступили:

М.А. Безнин, д.и.н. заместитель директора по научной работе Педагогического института, заведующий кафедрой отечественной истории ВоГУ;

О.А. Васильев, заместитель губернатора Вологодской области;

В.А. Саблин, д.и.н., декан исторического факультета.

СЕКЦИЯ № 1

«ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ»

УДК 9.94

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖАЛОВАННОЙ ДАННОЙ ГРАМОТЫ БОРИСА КОНСТАНТИНОВИЧА 1393 ГОДА

Пчелинцев Антон Игоревич,

*младший научный сотрудник лаборатории теоретико-методологических
проблем исторического образования исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
empire1721@rambler.ru*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о степени достоверности сведений, содержащихся в датированной жалованной данной грамоте нижегородского князя Бориса Константиновича Благовещенскому монастырю 1393 г. Автор приходит к выводу, что грамота частично достоверна и воссоздана в начале XVI в. на основе формуляра более поздних грамот.

Ключевые слова: Суздальско-Нижегородское княжество; Борис Константинович; Благовещенский монастырь; подделка актов; формулярный анализ.

TO INTERPRETATION OF THE PATENT OF BORIS KONSTANTINOVICH OF 1393

Pchelintsev Anton Igorevich,

*junior research fellow, laboratory of theoretical and methodological
problems of historical education, Lomonosov Moscow State University*

Moscow, Russia

empire1721@rambler.ru

Abstract: In article the question of degree of reliability of the data which are contained in the dated patent of the Nizhny Novgorod prince Boris Konstantinovich to Annunciation Monastery of 1393 is considered. The author comes to conclusion that the patent is partially reliable and recreated at the beginning of the 16th century on the basis of the form of later diplomas.

Keywords: Suzdal and Nizhny Novgorod principality; Boris Konstantinovich; Annunciation Monastery; forgery of acts; official analysis.

Жалованная данная грамота нижегородского князя Бориса Константиновича нижегородскому Благовещенскому монастырю [1, с. 201–2026 № 229] возможно, так и осталась бы привлекательной для исследователей исключительно как свидетельство социально-экономической жизни Руси конца XIV века, если бы не одно интересное обстоятельство. Дело в том, что дата и место выдачи акта – 8 декабря 1393 г. в Нижнем Новгороде – совершенно не согласуются с историей великого Суздальско-Нижегородского княжества, которая завершилась поздней осенью 1392 г. Эта странность стала предметом исследований лишь недавно.

Последние попытки интерпретации этого акта принадлежат А.А. Горскому и нижегородскому историку П.В. Чеченкову. А.А. Горский предложил рассматривать грамоту как разрешение Борису Константиновичу именоваться великим князем и въезжать в Нижний Новгород для распоряжения своими личными владениями [2, с. 146]. П.В. Чеченков, справедливо возражая идее А.А. Горского, отметил, что позволение бывать в Нижнем Новгороде бывшему великому князю было бы большим политическим просчетом со стороны Москвы, учитывая многочисленные сложности в процессе присоединения этого княжества как до 1392 г., так и после. Сам же Чеченков предположил, что грамота свидетельствует о реставрации власти Бориса Константиновича в 1393 г. [3, с. 335–336]. Но, на наш взгляд, это предположение лишено реальных оснований по нескольким причинам. Во-первых, мы не имеем ни одного летописного свидетельства о возвращении Бориса Константиновича в Нижний Новгород в качестве великого

князя. Если бы это событие имело место быть, то оно наверняка бы нашло отражение в такой антимосковски настроенной летописи, как Рогожский летописец, который был создан в начале XV в. Даже в «Истории Российской» В.Н. Татищева имеется известие о походе на Нижний Новгород в 1393 г. племянников Бориса, Василия Кирдяпы и Семена, однако имя самого бывшего великого князя упомянуто лишь год спустя в сообщении о его смерти «в нять», т.е. в плену [4, с. 184]. Во-вторых, свержение Бориса произошло в условиях полного предательства со стороны нижегородского боярства и городской торговой верхушки. Трудно представить возвращение князя на свой стол в подобных условиях менее чем год спустя (Василий I, по летописному свидетельству, пробыл после присоединения княжества в нем 7 недель, т.е. до начала 1393 г. [5, с. 223]). Эти факты, на наш взгляд, не позволяют принять теорию П.В. Чеченкова.

В сложившихся условиях наиболее верным способом решения проблемы представляется источниковедческий подход к грамоте и анализ ее формуляра, а также ее сравнения с формулярами других грамот, связанных с великокняжеской нижегородской канцелярией. А.А. Зимин писал, что в подобных случаях «требуется применить совокупность приемов, основанных на использовании данных внешней критики источника (изучающей его внешние признаки) и внутренней критики (изучающей особенности его формы и содержания)» [6, с. 400]. В отношении внешней критики следует отметить тот факт, что грамота присутствует в основном тексте копийной книги московских митрополитов 30-х гг. XVI в. (Синод. №276, л. 271 об.). Таким образом, именно дату создания копийной книги следует полагать возможной верхней датировкой создания акта.

Переходя к внутренней критике грамоты, следует отметить наличие точной даты с указанием дня и месяца. Между тем С.М. Каштанов указывает, что «самой неразвитой частью формуляра грамот (XIII–XIV вв. – А.П.) был конечный протокол. Даты повсеместно отсутствуют. Место выдачи акта не указывается» [7, с. 82]. В этой связи логично сравнить грамоту 1393 г. с более ранним актом – жалованной грамотой Семена Дмитриевича Нижегородскому Печерскому монастырю на право рыбной ловли в оз. Коллдовом [8, с. 65] – и более поздним актом – жалованной тарханной грамотой князя Александра Ивановича, внука Бориса Константиновича, Благовещенскому монастырю [1, с. 20, №234] – для сравнения эсхатокола.

Относительно первой грамоты следует прямо отметить отсутствие в ней даты и места выдачи. Опубликовавшая грамоту Н.В. Соколова датирует ее 1383 – 1388 гг. на основе данных по политической истории княжества [8, с. 54–55]. Что касается второй грамоты, то конечный протокол состоит из любопытной фразы: «А дана грамота июля того лета, коли князь Алек-

сандр Иванович сел на своей отчине на Новгороде». Исключительно на основе летописных данных исследователи датируют этот акт временем около 1418 г. Как видим, дата представлена здесь в «зашифрованном» виде, а место выдачи не упомянуто вовсе. Более того, подобная формула конечного протокола была характерна для актов, выданных потомками Бориса Константиновича, как минимум для всей первой половины XV в. [1, с. 204, № 233], что позволяет говорить об устойчивой традиции. И эсхатокол грамоты 1393 г. никак не вписывается в нее.

Нельзя не отметить наличие в тексте грамоты ряда анахронизмов. В первую очередь, это касается именованя монастырского главы Ионы «архимандритом», хотя все в той же грамоте Александра Ивановича 1418 г. Малахия – преемник Ионы – назван «игуменом». Более того, такой знаток истории русской иерархии как Амвросий относил создание архимандритии в Благовещенском монастыре только к 1423 г. [9, с. 359]. Странно и присутствие термина «опришные (т.е. посторонние – А.П.) люди», который был закреплен в русской юридической практике только во второй половине XV в., а также в Судебнике 1497 г. (ст. 68).

На наш взгляд, все вышеперечисленное свидетельствует в пользу позднего происхождения грамоты. Но значит ли это, что она полностью подложна? Полагаем, что нет.

Еще С.А. Фетищев отметил, что в грамоте упомянуты владения, действительно принадлежавшие Борису Константиновичу и находившиеся на территории его Городецкого удела по реке Суре [10, с. 108–109]. В нашем распоряжении есть еще два акта, связанных с Благовещенским монастырем. Первый – жалованная грамота великой княгини Софьи Витовтовны на право беспошлинного провоза рыбы и меда из монастырских владений [1, с. 179, № 200]. Второй акт – жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича (между 1473 и 1489 гг.) на владение угодьями в Нижнем Новгороде и по р. Суре [1, с. 205–206, № 235]. Из текста первой грамоты видно, что на момент ее выдачи владения на Суре уже являются собственностью монастыря, а грамота лишь дает льготы на перевоз товара. Во втором акте указано, что монастырские угодья находятся «издавна...на Суре». С учетом всех грамот московских князей Благовещенскому монастырю (первая из них выдана великим князем Василием I в 1423 г.), время появления этих угодий у монастыря следует отнести к XIV в. Вполне возможно, что они были подарены Борисом Константиновичем в связи с крещением его сына Ивана в этом монастыре в начале 1370-х гг. [11, с. 32].

Первоначальный текст акта, по всей видимости, был утерян в ходе многочисленных захватов Нижнего Новгорода в конце XIV – первой половине XV вв. Воссоздание же грамоты следует связать с началом первых

писцовых описаний в Нижегородском крае в начале XVI века (около 1511 г.) [12], когда монастырю потребовалось подтвердить свои владельческие права. В качестве образца, очевидно, использовались более поздние грамоты, откуда и появились развитый конечный протокол, титулование игумена Ионы «архимандритом» и упоминание «опришных людей». Стоит отметить, что практика подделки/переделки акта была знакома Благовещенскому монастырю – по всей видимости, данные грамоты Саввы Сюезева и Митрофана Изинского являются фальсификатами конца XVI – начала XVII вв. [6, с. 400–404].

Таким образом, грамоту «1393 года» следует полагать результатом попытки восстановления акта в начале XVI века. Это означает невозможность ее использования при трактовке истории Суздальско-Нижегородского княжества в конце XIV в.

Литература

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. – Москва, 1951. – 401 с.
2. Горский А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжества в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь : [сб. ст.] / редкол.: А. А. Горский (отв. ред.) [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т российской истории. – М.: Инд-рик, 2004. – [Вып.] 4. – С. 140 – 170.
3. Чеченков П.В. Суздальские Рюриковичи и территориально-политическое устройство Нижегородского княжества // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. – М., 2008. – С. 319–340.
4. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Том V. История Российская. Ч. 3. – М., 1996. – 437 с.
5. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись – СПб., 1910. – 342 с.
6. Зимин А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI – XVII вв. // Труды Московского историко-архивного института. – т. 17. – М., 1963. – С. 399 – 428.
7. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: акты X – XVI вв. – М., 1996. – 265 с.
8. Соколова Н.В. Древнейшие акты Нижегородского Печерского монастыря // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. – Нижний Новгород, 1995. – С. 52–68.
9. Амвросий. История российской иерархии. Ч. 3. – М., 1811.
10. Фетищев С.А. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389 – 1395 гг. – Москва, 2003. – 220 с.
11. ПСРЛ. Том 11. Никоновская летопись. – СПб., 1897. – 262 с.
12. См. подробнее: Чеченков П.В. Ранние писцовые описания Нижегородского уезда // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. – М.: РГГУ, 2008. – Ч. 2. – С. 673 – 676.

**К ВОПРОСУ ЗАМЕЩЕНИЯ СЕКРЕТАРСКИХ ДОЛЖНОСТЕЙ
В УЕЗДНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО УРАЛА
(НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕЙ РАСПРАВЫ ВЕРХОТУРЬЯ,
1780–1790-е гг.)**

*Плате Алисе,
аспирантка 2 года обучения, кафедра истории России,
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
aliceplate@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема комплектования секретарских должностей в созданных в последней четверти XVIII в. уездных учреждениях. На основе документов Верхотурской нижней расправы были изучены меры, к которым обратились местные власти для решения кадровых проблем, и влияние данной политики на деятельность учреждений.

Ключевые слова: губернская реформа Екатерины II, история государственных учреждений, канцелярские служители, вторая половина XVIII в., история Урала.

**ON THE QUESTION OF STAFFING SECRETARY VACANCIES
IN DISTRICT INSTITUTIONS IN THE CENTRAL URALS
(BY THE EXAMPLE OF THE LOWER SUMMARY COURT
IN VERKHOTURE 1780–1790-ies)**

*Plate Alice
PhD Student, chair of Russian history
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
aliceplate@mail.ru*

Abstract: The article is dedicated to the issue of staffing secretary vacancies in local state institutions founded in the last quarter of the 18th century. It analyses by the example of the lower summary court in Verkhoture the measures taken by local authorities in order to solve the mentioned above problem and its influence on the institutions' functioning.

Keywords: administrative reforms of Catherine II, history of state institutions, chancery clerks, history of the Urals, second half of the 18th century.

В условиях административных реформ последней трети XVIII в. укомплектование многочисленных государственных учреждений губернского и уездного уровней достаточным количеством средних и мелких чиновников оказалось весьма непростой задачей. Особенно трудно она решалась в восточных пределах страны, отличавшихся относительно низкой долей дворянского населения [1, с. 322–323; 2, с. 420–426].

Данная проблема распространялась и на основанное осенью 1781 г. Пермское наместничество. Здесь лица, ответственные за осуществление реформ, замещали преимущественно более высокие должности в соответствии с требованиями законодателя. Это привело к тому, что многие секретарские должности в уездных органах власти, занимаемые чиновниками XIV класса, оставались в первое время вакантными [3, Д. 47. Л. 1–22].

Из архивных документов следует, что в течение первых шести лет после открытия присутственных мест в уездном городе Верхотурье, состоявшегося 25 ноября 1781 г., на должность секретаря нижней расправы назначали обычных канцеляристов. Первым секретарем нижней расправы числился Василий Корытов [4, Д. 417. Л. 3]. Получив осенью 1783 г. повышение в чин городского секретаря, он был переведен в нижний земский суд – более значимое учреждение – в связи с обширностью подчиненного ему судебного округа [Д. 97а. Л. 68]. В течение следующего года должность секретаря исполнял, правда, без особого рвения [4, Д. 97 б. Л. 138–139; Д. 285. Л. 97], канцелярист самой расправы, происходящий из «солдатских детей» Илья Протопопов [4, Д. 179. Л. 2–3]. В формулярном списке за 1784 г. впервые были зафиксированы его склонность к чрезмерному употреблению алкоголя и проблемы с соблюдением им служебной дисциплины. Его сменил переведенный еще в 1782 г. из Ирбита и служивший с тех пор в Верхотурском нижнем земском суде канцелярист Никифор Копылов [4, Д. 101. Л. 281]. Разночинец, с 1775 г. фактически исполняющий секретарские обязанности [4, Д. 108. Л. 43; Д. 179. Л. 5], он оказался более опытным и добросовестным канцелярским служителем, пытавшимся, как следует из его докладов расправному судье, привести в порядок делопроизводственные документы учреждения и восстановить у подчиненных ему членов канцелярии служебную дисциплину [4, Д. 97 б, Л. 147–152; Д. 111. Л. 294–297]. Однако, не будучи освобожден от уплаты податных денег, Никифор Копылов не подлежал повышению [4, Д. 159. Л. 98].

Только на рубеже 1787–1788 гг. с переводом в Верхотурье подьяческого сына Ивана Решетникова, прежде служившего архивариусом в Екатеринбургской верхней расправе и повышенного в секретари летом 1787 г., нижняя расправа получила соответствующего формальным требованиям законодателя секретаря [4, Д. 158. Л. 170–171; 5, Д. 3. Л. 158–159]. Он оста-

вался в Верхотурье не более полутора лет: в мае 1789 г. из-за необходимости закрыть секретарскую вакансию в Пермской гражданской палате, Иван Решетников был сначала откомандирован в наместническую столицу, а спустя год с небольшим окончательно утвержден на названной должности [4, Д. 185. Л. 16; Д. 259. Л. 119]. Оказавшейся в очередной раз без секретаря нижней расправе сообщили, чтобы она временно назначала на секретарскую должность одного из своих канцелярских служителей, «кого она за способного найдет» [4, Д. 165. Л. 166]. Несмотря на то, что наместническое правление было осведомлено о постепенно снижающейся работоспособности Ильи Протопопова [4, Д. 175. Л. 79–80], тот с мая 1789 г. до конца 1790 г. во второй раз был поставлен на должность секретаря учреждения.

Зимой 1791 г. для поддержки учреждения из Ирбитского нижнего земского суда отправили Бориса Решетова [4, Д. 276. Л. 14]. Но уже через несколько месяцев после его прибытия в Верхотурье наместническое правление провело очередную рокировку среди уездных секретарей. Весной 1791 г. на место умершего секретаря Шадринской нижней расправы Дмитрия Тюкачева, был переведен городской секретарь Алапаевского нижнего земского суда Петр Шамонин. Вышеупомянутого Бориса Решетова откомандировали в Алапаевск на замещение секретарской вакансии. [4, Д. 262. Л. 174].

Только десять лет после начала реализации реформ на Среднем Урале, нижняя расправа получила секретаря, полностью соответствующего критериям правительства. В момент своего перевода из Пермского верхнего земского суда двадцатилетний, происходящий от «уставщичьих детей» Степан Ромодин поступил в 1781 г. в статскую службу копиистом. В 1790 г. он был повышен в архивариусы, весной 1791 г. – в городские секретари [4, Д. 262. Л. 165; Д. 276. Л. 36–37], и в конце того же года его, уже находившегося в Верхотурье, наградили чином провинциального секретаря, соответствующего рангом XIII классу [4, Д. 261. Л. 56]. Степан Ромодин оставался в должности секретаря Верхотурской нижней расправы до конца рассматриваемого периода, и пережил в службе, в отличие от большинства остальных чиновников города, преобразовательные меры Павла I [4, Д. 416. Л. 80].

Послужившая нам примером деятельность Верхотурской нижней расправы не представляла собой исключения среди уездных учреждений Пермского наместничества. Несмотря на то что эффективное функционирование организаций во многом зависело от работоспособности и уровня подготовки секретаря, «отвечавшего за всю работу канцелярии и занимавшего промежуточное положение в иерархии» [6] между канцелярией и присутствием, в первые годы секретарские должности часто замещались

канцеляристами [5, Д. 3. Л. 105, 136, 146; Д. 11. Л. 12–13, 22–23, 30, 34, 243; 7, Д. 9. Л. 4, 108; Д. 11. Л. 75; Д. 25. Л. 30]. На Среднем Урале ситуация формально улучшилась только во второй половине 1787 г., когда по Сенатскому указу достаточно большое количество числившихся в уездных учреждениях канцеляристов было награждено секретарским чином «зауряд» [3, Д. 111. Л. 7–19, 21–23]. Насколько подобные меры действительно способствовали повышению продуктивности данных учреждений остается, однако, под вопросом. Как следует из многочисленных напоминаний, направленных из Екатеринбургской и Пермской верхних расправ в нижестоящие организации, подавляющее большинство уездных учреждений Среднего Урала испытывало серьезные затруднения в соблюдении сроков и формальностей [5, Д. 11. Л. 59–60, Д. 26 а. Л. 38–40; 6, Д. 25. Л. 24, Д. 39. Л. 1].

Литература и источники

1. Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. – СПб.: Рус. Скоропечатня, 1910. – 387 с.
2. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 758 с.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 491. Оп. 1.
5. ГАПК. Ф. 569. Оп. 1.
6. Мазур Л.Н. Бюрократические циклы российской государственности в XVIII – XX вв. и эволюция системы делопроизводства // Делопроизводство. – 2011. – N 1. URL: <http://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?130> (дата обращения 02. 03. 2016).
7. ГАПК. Ф. 290. Оп. 1.

**ПРОБЛЕМА ОТМЕНЫ «НАТУРАЛЬНОЙ»
РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Иванов Фёдор Николаевич,

*доцент кафедры истории России и зарубежных стран,
кандидат исторических наук, Сыктывкарский
государственный университет им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар, Россия
fedor-ivanoff@mail.ru*

Аннотация: В статье на примере Архангельской, Астраханской и Олонетской губерний рассматривается государственная политика в вопросе отмены «натуральной» рекрутчины в регионах России в первой половине XIX в., показаны общие принципы и практика работы органов государственного управления по регулированию данного аспекта рекрутской повинности.

Ключевые слова: Архангельская, Астраханская, Олонетская губернии; освобождение от рекрутской повинности.

**THE PROBLEM OF THE ABOLITION OF «NATURAL» RECRUITING
DUTY IN THE REGIONS OF RUSSIA IN THE ACTIVITY
OF BODIES OF STATE ADMINISTRATION IN THE FIRST HALF
OF THE XIX CENTURY**

Ivanov Fyodor Nikolaevich

*Associate Professor at the Department of History of Russia and
Foreign Countries, Candidate of Historical Sciences,
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
Syktyvkar, Russia
fedor-ivanoff@mail.ru*

Abstract: In the article using Arkhangelsk, Astrakhan, and Olonetsk provinces as an example the state policy in the question of the abolition of «natural» recruiting duty in the regions of Russia in the first half of the XIX century is revealed, general principles and the practice of work of bodies of state administration directing at regulation of this aspect are shown.

Keywords: Arkhangelsk, Astrakhan, Olonetsk provinces, release from recruiting duty.

Одной из особенностей рекрутской повинности в России являлась развитая система льгот и изъятий, в результате действия которой от несения армейской службы освобождалась значительная часть мужского податного населения страны. Изъятия от рекрутчины предоставлялись податным условиям по разным основаниям, в том числе и по территориальному признаку, когда жители определенных регионов либо освобождались от службы вовсе, либо же за денежный откуп. В то же время начальники губерний, на которые распространялась «натуральная» рекрутская повинность, видя затруднения жителей, имели право обратиться к императору с просьбой о введении льгот и изъятий от рекрутчины для податных сословий своих регионов [2].

Самым известным случаем является дарование населению Архангельской губернии именным императорским указом Александра I, данным Правительствующему Сенату 9 сентября 1820 г., бессрочного права откупа от военной службы денежным взносом в 1000 рублей ассигнациями (300 рублей серебром). Ранее в 1818–1819 гг. Архангельский военный губернатор А.Ф. Клокачев просил разрешить очередным семействам вместо поставки рекрутов вносить в казну деньги по 500 рублей за каждого в виде особой милости, хотя бы на 20 лет [6, л. 725–725 об.]. Интересно, что представления были направлены на рассмотрение не военного и морского ведомств, а министерства внутренних дел, со стороны которого последовали решительные возражения, поскольку инициатива губернатора шла в разрез с общими принципами регулирования рекрутчины. Как писал В.П. Кочубей, «уравнение рекрутской повинности во всем государстве составляло всегда предмет попечения правительства», и по данной причине было «освободить одну губернию от поставки рекрутов не можно, без отягощения других и отягощения несправедливого...» [7, л. 272 об.–273]. Тем не менее, предложение А.Ф. Клокачева было поддержано императором [3].

Менее известны неудачные попытки администрации других регионов империи облегчить тяжесть рекрутской повинности. Так, в 1822 г. «главноуправляющий Грузиею и губерниями Астраханской и Кавказскою» А.П. Ермолов направил в Петербург представление Астраханского гражданского губернатора, который просил освободить податное население вверенной ему территории от поставки рекрутов по причине обширности губернии и малой численности населения. Ещё одним аргументом было то, что коренные жители губернии «...составляют класс лучших рыбопромышленников, каковых в искусстве и способностях пришлыми заменить не можно» [8, л. 32–33]. Со своей стороны, А.П. Ермолов поддержал предложение своего подчиненного и предложил взыскивать с помещичьих крестьян по 2000 рублей, а с казенных – по 1000 рублей за рекрута, при этом

податные общества должны были иметь возможность по своей воле «отдавать в рекруты и натурою» [8, л. 34–34 об.]. Данное представление было направлено на заключение в МВД, глава которого, сочтя обстоятельства «заслуживающими внимания», предложил Комитету министров освободить жителей губернии от натуральной рекрутской повинности «на вышеизъясненном основании, и огранича ... время сего изъятия не далее, как до будущей ревизии, дабы не подать повода к побегам туда ... податных людей из других губерний» [8, л. 34 об.–35]. Однако, как известно, данное предложение утверждено так и не было [1, с. 562].

В 1835 г. в МВД вновь обратился Астраханский военный губернатор И.С. Тимирязев с просьбой заменить натуральную рекрутчину денежным откупом по примеру Архангельской губернии, ссылаясь на обширность территории и малочисленность населения, правда, в этот раз одним из основных аргументов были затруднения в развитии не рыболовства, а хлебопашества. Представление было передано на рассмотрение в созданный, в соответствии с Рекрутским уставом 1831 г. из высших чиновников империи Рекрутский комитет при II отделении Собственной его императорского величества канцелярии, который и отклонил его по уже известным принципиальным соображениям [4, л. 2-12]. Как указывал М.М. Сперанский, «изъятия, допущенные в некоторых местностях, основаны не на одном малолюдстве, но и на особенных местных причинах», в том числе «в Архангельской губернии ... по крайнему затруднению сообщений и роду промышленности обывателей, с дальними отлучками сопряженной» [4, л.11 об.-12]. Одним из аргументов против введения денежного откупа, было то, что «не многие пользуются сим изъятием: так например в той же Архангельской губернии почти всегда 2/3 общего числа рекрут ставится натурою» [4, л. 12]. Однако, в действительности деньги на откуп находили чуть менее половины от общего числа рекрутов Архангельской губернии [3, с. 71].

В 1850 г. в МВД обратился Олонецкий губернатор Н.Э. Писарев, прошивший ввести в регионе такой же порядок исправления рекрутской повинности, как и в соседней Архангельской губернии, но взимая за каждого рекрута уже по 400 рублей серебром. Обсуждавший предложение губернатора Рекрутский комитет предложение отклонил, посчитав его неприемлемым в виду возможного отягощения населения других регионов, и выразил сомнение в способности жителей Олонецкой губернии собрать деньги [5, л. 2–7 об.].

Как можно видеть, рекрутчина рассматривалась государством, в первую очередь, как повинность податного населения, и поэтому экспертную оценку представлений губернаторов об освобождении от повинности насе-

ления регионов давало министерство внутренних дел, а с 1831 г. Рекрутский комитет из высших чиновников империи. Такие просьбы подвергались придирчивому анализу, причем определяющее значение для чиновников имело то, чтобы освобождение от рекрутчины жителей одних территорий не нарушало бы принципа уравнительности по отношению к другим. Основным критерием для предоставления изъятия являлось наличие существенных особенностей в социально-экономическом развитии территории. Заметно, что в Петербурге рассматривали освобождение от рекрутчины как крайнюю меру, а опыт Архангельской губернии считали не очень удачным, и поэтому не стремились распространять его на другие регионы.

Литература и источники

1. Высочайше утвержденный устав рекрутский от 28 июня 1831 г., № 4677 // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. Собрание II. Т. VI. С. 501–657.

2. Иванов Ф.Н. Льготы и «изъятия» от рекрутской повинности в России в XVIII–XIX вв. // Вестник Тюменского государственного университета. 2010. №1. С. 21–27.

3. Иванов Ф.Н. Освобождение от натуральной рекрутской повинности населения регионов Российской империи (на примере Архангельской губернии 1820–1874 годов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. III. С. 67–73.

4. РГИА. Ф. 1262. Оп.1. Д. 8.

5. РГИА. Ф. 1262. Оп.1. Д. 105.

6. РГИА. Ф. 1263. Оп.1. Д. 214.

7. РГИА. Ф. 1263. Оп.1. Д. 217.

8. РГИА. Ф. 1263. Оп.1. Д. 295.

**«ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТ ПРОСЫПАТЬСЯ
ОТ ВЕКОВОГО СНА»: ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ
В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ МАНИФЕСТА
17 ОКТЯБРЯ 1905 г.***

Е.Ю. Казакова-Апкаримова,
ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук,
доцент, Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия
Apkarimova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории городского самоуправления на Среднем Урале в годы Первой русской революции, анализируется отношение городских властей к революционным событиям и новому законодательству, особенности деятельности городских дум и управ в условиях политизации общественной жизни горожан.

Ключевые слова: городское самоуправление; политизация; город; Пермская губерния; Первая русская революция; Манифест 17 октября; гражданские права.

**«PUBLIC LIFE WAKES UP FROM THE SLEEP OF AGES»:
MUNICIPAL SELF-GOVERNMENT IN THE PERM REGION
BEFORE AND AFTER THE MANIFEST 17 October**

E. Yu. Kazakova-Apkarimova
Leading scientific researcher, Doctor of historical Sciences, associate professor,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy
of Sciences, Ekaterinburg, Russia
Apkarimova@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the history of municipal self-government in the Middle Urals in the First Russian Revolution, the attitude of city authorities in the revolutionary events and the new legislation is analyzed, features of activity of municipal self-government in terms of politicization of the social life of citizens.

Keywords: municipal government; politization; city; Perm Province; The first Russian revolution; Manifest of October 17; civil rights.

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (№ 14-18-01625)

Через месяц после издания Манифеста 17 октября в «Пермских губернских ведомостях» современник под псевдонимом Nemo в заметке «Екатеринбургские письма» писал: «Общественная жизнь начинает просыпаться от векового сна: заседания думы, экстренные и очередные, следуют одно за другим, везде происходят публичные митинги, собрания» [1, с. 3]. Вопрос о политизации деятельности органов городского самоуправления в годы первой российской революции в 1905–1907 гг. представляет значительный научный интерес. Важно проанализировать отношение органов городского самоуправления к революционным событиям и государственной политике в условиях общественно-политического и социально-экономического кризиса. В данной статье предполагается на материалах уральских городов исследовать восприятие городской общественностью Октябрьского манифеста, определить влияние первой русской революции на эволюцию органов городского самоуправления.

О медленном пробуждении гражданского самосознания горожан и повседневных заботах городского самоуправления писал очевидец в заметке, опубликованной на страницах газеты в августе 1905 г.: «Большая часть провинциальных уездных городов занята в настоящее время вопросами: о народном представительстве, приеме государем князя Трубецкого и разработке других народных нужд нашей матушки России, а наш город (Кунгур – Е.К.) продолжает спать своей непробудной спячкой и в эти последние полтора года только и проявилось новое городское самоуправление устройством фонаря «Фирмы Галкина» стоимостью в 188 руб. для городского общественного сада» [2, с. 3].

Издание Манифеста об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г., в соответствии с которым население получало гражданские свободы, а Государственной думе предоставлялись законодательные права, всколыхнуло провинциальную общественность. По этому случаю прошли экстренные заседания городских дум. Например, 19 октября 1905 г. в 7 часов вечера состоялось заседание Екатеринбургской городской думы в составе 32 гласных. Председательствовал городской голова И.К. Анфиногенов, который предложил гласным выразить от имени думы «признательность его императорскому величеству государю императору за дарованную русскому народу гражданскую свободу». Предложение было единогласно принято городской думой, составлен текст телеграммы: «Петербург. Его императорскому величеству государю императору. Екатеринбургская городская дума от лица ныне свободных граждан приносит царю свободной России горячую благодарность» [3, с. 2].

23 октября 1905 г. в 7 часов вечера «при громадном стечении публики» состоялось экстренное заседание Шадринской городской думы. Гласные

постановили согласиться с мещанским обществом и ознаменовать радостное событие открытием среднего учебного заведения для мальчиков. Гласный Углицкий просил думу открыть добровольную подписку на сбор средств среди купечества, и сам же предложил 100 руб. Его примеру последовал господин Машуков. Городская дума постановила отслужить торжественный молебен на Хлебной площади 24 октября (с крестным ходом со всех церквей города). Дума постановила также после молебна послать императору всеподданнейшую телеграмму [4, с. 3].

Гласные Ирбитской городской думы отправили телеграмму императору со словами: «Воспоследовавший, в 17 день сего октября, высочайший Вашего Императорского Величества манифест о даровании русскому народу желанной свободы принят населением города с неопишущим восторгом. Вознеся благодарственные мольбы Господу Богу, городская дума, в чрезвычайном заседании, по выслушании величайшей важности государственного акта, единогласно постановила повергнуть Вашему Величеству чувства глубокой благодарности, при твердой уверенности в том, что дарованные населению гражданские и политические права будут использованы и с должным разумением во благо дорогой родины и в умиротворение ее неспокойного состояния. Дабы глубже запечатлеть великий день духовного освобождения России, городская дума постановила себе священной обязанностью отметить это великое событие ассигнованием двадцати тысяч руб. на дело народного образования. Да не забудет благодарная Россия своего возлюбленного Монарха, даровавшего населению права свободного человека и гражданина». Царь с благодарностью ответил на телеграмму [5, с. 3]. По случаю манифеста в Ирбитской городской думе был устроен завтрак, который привлек массу публики. Очевидец сообщал: «Произнесено много речей политического содержания. Говорили мужчины и женщины» [6, с. 3].

Первая российская революция обернулась для многих городов трагическими событиями. Например, на страницах периодики сообщалось, что 18 и 19 октября 1905 г. в Екатеринбурге происходили демонстрации и митинги, организованные большевиками. 19 октября произошел черносотенный погром, сопровождавшийся убийствами (был, в частности, убит репортер газеты «Уральская жизнь» двадцатилетний Прокопий Соловьев) и избиениями горожан, о чем присутствовавший на собрании гласных И.И. Тибо-Бриниоль заговорил от лица обеспокоенной части екатеринбуржцев. По отзывам современников, полиция не оказала своевременной помощи. На повестку дня был поставлен вопрос об охране общественного порядка. Дума постановила: просить полицмейстера и воинского начальника организовать усиленную охрану граждан города; особой, избранной

для этой цели, комиссии произвести расследование произошедших в городе убийств и избиений граждан и выработать проект организации городской милиции для защиты населения; поручить городской управе подыскать помещение для устройства народных митингов; «выразить от лица думы негодование и презрение лицам, принимавшим участие в диком побоище, сопровождавшегося убийствами»; высказать пострадавшим соболезнование и оказать им материальное содействие, на что было отпущено 500 руб. из городского бюджета [4, с. 2–3].

В условиях политизации общественной жизни в уральских городах городские думы и управы, прежде всего, занимались решением текущих хозяйственных дел и поддержанием стабильности, обращались к населению с соответствующими воззваниями. Например, 24 октября 1905 г. гласные Пермской городской думы предупреждали жителей: «Допускающие самосуд и распри, подстрекающие население к насилию, теперь, когда всем дана возможность свободного и мирного труда, принесут народу одно горе и несчастье. Насилие с одной стороны вызовет насилие и с другой. А это может повести к самым печальным последствиям. Встретим же радостно возвещенные царем реформы и приложим все усилия, чтобы приняться за мирный и свободный труд» [7, с. 116].

Гласные Екатеринбургской городской думы на заседании 7 ноября 1905 г. решили поручить управе выработать проект телеграммы императору и приняли постановления: просить правительство о даровании полной и всеобщей амнистии всем пострадавшим за политические убеждения; перечислить в помощь амнистированным 500 руб.; организовать с этой же целью подписку среди гласных и граждан города. Во время перерыва заседания и начался сбор средств по подписке, который дал 1400 руб. [8, с. 3].

В Екатеринбурге вопрос охраны общественного порядка был особенно острым. Избранная Екатеринбургской городской думой комиссия пришла к мысли сформировать в городе конную стражу для обеспечения безопасности граждан. 25 октября 1905 г. была организована подписка для сбора средств на эти нужды, удалось собрать 6000 руб. Комиссия решила нанять на 4 месяца 40 конных стражников – по 10 человек для каждого пожарного участка (с содержанием каждому стражнику по 25 руб. в месяц), кроме того, решено было израсходовать 1000 руб. на приобретение обмундирования и вооружения (из расчета по 25 руб. на каждого стражника). Городская дума единогласно постановила: подчинить конную стражу городскому управлению, продолжить сбор средств (подписку) на ее формирование, продолжить организацию милиции [9, с. 3]. Приток пожертвований на формирование конной стражи составил 7000 руб. В начале ноября 1905 г. организация конной стражи в Екатеринбурге была закончена. Всего было

принято на службу 50 человек, вооруженных револьверами (предполагалось еще приобретение сабель). Охрана города производилась следующим образом: днем патрулировали 20 стражников, а ночью 30 [10, с. 2].

Думцы города Камышлова тоже были обеспокоены безопасностью граждан и на чрезвычайном собрании городской думы, организованной по поводу Октябрьского манифеста решили организовать городскую охрану (путем найма 20 человек, выделив на это 1000 руб.). Кроме того, гласные пришли к мысли о необходимости вести разъяснительную работу по поводу сущности манифеста 17 октября, постановив бесплатно раздавать жителям города брошюры о значении манифеста и организовать чтение соответствующих лекций [11, с. 3].

Открытие Государственной Думы стало важной вехой в истории российской государственности. 29 апреля 1906 г. в 3 часа в зале заседаний Екатеринбургской городской думы состоялось экстренное заседание 20 гласных под председательством городского головы И.К. Анфиногенова, в присутствии О. А. Антонинова. Городской голова произнес речь: «Господа! Телеграф нам принес радостное известие о совершившемся 27 апреля знаменательном в жизни России событии – открытии Государственной Думы. Вознеся сейчас вместе с Вами в Кафедральном соборе горячие молитвы о здравии и долголетьи возлюбленного монарха нашего и о ниспослании успехов в занятиях вновь открытого законодательного учреждения – Государственной Думы, я предлагаю послать от имени Екатеринбургской городской думы приветственные телеграммы императору и председателю Государственной Думы С.А. Муромцеву [12, Л.71].

Некоторые гласные были настроены весьма либерально и решительно. Гласный Н.Ф. Магницкий указал на первую речь члена Государственной Думы И.И. Петрункевича при открытии Государственной Думы. Депутат говорил о необходимости освобождения всех пострадавших за политические убеждения, о даровании полной амнистии так называемым политическим «преступникам», предлагал ознаменовать 27 апреля – начала осуществления народной свободы – дарованием свободы. Н.Ф. Магницкий напомнил думцам о постановлении Екатеринбургской городской думы 7 ноября 1905 г. ходатайствовать о даровании полной амнистии наказанным по политическим мотивам и выдаче 500 руб. в помощь этим людям. Однако среди представителей Екатеринбургской городской думы были и другие настроения. В итоге екатеринбургские думцы ограничились решением о посылке телеграмм. В одной из них, адресованной императору Николаю II, говорилось: «Екатеринбургская городская дума, выражая бесконечную радость свою в виду совершившегося начала осуществления Высочайшей воли вашего Императорского величества и истинного желания народа и в

предведении будущих широких милостей ваших поистине ко всем подданным Вашего Императорского Величества, молится и будет молиться Всевышнему о здравии вашем» [12, Л. 72 об. – 73]. В другом адресе на имя председателя Государственной Думы Сергея Андреевича Муромцева были следующие слова: «Екатеринбургская городская дума, торжествуя великий день обновления России, живет мыслью, что положенные начала правде и свободе найдут себе оплот и широкое развитие в твердой воле и глубоком народном разуме его избранников» [12, Л. 74].

Рассмотренный материал позволяет заключить, что по мере нарастания революции и втягивания в нее периферии усиливался процесс политизации городского населения, включая гласных. Многие вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях городских дум, имели политическое значение. Особой вехой в жизни страны стало издание Манифеста об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г., важное историческое значение которого осознавалось демократически настроенной общественностью уральского края. Ключевым же вопросом для городского общественного управления в Пермской губернии на начальных этапах революции стал вопрос охраны общественного порядка и поддержания социального равновесия.

Литература

1. Пермские губернские ведомости. 1905. 16 ноября. № 240.
2. Уральская жизнь. 1905. 12 августа. № 187.
3. Уральская жизнь. 1905. 21 октября. № 238.
4. Уральская жизнь. 1905. 30 октября. № 244.
5. Пермские губернские ведомости. 1905. 9 ноября. № 235.
6. Уральская жизнь. 1905. 8 апреля. № 92.
7. Памятная книжка Пермской губернии на 1907 год // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. Пермь, 1907.
8. Пермские губернские ведомости. 1905. 11 ноября. № 237.
9. Уральская жизнь. 1905. 2 ноября. № 246.
10. Уральская жизнь. 1905. 9 ноября. № 252.
11. Пермские губернские ведомости. 1905. 17 ноября. № 241.
12. Государственный архив Свердловской области. Ф.8. Оп. 1. Д. 1982.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1920 гг.

Саблин Василий Анатольевич,

декан исторического факультета, заведующий кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, доктор исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет

г. Вологда, Россия

Sablin@inbox.ru

Аннотация: В статье обозначены актуальные для исторического анализа национальные аспекты Гражданской войны на Севере России. Проанализированы вопросы иностранного присутствия в регионе в контексте взаимоотношений интервентов и местного населения, а также Белой армии, национально-государственного самоопределения, и роли интернационалистского фактора в гражданском противостоянии на Севере.

Ключевые слова: Гражданская война, Европейский Север России, интервенция, национальное самоопределение, интернационализм.

NATIONAL ASPECTS OF THE CIVIL WAR IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA in 1918–1920

Sablin Vasily Anatolyevich

Dean of the Faculty of History, Head of the Department of World History and socio-economic disciplines, doctor of historical sciences, professor,

State University of Vologda

Vologda, Russia

Sablin@inbox.ru

Abstract: The article marked relevant for historical analysis of the national aspects of the Civil War in the North of Russia. Analyzed issues of the foreign presence in the region in the context of relations between the invaders and the local population, as well as the White Army, the national-state self-determination, and the role of internationalist factor in the civil confrontation in the North.

Keywords: Civil War, the European North of Russia, intervention, national self-determination, internationalism.

Огромные пространства Европейского Севера России традиционно воспринимаются как в отечественной, так и в зарубежной историографии как некое гомогенное пространство, имеющее единую парадигму развития и общую историческую перспективу развития. Такое понимание региона в значительной степени справедливо применительно к экономическим, социальным и геополитическим процессам, протекавшим в регионе на протяжении многих столетий. Такой подход применительно к эпохе революции и Гражданской войны 1917–1920 гг. позволил автору, к примеру, детально изучить особенности развития крестьянского хозяйства региона, его эволюцию, демографические параметры крестьянской семьи, уровень товарности крестьянского двора, поведенческие мотивы крестьянского миропонимания и меняющегося менталитета [1].

Ученые, занимающиеся вопросами урбанистики и социальной стратификации социума, также исходят в своей трактовке пространства и времени из единообразия этих процессов в регионе.

В изучении Гражданской войны на Европейском Севере России значительную роль сыграл координационный центр по ее исследованию, созданный в САФУ под руководством профессора В.И. Голдина. В качестве примера можно привести серию конференций, проведенных Центром, посвященных одному из пяти лет этого судьбоносного для страны периода 1917–1921 гг. [2]

Вопросы национальных и межэтнических взаимоотношений в период Гражданской войны, в определенной мере разработаны историками Сыктывкара и Петрозаводска, тем не менее, некоторые проблемы требуют определенной актуализации.

Представляется, что данный аспект связан с проблематикой иностранного присутствия в регионе в контексте взаимоотношений интервентов и местного населения, а также воюющей Белой армии, вопросами национально-государственного самоопределения, и роли интернационалистского фактора в гражданском противостоянии на Севере.

Проблема пребывания войск стран Антанты на Европейском Севере также имеет давние историографические традиции. Сегодня историки в нашей стране склонны оценивать иностранную интервенцию на Севере в русле концепций, появившихся еще в ходе самой войны. Суть их сводится к тому, что англичане появились на Мурмане в начале весны 1918 г. с целью противодействия возможному захвату Петрограда и Мурманска немцами, и только по мере развития событий Гражданской войны в России интервенция приобрела антибольшевистский характер.

Считать так есть основания, но при этом следует подчеркнуть, что за время пребывания иностранцев на Европейском Севере местная белая

власть, как ни в каком другом регионе страны, зависела от интервентов в военно-политическом и хозяйственном смыслах. Начиная от планирования и проведения военных операций, кончая снабжением населения продовольствием через «Союзный комитет снабжения» вплоть до ухода в конце 1919 г. «союзников» из Архангельска и Мурманска, доминирование иностранцев проявлялось достаточно отчетливо. В этой связи Гражданская война на Севере, понимаемая как противостояние белых и красных армий, проявила себя лишь в течение 6 последних месяцев конфликта с конца 1919 по февраль 1920 гг.

К обозначенной проблеме взаимоотношений интервентом с местной военной и политической элитой добавляется важный аспект взаимодействия иностранцев с местным автохтонным, аборигенным населением, понимание иностранцами этно-национального контекста войны и военной повседневности в ее многочисленных проявлениях. Сегодня историк в попытках посмотреть на данную проблему глазами рядовых и не только рядовых участников интервенции может опереться на относительно узкий круг источников, сравнительно мало введенный в оборот и еще меньше подвергнутый критическому анализу. Среди таких источников назовем фотолетопись пребывания иностранцев на Мурманском и Архангельском Севере. Рассматривая подборку фотографий той поры несложно убедиться в том, что в массе своей авторы фотографий, возможно на подсознательном уровне, демонстрируют зрителю идею о неоспоримом превосходстве цивилизации Старого и Нового Света над цивилизацией Российской [3].

Второй научной проблемой, из обозначенных выше, является проблема формирования национального самосознания коренных народов, проживавших в регионе задолго до прихода сюда славян. Речь идет о финно-угорских народах коми (коми-зырянах, коми-пермяках, коми-ижемцах), карелах, самодийских народах Кольского полуострова, Большеземельской и Малоземельской тундр (саамах-лопарях, ненцах-самоедах). Интересы ради, отметим незначительный этнический анклав эстонских переселенцев Никольского уезда, образовавшийся в ходе Столыпинской реформы. Все они к тому времени подверглись существенной русификации в части материальной, агротехнической, вероисповедной, но сохранили самобытную языковую, духовную культуру, и не утратили этно-национальной праясности. Революция 1917 г. содействовала пробуждению национального самосознания.

Впервые идея национального самоопределения была озвучена коми населением Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание. После событий Октября 1917 г. этот вопрос перешел в практическую плоскость и решался в леги-

тимных рамках советской правовой системы. При этом первоначальные проекты «об образовании из губерний: Уфимской, Пермской, Вятской, Ярославской, Костромской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской особой автономной окраинной единицы», или создания «автономного зырянского штата какой-нибудь северо-восточной федеративной республики» [4], или же советской социалистической республики Коми в составе РСФСР не были поддержаны Центральной властью. 22 авг. 1921 последовало постановление Президиума ВЦИК РСФСР «Об образовании автономной области Коми (Зырян)». Автономная область была выделена из Северо-Двинской губернии.

Абсолютно в иной плоскости данная проблема возникла на Западе края в карельских волостях Олонецкой и Архангельской губерний, где в марте 1918 г. была провозглашено независимое Карельское государство. Окончательно Северокарельское государство оформилось 21 июля 1919 г. вместе с созданием Временного правительства Беломорской Карелии (Временного правительства Архангельской Карелии, Архангельского Карельского Временного правительства, Ухтинского правительства) во главе с С.А. Тихоновым. Центром территориального образования стало село Ухта Кемского уезда Архангельской губернии. Военной опорой правительства послужили интервенты, вторгшиеся на Кольский полуостров из Финляндии.

Первоначально планировалось вступление Архангельской Карелии в состав Финляндии, однако в дальнейшем был взят курс на создание независимого государства союзного Финляндии. 21 марта 1920 г. в Ухте был созван съезд представителей 11 северных волостей, подконтрольных Ухтинскому правительству. Съезд провозгласил независимость Карелии, апеллируя, как это не парадоксально выглядело, к продекларированному большевиками праву наций на самоопределение.

В Москве были крайне озабочены ситуацией на Севере. Однажды «отпустив» Финляндию, Ленин мог опасаться того, что за счет России ее восточные границы могут раздвинуться до Белого моря. В этой ситуации его не могла не заинтересовать идея создания на Кольском полуострове карельской автономии (Карельской Коммуны) в составе РСФСР, выдвинутая еще в 1919 г. видным финским коммунистом Эдвардом Гюллингом. Ее реализация могла решить проблему национального самоопределения карел, ограничить территориальные притязания Финляндии, создать своего рода плацдарм для распространения мировой революции на Скандинавию, одновременно стать социалистической альтернативой буржуазному финляндскому государству и Ухтинскому правительству. 8 июня 1920 г. декретом ВЦИК РСФСР из карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний была образована Карельская трудовая коммуна (КТК) [5]. Э. Гюлинг занял пост председатель Ревкома КТК.

Северокарельское государство (Ухтинская республика) прекратило своё существование в 1922 г. после неудачной попытки Финляндии второй раз оккупировать часть районов Карелии.

Еще один этноадминистративный проект периода Гражданской войны на Севере был связан с попыткой архангельского земства создать в Мезени самоедскую территориальную единицу и сосредоточить в ее руках управление всеми тундрами края. Проект разрабатывался в течение 1919 г., но так и оказался не реализованным [6]. А что касается белой политики в отношении местного населения можно отметить тот факт, связанный с уходом интервентов из Архангельска, когда Северная Армия, оставшись без союзной помощи, должна была заботиться о продовольствии самостоятельно. Именно тогда возникла идея заготовки оленины для армии в низовьях Печоры и Мезени. Контрагентами заготовок выступала кооперация, интендантство и частные заготовители. В основу был положен меновой принцип заготовки. И именно тогда стали известны многочисленные факты обмана ненцев, когда туша оленя обменивалась, к примеру, на осьмушку чая.

По-прежнему малоизученным аспектом Гражданской войны на Европейском Севере является участие в войне на стороне большевиков национальных военных формирований. Нуждается в дополнительном исследовании и деятельность отдельных интернационалистов, таких как А.И. Геккер, Р.С. Землячка, братья Э.Ф. Аппога и Ф.Ф. Аппога, «северный Чапаев» – Хаджи Мурат и, в особенности, М. Мандельбаум, проводивший политику жесточайшего террора на Печоре и в Зауралье [7, с. 40]. Обозначенные выше составляют научную проблему и нуждаются в комплексном осмыслении.

Литература

1. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России 1917–1921: (Соц. и экон. результаты) / В.А. Саблин; Сев.-Зап. акад. гос. службы, Фил. в г. Вологде. – Вологда: [б. и.], 2002. – 343 с.
2. 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения: сборник материалов международной научной конференции. – Архангельск: Солти, 2010. – 295 с.
3. <http://photochronograph.ru/2013/07/25/grazhdanskaya-vojna-na-severe-rossii/> (Дата обращения 07.10.2016).
4. Северо-Двинский край. 1918. 14 февраля.
5. Декрет ВЦИК от 8 июня 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочеого и крестьянского правительства. Отдел первый. М., 1920 г. № 53, ст. 232.
6. Саблин В.А. Управление тундрами на «Белом» Севере в 1918–1920 гг. // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1991. – С. 30–31.
7. Балмасов С.С. Красный террор на Востоке России в 1918–1922 гг. М., 2006. – 374 с.

**ПРЕСТУПНОСТЬ В СРЕДЕ МЕСТНЫХ
ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ РАБОТНИКОВ В 1930-е ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)**

*Перебинос Юлия Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
г. Вологда, Россия
uliaperebinos@mail.ru*

Аннотация: В публикации рассматриваются преступления, наиболее распространенные в среде ответственных руководящих работников аппаратов местных партийных комитетов и исполнительных комитетов Советов в 1930-е гг. Исследование проведено на примере Европейского Севера России.

Ключевые слова: партийно-советские руководители; девиантное поведение; должностные преступления, хозяйственные преступления, контрреволюционные преступления.

**CRIMINALITY ON ENVIRONMENT OF LOCAL SOVIET AND PARTY
WORKERS IN 1930 YEARS
(ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)**

*Perebinos Iuliia Aleksandrovna
Associate Professor, the Chair of State Legal Disciplines, PhD in History,
Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal
Penal Service of Russia, Vologda, Russia
uliaperebinos@mail.ru*

Abstract: In the publication are examined the crimes, most common on environment of the responsible leading workers of the apparatuses of local party committees and executive committees of Soviets in 1930- e years. The study is conducted on the example of the European North of Russia.

Keywords: party and soviet leaders; deviant activities; crimes of officials; economic crimes; counterrevolutionary crimes.

Совершение преступлений работниками органов власти являлось крайней формой девиантного, т.е. отклоняющегося от нормы и сложившегося в 1930-е гг. образа партийно-советского руководителя, поведения. В архивах накопилось немалое количество материалов, фиксирующих факты преступных деяний чиновников. Вместе с тем, специальной статистики по уголовным преступлениям, совершенным ответственными работниками партийно-советского аппарата Европейского Севера России в 1930-е гг., на данный момент не выявлено.

В рассматриваемое десятилетие действовал Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. [1]. Статьи его Особенной части объединяли девять групп преступлений, в том числе контрреволюционные, должностные (служебные), хозяйственные. Именно по ним в течение изучаемого периода чаще всего привлекались к уголовной ответственности руководящие сотрудники сельских, районных, городских, областных и краевых партийно-советских органов.

Выявленные архивные материалы демонстрируют, что наиболее распространенными преступлениями в среде провинциальных чиновников являлись злоупотребление служебным положением, превышение и дискредитирование власти, растрата государственных средств. При этом в конце 1920 – начале 1930-х гг. особо резонансными были дела о злоупотреблении и превышении власти местными чиновниками при проведении коллективизации и раскулачивания. В частности, расследование показало, что секретари Свердловско-Сухонского, Сямженского, Вожегодского районных комитетов ВКП (б) дали установку нижестоящим органам «запугивать» бедняков и середняков, не желающих вступать в колхозы [2]. В некоторых районах, как например, в Свердловско-Сухонском, Холмогорском, за отказ вступать в колхозы применялись аресты, расстрелы, «осадное положение» [3]. Причем, местные жители, называя причины раскулачивания, указывали на личную выгоду чиновников: так, крестьяне Вожегодского района сообщали, что работники РИКа и одного из сельсоветов района раскулачили середняков и бедняков и «теперь живут в их домах...» [4]. Жители Вожегодского района писали, что служащие РИКа и сельсовета продавали на торгах имущество раскулаченных, а затем сами же его и приобретали по «дешевке» [5]. Эти сведения подтверждались проверками вышестоящих инстанций, которые проштрафившихся чиновников снимали с должности, исключали из партии, привлекали к уголовной ответственности. Однако практика злоупотребления служебными и превышения власти не была изжита и далее. Так, например, в 1933 г. за злоупотребление властными полномочиями и их превышение был отдан под суд председатель Юркинского сельсовета Леденгского района, который, как сообщал местный прокурор,

при сборе продуктов по плановым заданиям нанес побои семи человекам, в том числе семидесятилетней крестьянке [6]. В 1936 г. члены Приозерного райисполкома были привлечены к ответственности по ст. 109 УК 1926 г. («злоупотребление властью или служебным положением») за использование колхозных полей для нужд личного хозяйства [7].

Дискредитирование власти, т.е. «совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем коих данное должностное лицо является» (ст. 113 УК), выражалось в злоупотреблении спиртными напитками и хулиганских действиях. Например, в 1937 г. инструктор Исакогорского райкома был исключен из партии и привлечен к уголовной ответственности по данной статье за то, что «в пьяном виде убил человека», инструктор краевого отдела социального обеспечения, «будучи в служебной командировке у себя на родине, зашел в гости, напился и в пьяном виде убил колхозника» [8]. Подобные случаи были не редкостью. Пьянство было распространенным пороком в среде ответственных работников и нередко являлось причиной увольнения с должности и привлечения к партийной и уголовной ответственности.

Еще одним распространенным преступлением, особенно среди низшего звена советского аппарата, были растраты. К примеру, председатель одного из РИКов Вологодского округа в 1930 г. указывал, что «ставший председателем сельсовета бедняк через полтора месяца был снят за растраты; другой, растратив 2 тысячи рублей, застрелился; третий вообще сбежал с деньгами» [9]. В 1935 г. организованная властью свыше кампания по борьбе с растратами выявила, что по-прежнему данный вид преступления «процветает». В частности, из Леденгского районного комитета партии сообщали, что всего по району было выявлено 17 растратчиков, в том числе председатель Косиковского сельсовета, который в течение 1934 г. растратил 5 тысяч рублей государственных средств [10].

В ряде случаев руководящие работники обвинялись сразу по нескольким составам. Так, в 1934 г. в Северном крае партийные и следственные органы «вскрыли разложение группы руководящих работников Соломбальского района». К этой группе относилась вся верхушка района: секретарь РК партии, председатель РИКа, заведующие финансовым и военным отделом райисполкома и др. С точки зрения компетентных органов, «разложение» проявлялось в таких преступных эпизодах, как личное присвоение конфискованного имущества у раскулаченных, незаконная реализация через распределитель ответственных работников конфискованных у спекулянтов дефицитных вещей и продуктов, хищение продуктов централизо-

ванного снабжения, незаконное получение денег из средств райсовета и предприятий, систематическая неуплата квартплаты и средств за коммунальные услуги, «систематическое пьянство не только на квартирах отдельных сотрудников, но и в помещениях РИКа», «связь с классово-чуждыми элементами». В результате работы следствия к руководителям Соломбальского района были применены меры партийной, дисциплинарной и уголовной ответственности. Так, секретарь райкома был снят с работы и исключен из рядов коммунистической партии, работники РИКа – уволены с должности, исключены из партии и отданы под суд [11].

В последней трети 1930-х гг. местные партийно-советские работники в массовом порядке подвергались уголовному преследованию в соответствии со статьей 58 УК РСФСР 1926 г., раскрывающей составы контрреволюционных преступлений. Между тем, применение данной статьи в отношении провинциальной руководящей элиты имело место в течение всего рассматриваемого десятилетия. Так, в 1931 г. ОГПУ по Северному краю вело следствие в отношении нескольких бывших краевых работников, которые обвинялись по различным пунктам ст. 58 [12]. В 1935 г. в руководстве Коми области была «разоблачена» и «изгнана» из партии группа «контрреволюционных троцкистско-зиновьевских выродков и националистических элементов». В результате работы специальной краевой комиссии из партии было исключено 33 человека, арестовано 16 человек по обвинению в совершении контрреволюционных преступлений [13].

Безусловно, наибольшего размаха применение ст. 58 достигло в 1936–1939 гг.: управление НКВД по Северному краю сообщало, что с июля по октябрь 1936 г. в регионе было выявлено 7 контрреволюционных организаций, в том числе в Архангельске, Вологде, Сыктывкаре. К примеру, в Архангельскую контрреволюционную группировку входили 5 человек, в т.ч. бывшие высокопоставленные краевые чиновники, которые «на собраниях, устраиваемых ими, обсуждали методы борьбы с руководством партии и Советского правительства и пропагандировали террор в отношении вождей партии» [14]. Еще большие масштабы борьба с «врагами народа» в Северном крае приняла в 1937–1938 гг. При этом, как правило, инкриминирование совершения контрреволюционного преступления сопровождалось обвинением в хозяйственных (глава 5 УК 1926 г.) и должностных преступлениях (глава 3), а также в «морально-бытовом разложении», что соответствовало ст. 113 – «дискредитирование власти». В частности, в 1939 г. по ч. 1. ст. 58-10 за проведение контрреволюционной работы в городском совете Котласа был привлечен к ответственности работник этого органа власти Касьянов, которому также вменялось в вину и пьянство [15].

Итак, преступность в среде провинциальных партийно-советских работников в 1930-е гг. имела место и не была исключительным явлением. Тот факт, что в среде региональных руководящих партийных и советских работников преобладающими являлись должностные и хозяйственные преступления, обуславливается их низким уровнем общей, управленческой и правовой культуры, а также неудовлетворительным материальным обеспечением. Обратим внимание и на то, что такое неправомерное поведение местного чиновничества порождало негативное отношение к нему со стороны рядовых колхозников, служащих и рабочих. Стоит также отметить, что вышестоящее руководство предпринимало немало усилий для борьбы с такими «болезненными» явлениями в провинциальном властном аппарате, как преступления его ответственных сотрудников.

Литература и источники

1. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 1855. Оп. 1. Д. 51. Л. 7-8.
3. ВОАНПИ. Ф. 1855. Оп. 1. Д. 45. Л. 63, 102.
4. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее – ГААО ОДСПИ). Ф. 290. Оп. 1. Д. 453. Л. 29.
5. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 453. Л. 169.
6. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1441. Л. 156-157.
7. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 838. Л. 43-46.
8. ГААО ОДСПИ. Ф. 834. Оп. 1. Д. 605. Л. 14.
9. Государственный архив Вологодской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 92. Л. 91.
10. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 745. Л. 47-48.
11. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 30. Л. 228об. – 229.
12. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 948. Л. 82.
13. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 309. Л. 93, 99.
14. ГААО ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 837. Л. 163.
15. ГААО ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 523. Л. 68.

**«ВСЕХ УЛИЧЁННЫХ В ШПИОНСТВЕ В ПОЛЬЗУ ЯПОНИИ
НАДО РАССТРЕЛИВАТЬ...»: ОГПУ-НКВД И МАНЬЧЖУРСКИЙ
КРИЗИС (1931–1935 гг.)**

Филинов Андрей Владимирович,
*соискатель кафедры Отечественной истории XX–XXI вв.
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
fiann@inbox.ru*

Аннотация: В статье систематизируются методы и принципы деятельности ОГПУ-НКВД, относящейся к проведению советскими органами госбезопасности мероприятий на Дальнем Востоке в связи с внешней угрозой в первой половине 1930-х гг.

Ключевые слова: ОГПУ; НКВД; Дальний Восток; советские спецслужбы; маньчжурский кризис; СССР; Япония.

**«ALL CONVICED OF ESPIONAGE IN FAVOR OF JAPAN SHOULD
BE SHOT...»: THE OGPU-NKVD AND MANCHURIAN CRISIS
(1931–1935)**

Filinov Andrey Vladimirovich
*applicant of the Department of the Russian History 20-21th
Moscow State University, Faculty of History
Moscow, Russia
fiann@inbox.ru*

Abstract: The article systematized methods and principles of activity of the OGPU-NKVD, relating to the conduct of the Soviet security services events in the Far East in connection with the external threat in the first half of the 1930s.

Keywords: OGPU; NKVD; Far East; Soviet special services; Manchurian crisis; The USSR; Japan.

ОГПУ-НКВД, как практически всеобъемлющая по своим задачам спецслужба, занималась сразу несколькими направлениями деятельности, имеющей непосредственное отношение к ситуации на Дальнем Востоке. Эти функции можно условно подразделить на шесть основных групп:

1) политическая разведка;

- 2) контрразведка;
- 3) карательные мероприятия и «чистки»;
- 4) пограничная служба;
- 5) контроль за объектами ВПК;
- 6) обеспечение военного строительства.

Что касается политической разведки, то она информацию черпала из двух источников. Первый – информация агентуры ИНО, включая и документальную информацию, а второй источник – информация Особого отдела [1, с. 35]. В конце 1931 г. И.В. Сталин затребовал информацию от своих спецслужб о дальнейших планах Японии в отношении Маньчжурии и советского Дальнего Востока, и 19 декабря за подписью зампреда ОГПУ В.А. Балицкого была представлена докладная записка с переводами двух документов, принадлежавших перу военного атташе посольства Японии в Москве [2, с. 292-295].

Документов, рассказывающих о борьбе чекистов с подлинными или мнимыми японскими шпионами и диверсантами более чем достаточно. Например, в сообщении Г.Е. Прокофьева и Л.Г. Миронова И.В. Сталину о «диверсионной» организации от 26 ноября 1932 г. утверждается, что «<...> раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация Японского Генерального Штаба...» [2, с. 341]. Бывали и случаи, грозившие дипломатическим скандалом. 15 июня 1933 г. Я.С. Агранов доложил генсеку о задержании японского военного атташе, который пытался «осмотреть территорию аэродрома...» [2, с. 443].

Массовый голод 1932–1933 гг., бегство крестьян из деревень, растущая угроза полного развала сельского хозяйства заставили партию и правительство пересмотреть темпы «большого скачка». В связи со сложившейся ситуацией 8 мая 1933 г. СНК и ЦК ВКП (б) приняли постановление (в форме секретной инструкции), в которой говорилось о необходимости прекратить массовые выселения и острые формы репрессий в деревне в связи с разгромом классовых врагов и «победой колхозного строя» [3, с. 44]. В секретном Постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О разгрузке тюрем» от 10 мая 1933 г. давалось разрешение на депортацию из ряда регионов (в том числе, с Дальнего Востока) 12 тыс. крестьянских хозяйств [4, с. 45].

После маньчжурского инцидента Политбюро поручило комиссии в составе В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, И.А. Акулова обсудить вопрос «О погранохране Казахстана, Средней Азии и Восточной Сибири», и 26 ноября 1931 г. был сделан доклад о погранохране этих 3 регионов и Дальнего Востока [5, с. 189]. Только за 1931–1932 гг. свыше 14 тыс. пограничников расселилось на Дальнем Востоке после увольнения в запас

[5, с. 190]. В то же время сообщения чекистов о положении на советско-китайской границе на протяжении 1933–1934 гг. были выдержаны в весьма мрачных тонах [6, с. 403, 436].

Помимо охраны рубежей Советского Союза, у ОГПУ-НКВД были и другие задачи, например, контроль за различными предприятиями, относившимися к числу объектов военно-промышленного комплекса страны. Главным звеном взаимосвязи между военным «заказчиком» и оборонными предприятиями в 1930-е г. стала система военной приёмки, появившейся в связи с проблемой качества военной продукции, которая оказалась наиболее острой в период организации оборонных производств [7, с. 133]. Кроме того, Оперативно-чекистское управление ОГПУ-НКВД периодически осуществляло «мероприятия по очистке заводов военной и авиационной промышленности от контрреволюционных и антисоциальных элементов» [8, с. 287]. «Чистили» предприятия и от «японских шпионов», неведомо как «пробравшихся» в оборонную промышленность [9, с. 431].

Важным шагом по укреплению дальневосточных границ были мероприятия ОГПУ-НКВД по обеспечению военного строительства, и в т.ч. по прокладке новых железнодорожных магистралей. 13 апреля 1932 г. Политбюро постановило немедленно начать строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМа) и обязало различные организации посылать нужные для постройки материалы и оборудование на Дальний Восток [5, с. 183]. Однако постройка БАМа оказалась, в силу ряда причин, довольно сложной задачей, поэтому постановлением Совнаркома от 23 октября 1932 г. строительство БАМа было возложено на ОГПУ, с расчётом использовать на строительстве заключённых исправительно-трудовых лагерей [10, с. 159].

Таким образом, деятельность советских органов госбезопасности (ОГПУ-НКВД) сосредотачивалась не только на противостоянии деятельности японских спецслужб, но и на воспрепятствовании совершению диверсий, актов саботажа на предприятиях, имевших отношение к ВПК, контроле за политическими настроениями населения. Много сил было направлено на предотвращение распространения оппозиционных советскому режиму взглядов, ликвидацию организаций и объединений, имевших «анти-советский» характер. Осуществлялась охрана государственной границы СССР на Дальнем Востоке. ОГПУ-НКВД отвечало также за выполнение ряда мероприятий по военному строительству, проводившемуся с помощью труда заключённых лагерей.

Источники и литература

1. Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. 464 с.

2. Лубянка: Сталин и ВЧК - ГПУ - ОГПУ - НКВД, январь 1922 – декабрь 1936 / Сост.: Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. М., 2003. 912 с.
3. Аурилене Е.Е., Цыбин А.Ю. Меч пролетарской диктатуры Дальневосточные органы ГПУ-ОГПУ в борьбе за экономическую безопасность СССР. Хабаровск, 2010. 176 с.
4. Чернолуцкая Е.Н. Принудительное переселение дальневосточных крестьян в 1930–1933 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2009, № 1 (143). С. 40–47.
5. Тэраяма К. Маньчжурский инцидент и СССР. // Acta Slavica Iaponica. Т. 14., 1996. С. 179–198.
6. Пограничные войска СССР 1929-1938 гг. сб. документов и материалов. / Сост. Иванчишин П.А., Чугунов А.И. М., 1972. 776 с.
7. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е гг.). М.: ИРИ РАН, 2006. 704 с.
8. Симонов Н.С. Советская военная промышленность и НКВД в 1930-е гг.: очерки истории взаимоотношений. // Власть и общество в СССР: политика репрессий (1920–1940-е гг.). Сб. статей. М., 1999. С. 285–297.
9. Хаустов В.Н. Народный протест против сталинской внутренней политики (1934–1936 гг.). // Историческая наука и образование на рубеже веков: Сборник статей. / Сост. А.А. Данилов. М., 2004. С. 424-451.
10. Тэраяма К. Ответ на угрозу: советский Дальний Восток в начале 1930-х гг. // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства. Всероссийский экономический журнал). 1997, № 8. С. 155–160.

УДК 93

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ МАГИСТРАЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Мухина Наталья Евгеньевна,
доцент, кандидат исторических наук
Воронежский государственный технический университет,
г. Воронеж, Россия
natali.05-02@mail.ru*

Аннотация: в статье рассматривается героический вклад, который внесли железнодорожники Юго-Восточной магистрали в общую победу советского народа в Великой Отечественной войне

Ключевые слова: война; Юго-Восточная железная дорога; героизм; стойкость; Победа

HEROIC FEATS RAILWAY SOUTH-EAST HIGHWAY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Mukhina Natalia Evgenevna

*Associate Professor, Candidate of Historical Sciences
Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia
natali.05-02@mail.ru*

Abstract: The article examines the heroic contributions made by the railroad Southeast line to the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.

Keywords: war; South Eastern Railway; heroism; resistance; Victory.

75 лет прошло с того момента когда, 22 июня 1941 г. мирный труд советских граждан был прерван вероломным нападением фашистской Германии на СССР. С первых дней Великой Отечественной войны весь советский народ встал на борьбу за свободу и независимость.

22 и 23 июня 1941 г. на всех предприятиях Юго-Восточной железной дороги прошли митинги и собрания. В своих выступлениях и резолюциях рабочие и служащие выражали ненависть к фашизму и давали клятву бороться до полного уничтожения гитлеровских захватчиков. Так, коллектив локомотиворемонтного завода им. Ф.Э. Дзержинского на своем митинге принял обращение к трудящимся Воронежской области. «Мы призываем, – говорилось в нем, – всех рабочих, работниц, инженеров, служащих промышленности и транспорта Воронежской области перестроить работу и всю жизнь на военный лад, подчинить все фронту, святому делу уничтожения кровавого фашизма». [1, с. 181]

С началом военных действий перед Юго-Восточной железной дорогой были поставлены ответственные задачи по перевозкам людей, техники, боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования, медикаментов – всего необходимого для войск, прикрывавших западные и юго-западные границы. [2, с. 146]

В 1941 году, когда началась эвакуация и перебазирование промышленности из западных районов на восток, дорога широко открыла прием с Харьковского, Ростовского и Курского направлений. В течение первых же месяцев парк дороги с 14.000 возрос более чем до 60.000 вагонов.

Из двухпутной дорога превратилась в однопутную. И, несмотря на это, пропуск транзита с запада на восток не только не уменьшился, но даже возрос.

Еще более энергично продвигался встречный поток фронтовых эшелонов с вооружением и боевым пополнением для Красной Армии.

Работа железнодорожников в этот период отличалась изумительной четкостью. Размеры движения на главных направлениях были доведены до такого состояния, о котором многие не мечтали и в мирное время.

В общем, коллектив дороги встретил первый напор коварного и лютого врага в состоянии мобилизационной готовности.

Надо сказать, что машинисты и кондукторы неделями не сходили с паровозов и тормозных площадок, дежурные по станции и составители под огнем немецкой авиации рассредоточивали составы, путейцы, связисты непрерывно восстанавливали пути и сооружения связи.

Когда отсутствие связи начинало тормозить движение фронтовых маршрутов, диспетчеры устанавливали живую блокировку, а сами садились на автомашины и, переезжая от станции к станции, регулировали поток бесконечного каравана поездов.

Нередко, в острые периоды, в этом огромном потоке требовалось разыскать на перегонах составы с танками и орудиями, руководители службы движения вылетали на линию на самолетах. Следуя над трассой бреющим полетом, они находили нужные маршруты и обеспечивали быстрый пропуск их к позициям.

Передовые машинисты дороги в самых сложных условиях находили выходы из затруднений и не допускали перебоев в движении поездов.

Замечательный образец дисциплины и выдержки показали однажды машинист Титаренко и его помощник Самовдин. Им поручили доставить на фронт состав с боеприпасами.

Путь к фронту длился трое суток. Подвергаясь неоднократным налетам, механик вел эшелон, не смыкая глаз, предполагая отдохнуть после возвращения. Однако на фронтовой полосе ему предложили уступить свое место помощнику, а самому принять паровоз, оставшийся без машиниста и вести срочный состав.

Титаренко безоговорочно принял локомотив и еще пять дней бесменно простоял за правым крылом, пока не выполнил боевую задачу.

Находчивость, решительность паровозников дороги часто приводили в изумление все испытавших бойцов и командиров Красной Армии. Ведя поезд по участку, расположенному близ фронта, машинист Масалов был остановлен на перегоне. Путь был загроможден разбитым вагоном, брошенным ранее проследовавшим эшелонном. Механик призвал на помощь бойцов, свалил с их помощью вагон под откос, и как ни в чем не бывало, повел поезд дальше. В другую поездку вражеские самолеты семь раз бомбили в пути его состав, расстреливая паровоз из пушек и пулеметов. Напарник Масалова – машинист Афанасьев был ранен. Семь пуль попали в котел, но врагу не удалось вывести паровоз из строя. Масалов оказал по-

мощь раненому товарищу и отправил его в госпиталь. Затем он ликвидировал все повреждения и, отработав несколько суток на фронтовом участке, вернулся в депо. [3, с. 219–221]

С первых же дней войны железнодорожники Юго-Восточной магистрали бесперебойно обеспечивали фронт резервами, боеприпасами и боевой техникой и вывозили в тыл страны государственные ценности, больных и раненых воинов и население. В октябре 1942 г. за образцовое выполнение заданий командования ЮВЖД было присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона. [1, с. 200]

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что мужество, стойкость и самоотверженность юговосточников послужили одним из основных источников исторических побед Красной Армии под Сталинградом, в районе среднего течения Дона, под Воронежем и даже на Курской дуге.

Литература

1. Край наш Воронежский. – Воронеж: Центр. – Чернозем. Кн. Изд-во, 1985. – 511 с.
2. Попов В. Стальной меридиан. Воронеж: Библиотека ЮВЖД, 2001. – 247 с.
3. Дорога нашей победы / Под ред. В. И. Володько. – Воронеж: ООО «Издательство Черноземье», 2015. – 304 с.

УДК 94

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953) (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО И ПРИМОРСКОГО РАДИОКОМИТЕТОВ)

Погарцев Виталий Васильевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и
социально-гуманитарных дисциплин, Педагогический институт,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск, Россия
vpogarcev@yandex.ru*

Аннотация: Общественно-политическая деятельность Хабаровского и Приморского радиокomiteтов в первое послевоенное десятилетие была связана с повышенной идеологизацией жизни населения страны в связи с начавшейся «холодной» войной и новым витком репрессий.

Ключевые слова: Радиовещание; радиокomiteт; общественно-политическая деятельность; информация; радиопередача.

PUBLIC AND POLITICAL ACTIVITY OF FAR EAST BROADCASTING IN THE POSTWAR PERIOD (1945–1953) (FOR EXAMPLE, THE KHABAROVSK AND PRIMORSKY RADIOKOMITETS)

Pogartsev Vitaly Vasilievich,

*candidate of Historical Sciences, associate Professor of the Department
of philosophy and socio-humanitarian disciplines, Pedagogical Institute,
Pacific state University, Khabarovsk, Russia
vpogartsev@yandex.ru*

Abstract: Public-political activity of the Khabarovsk and Primorsky radiokomitets in the first postwar decade was associated with increased ideologization of life of the population in the beginning of the cold war and a new round of repression.

Keywords: Broadcasting; radio; public-political activity; information; radio program.

9 мая 1945 г. по радио от имени партии и правительства выступил И.В. Сталин с обращением к народу в связи с победой над гитлеровской Германией. В тот же день в 22 часа по московскому времени все радиостанции Советского Союза транслировали торжественный салют в Москве в честь воинов героической Красной армии и Военно-Морского флота, одержавших победу над немецко-фашистскими захватчиками [1].

Хабаровский краевой радиокomitee в послевоенные годы был одним из крупнейших в стране и обслуживал огромную территорию края с его отдаленными северными населенными пунктами, где радио являлось главным средством связи. Радиопередачи из Хабаровска также слушали в Монголии, Китае, Корее, Соединенных Штатах и Австралии.

Партийные органы вместе с администрацией радиокomitee внимательно следили за настроениями работников краевого радио, не забывая «вести активную борьбу с рваческими настроениями у некоторых руководящих товарищей» [2, л. 218]. Это пристальное внимание лишний раз доказывало особую роль радиовещания в политической и социально-экономической жизни страны.

В общественно-политическом вещании Хабаровского краевого радиокomitee главное место заняли материалы, передаваемые из Москвы. Передачи на местные темы (информация о жизни края, обзоры местной прессы, беседы, выступления передовиков производства) должны были занимать не более 1 час. 15 мин. в сутки. В течение дня радиоузлы несколько раз переключались с центрального вещания на местное и наоборот [3, Л. 53].

Информационные сообщения, идущие в радиоэфир, были однотипными. Они поэтизировали советский образ жизни, советского человека. С каждым годом увеличивались цифры успехов. Руководители страны характеризовались мудрыми и дальновидными политиками. Радиопередачи информировали о том, что «лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый СССР и ее мудрым вождем товарищем И.В. Сталиным, смело идет вперед, уверенно смотрит в будущее» [4, Л.16]. В стране начинался новый виток репрессий (пропагандистские кампании были организованы против партийного актива Ленинграда, философов-идеалистов, биологов-генетиков, против литераторов, врачей, кинематографистов и т.п.), и даже за небольшие критические высказывания по отношению к советскому строю можно было оказаться на скамье подсудимых. Об этих репрессиях сообщалось по радио. Организовывались отклики трудящихся, поддерживавших курс партии на искоренение низкопоклонства перед Западом. Это была часть кампании против так называемых «космополитов», т.е. против интеллигентов, которые считали себя гражданами мира и общечеловеческие ценности ставили выше сугубо национальных. В них видели людей враждебных СССР, оторвавшихся от своего народа, антипатриотов и т.п.

Музыкальные программы строились, в основном, на базе центрального вещания, с широким использованием музыкальных произведений, записанных на пленку. Даже в радиовещании для детей давались все основные передачи, прошедшие по центральному радио.

В то время, что оставалось для местного радиовещания, ХКРК обязывался освещать общественную и культурную жизнь края, показывать трудовой героизм рабочих и колхозников, передовых деятелей нации и культуры.

В Приморском крае состояние радиовещания в послевоенные годы было значительно лучше, чем в Хабаровском. По данным на 1 июля 1949 г. в крае имелось 109 береговых и 150 судовых радиоузлов, 5621 радиоприемник и 78 047 радиоточек. Среднесуточный объем вещания ПКРК составлял 14 часов 11 минут, в том числе местных передач – 10 час. 23 мин. [5, Л. 43].

Штат Приморского краевого радиокomiteта к концу 1940-х гг. был укомплектован полностью. По данным комитета на 1949 г. в него были включены: административно-управленческий персонал – 16 человек; производственно-редакторский – 52 человека (из них редакторов 12 человек, корреспондентов – 5); художественно-исполнительный персонал 92 человека (в том числе симфонический оркестр – 23 штатных единицы, хор – 32,5 (ставки – В.П.), оркестр народных инструментов – 17,5 единицы, солисты – 11 и художественные руководители – 8 штатных единиц) [6, Л. 1]. Собственной драматической группы не было, но для радиопостановок привлекались артисты местных театров.

На рубеже 1940 – 1950-х гг. ПКРК также считался одним из крупнейших в Союзе по объему радиовещания. Ежемесячно только по сектору пропаганды передавалось до 90 политических передач, 26 выпусков «Краевых известий», 35 обзоров краевой газеты «Красное знамя» и краевой комсомольской газеты, 74 выпуска известий по материалам ТАСС, 26 выпусков «Пионерской зорьки», 48–50 литературно-драматических передач, 46–48 передач для детей и до 280 концертов и музыкальных программ [7, Л.1].

Руководителям радиокомитетов партийные органы настоятельно рекомендовали внимательно следить за политическим курсом ЦК ВКП (б) и оперативно реагировать на издание нормативных документов. В 1946–1948 гг. ЦК ВКП (б) был принят ряд специальных постановлений по вопросам литературы и искусства: «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» (14 августа 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.), «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» (10 февраля 1948 г.), «О журнале «Крокодил»» (11 сентября 1948 г.) и др., в которых содержались негативные оценки творчества таких деятелей культуры, как А. Ахматова, М. Зощенко, В. Мурадели, творчество которых признавалось аполитичным, безыдейным, буржуазным по идеологии. В своем обращении к работникам комитета накануне очередной годовщины Октябрьской революции, председатель Приморского краевого радиокомитета (ПКРК) М.Ф. Залевский отметил: «Эти документы были направлены против буржуазной идеологии и морали, против пережитков прошлого в сознании людей, и радио, как и другие средства массовой информации, стало уделять больше внимания воспитанию трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству» [8, Л. 105].

После смерти в марте 1953 г. Сталина, в деятельности средств массовой информации, в том числе и в радиовещании, наметились качественно новые, позитивные изменения. Пусть небольшие, еще совсем робкие, отголоски гласности начали проникать в эфир. 4 апреля 1953 г. газеты и радио сообщили, что 15 осужденных «врачей-отравителей» реабилитированы. В июле 1953 г. была передана в эфир информация об осуждении Л.П. Берии за «антипартийные и антигосударственные действия» [9, с. 86].

Значение дальневосточного радиовещания (как и любого регионально-го) в послевоенное десятилетие состояло в том, чтобы дополнить всесоюзное радиовещание, всесторонне освещая местную общественно-политическую, хозяйственную и культурную жизнь.

В любой радиоинформации этого периода должно было прозвучать несколько раз слово «ВКП (б)» (с 1952 г. – КПСС). Если этого не было, то

такая информация считалась слабой, а ее автор – недостаточно политически подготовленным.

Положительными чертами радиовещания рассмотренного периода являлось то, что к середине 1950-х гг. оно поистине становится массовым. Значительно улучшилась к этому времени и материально-техническая база комитетов: поступали новая аппаратура и оборудование. Радиовещание в середине 1950-х гг. переживало высшую стадию своего расцвета, не зная, что уже через несколько лет новое СМИ – телевидение, станет ведущим в информационной отрасли, превратившись из любительского в профессиональное.

Источники и литература

1. Правда. – 1945. – 10 мая.
2. ГАХК. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 1287.
3. Там же. Оп. 22. Д. 499.
4. Там же. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 1287.
5. ГАПК. Ф. 84. Оп. 5. Д. 433.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Шерель, А.А. Аудиокультура XX в. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию: Очерки / А.А. Шерель. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

УДК 329

ДИНАМИКА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1945–2013 гг.)

Суманев Иван Андреевич,

*Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений, аспирант*

г. Санкт-Петербург, Россия

i.sumaneev@spbu.ru

Аннотация: За 70 лет, прошедших с момента восстановления независимости Австрийской республики, партийная система страны претерпела серьезные изменения. В данной статье мы рассмотрим то, как менялась партийная система послевоенной Австрии, а также расскажем о причинах этих изменений и сегодняшнем состоянии дел.

Ключевые слова: Австрия; политические партии Европы; партийные системы.

EVOLUTION OF AUSTRIAN PARTY SYSTEM (1945–2013)

Sumaneev Ivan Andreevich

*Saint Petersburg State University, School of International Relations, postgrad
St. Petersburg, Russia
i.sumaneev@spbu.ru*

Abstract: Austrian party system has dramatically changed since 1945. The purpose of this article is to find out the ways it has changed and the reasons of it. Besides, we'd like to give a brief highlight of the contemporary Austrian party system's tendencies.

Keywords: Austria; European political parties; party systems.

После окончания Второй Мировой войны, согласно Московской декларации 1943 г., Австрия была восстановлена в границах 1937 г., в каких находилась до Аншлюса гитлеровской Германией. Политическая элита страны, в основном, наследовала истеблишменту межвоенной (Первой) республики, партийная система первых послевоенных лет до известной степени воспроизводила старые паттерны партийной жизни страны, исключая, пожалуй, только крайне правую часть политического спектра.

Ещё с конца XIX в. в политической жизни страны доминировали две силы: христианские консерваторы и социалисты. Партии, представлявшие именно эти два лагеря, и стали главными акторами на внутривнутриполитической сцене.

Социалисты возродили Социалистическую партию Австрии (СПА), основанную ещё в 1888 г. и запрещённую во времена австрофашизма и нахождения страны в составе нацистской Германии (1934–1945 гг.). Несмотря на внутреннюю нестабильность первых лет (что отчасти объяснялось нахождением советских оккупационных войск в восточной части страны), Социалистическая партия быстро вернула себе статус одной из главных партий страны. Так, известный социалистический политик Карл Реннер стал первым президентом Австрии после восстановления независимости страны. О степени преемственности политической элиты страны говорит то, что он же был и первым канцлером независимой Австрии после распада Австро-Венгерской империи.

Представительница второго – христианско-консервативного – лагеря, Австрийская народная партия (АНП), была основана в 1945 г. Считается, что АНП является наследницей Христианско-либеральной партии, основанной ещё в конце XIX в.

Именно эти две партии, несмотря на значительные изменения как в политической жизни Австрии вообще, так и в партийной системе в частности, и по сей день являются главными политическими партиями страны.

В развитии партийной системы Австрии после Второй Мировой войны можно выделить несколько этапов.

1945–1966 гг. – консенсус и двухпартийная система

Несмотря на то, что в парламент, помимо двух «старых» партий, в это время стабильно проходила ещё как минимум одна, партийную систему Австрии в это время можно считать двухпартийной [1]: все важнейшие вопросы решаются СПА и АНП совместно. Главной чертой партийной системы Австрии в эти годы было уменьшение партийной конкуренции и принятие решений посредством консенсуса. Все правительства этого периода были коалиционными: две крупнейшие партии представляли почти 90% электората [2, с.4]. Эта ситуация объясняется двумя главными причинами:

1. Политическая нестабильность межвоенного периода, приведшая к фатальным последствиям для Австрии, оказала очень сильное влияние на партийную систему страны в первые послевоенные годы. Политические элиты не желали возвращаться к ожесточённым столкновениям 1920–1930-х гг., подчас переходившим в Гражданскую войну. В то же время заинтересованность в скорейшем восстановлении страны заставляла искать компромиссы в политической борьбе.

2. Нельзя забывать, что до 1955 г. на территории Австрии находились войска четырёх союзных держав. Это также подталкивало политические элиты к поиску компромисса и выработке единого мнения.

1966–1986 гг. – попеременное правление

В 1966 г. Австрийская Народная партия получила более 50% мест в нижней палате парламента. Это позволило ей сформировать однопартийное правительство, впервые в послевоенной истории Австрии.

Партийную систему этого периода характеризует резкое увеличение конкуренции между двумя главными партиями страны. За эти 20 лет в парламенте никогда не было больше трёх партий (причём, третья никогда не набирала больше 6% голосов), а сама система была близка к двухпартийной.

Можно назвать несколько причин такого изменения в партийной системе; во-первых, выдвижение на первые роли нового поколения, знакомого с межвоенным периодам только по рассказам, но желающего конкурировать за политическую власть [3]; во-вторых, значительное улучшение экономического положения страны и приобретение суверенитета: единство первых послевоенных лет уже не представлялось необходимым для выживания; в-третьих, беспокойные 60-е, хотя и задели Австрию лишь по касательной, всё же оказали некоторое влияние на рост популярности социалистов.

Вслед за правительством Йозефа Клауса из АНП, в 1970 г. наступила «эра Крайского», когда социалисты, ведомые своим лидером Бруно Крайским, оставались у власти на протяжении 13 лет.

1986–1999 гг. – новые лица

1986 г. стал по-настоящему революционным для австрийской внутренней политики. Впервые за десятилетия в парламенте страны оказалось сразу четыре партии. В этот период можно выделить следующие тенденции в партийной системе Австрии.

1. Подъём «зелёных» движений по всей Европе не обошёл стороной и Австрию. Своеобразным триггером здесь послужило строительство Темелинской АЭС в Чехословакии, поблизости от австрийской границы. Это вызвало мощный рост количества эко-активистов и сыграло немалую роль в успехе партии «Зелёных».

2. 1986 г. стал настоящим прорывом для Австрийской Партии свободы. Предшественником этой партии был «Союз Независимых», объединивший бывших членов нацистской партии и запрещённых нацистских организаций, а также всех тех, кого не устраивали политика социалистов и христианских консерваторов. Несмотря на то, что и «Союз..» и АПС неоднократно проходили в парламент (а в 1983 г. АПС даже находилась в правительстве на правах младшего партнёра АНП), они никогда не рассматривались в качестве значимой силы. В 1986 г. АПС под руководством набиравшего популярность лидера, Йорга Хайдера, увеличила свой результат на выборах вдвое, набрав почти 10% голосов. [4]

3. Увеличение влияния новых партий вызвало к жизни новую большую коалицию. Поскольку единственной альтернативой ей была коалиция с АПС или «Зелёными», которые были достаточно радикальными для больших партий в то время. Несмотря на это, на протяжении всех 1990-х гг. и АПС, и социалисты переживали не лучшие времена: сокращение численности, ухудшение электоральных показателей, «усталость» населения от примелькавших лиц и старых партий (Parteiverdrossenheit), – всё это привело к тому, что выборы 1999 г. прогремели на всю Европу.

Самое главное – происходит постепенная трансформация двухпартийной (или даже 2,5 партийной системы) Австрии в многопартийную, со всеми сопровождающими этот процесс тенденциями [5].

1999–2013 гг. – фрагментированная партийная демократия

Новейший этап функционирования австрийской партийной системы начался со скандала. В 1999 г. Австрийская партия свободы показала свой лучший результат на выборах, набрав почти 27% голосов [6]. Это положи-

до конец периода второй большой коалиции. АНП не сумела (по некоторым сведениям, не захотела) договориться о новой большой коалиции с социалистами и взяла в качестве младшего партнёра Австрийскую партию свободы [7]. Несмотря на то, что знаменитый своими радикальными высказываниями лидер АПС Йорг Хайдер не вошёл в правительство, приход к власти крайне правых вызвал бурную реакцию, как в Европейском Союзе [8], так и у отдельных стран (например, Израиля).

Для современного этапа развития партийной системы Австрии характерны следующие тенденции:

Фрагментация. Количество партий, находящихся в парламенте, значительно увеличивается по сравнению с тем, что было ещё лет десять назад. Формальные показатели, такие как эффективное число партий [9], увеличиваются. Упрощая: всё больше людей голосуют за всё большее количество партий.

Продолжается снижение влияния «больших» партий. Как результат, социалисты и народники вынуждены считаться с существованием в парламенте других партий и искать с ними компромисс при выработке решений. При этом, важно понимать, что потеря сторонников старыми партиями является обратной стороной того факта, что АПС число своих последователей увеличивает [10].

На правом фланге партийной системы продолжается раскол. После ухода из партии Йорга Хайдера в 2005 г. основанный им «Союз за будущее Австрии» некоторое время показывал неплохие электоральные результаты, однако смерть харизматичного политика, по сути, поставила крест на политическом будущем этой партии. У традиционного представителя этого лагеря, АПС, появились конкуренты в лице партии «Команда Штронаха». В то же время Австрийская партия свободы улучшает свои результаты последние 10 лет, и есть все основания предполагать, что на очередных выборах она превзойдёт свой результат 2013 г. (20,5%).

Таким образом, за почти 70 лет, прошедших с момента окончания Второй мировой войны и восстановления независимости страны, австрийская партийная система претерпела значительную эволюцию. Из двухпартийной системы с крайне низкой конкуренцией и высочайшим уровнем консенсуса между двумя главными силами, она превратилась в многопартийную, представляющую гораздо более разнообразные слои и точки зрения в обществе.

Литература

1. Gulick C. A. Austria's Socialists in the Trend Toward a Two-Party System: An Interpretation of Postwar Elections // *Western Political Quarterly*; Sep 1, 1958; 11, 3; Periodicals Archive Online pp. 539.

2. Pelinka A. Changing minds and political institutions: political development in Austria since 1945 / Lecture. London, 12 May 2009.

3. Ennser-Jedenastik L., Müller W.C. Intra-party democracy, political performance and the survival of party leaders: Austria, 1945–2011. // Party Politics, Vol. 21(6) 930–943. 2015.

4. Nationalratswahl vom 23. November 1986. URL:// http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_wahlen/nationalrat/NRW_1986.aspx (29.05.2016)

5. Chan O., Leslie J. Party Organizations and Adaptation to Social Change: The Austrian Party System and the Challenge of Post-Industrial Society, 1986–1999. // Australian Political Studies Association Conference, report. 2008.

6. Nationalratswahl 1999 - Wahltag, Stichtag, Gesamtergebnis. URL:// http://www.bmi.gv.at/cms/BMI_wahlen/nationalrat/1999/Ergebnis.aspx (29.05.2016)

7. Luther K.R. Governing with Right-Wing Populists and Managing the Consequences: Schussel and the FPÖ// Keele European Parties Research Unit (KEPRU) Working Paper 30. 2009.

8. Falkner G. // The EU14's "Sanctions" Against Austria: Sense and Nonsense CSA Review (Journal of the European Union Studies Association [formerly the European Community Studies Association]) Vol. 14 (2001), No. 1, Winter 2001, pp. 14–15.

9. Golosov. G.V. The effective number of parties A New Approach// Party Politics, Vol. 16, No. 2, March 2010, pp. 171–192.

10. Aichholzer J., Kritzingner S., Wagner M., Zeglovits E. How has Radical Right Support Transformed Established Political Conflicts? The Case of Austria. // West European Politics, 37:1, 113–137. 2014.

УДК 343.829+327.7+341.1

ИСТОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ В ДОКЛАДАХ РОССИИ В ООН

Перрон Юлия Владимировна,

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета,*

Вологодский институт права и экономики ФСИН России;

г. Вологда, Россия

e-mail: yperron@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена отражению прав и свобод осужденных в докладах России в Организацию Объединенных Наций. В статье рассмотрены исторические предпосылки формирования контрольных механизмов за соблюдением прав осужденных и их современное состояние.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; международный контроль; права осужденных.

HISTORY OF REFLECTION RIGHTS OF CONVICTED IN THE REPORTS OF RUSSIAN FEDERATION IN UN

Perron Julia Vladimirovna

*Lecturer of Department of State and legal disciplines of the Faculty of Law,
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service of Russia; Vologda, Russia
e-mail: yperron@mail.ru*

Abstract: This article is devoted to the reflection of the rights and freedoms of prisoners in Russia reports to the United Nations. The article deals with the historical background of the formation mechanisms of control over the observance of the rights of prisoners and their current state.

Keywords: United Nations; international monitoring; rights of convicts.

Впервые попытки мирового сообщества сформулировать нормы для регулирования деятельности по установлению фактов нарушения прав человека были сделаны в начале XX века. Первым таким примером стала Гаагская конвенция о мирном разрешении международных споров, принятая 18 октября 1907 г. [1]. В ней предусматривается создание комиссии по расследованию нарушений, а также излагаются правила процедуры контроля проведения такого расследования. Несмотря на то что предусмотренный в Гаагской конвенции механизм проведения расследования не получил широкого применения, эти правила процедуры по-прежнему служат образцом для деятельности по установлению фактов нарушений прав человека.

В середине XX в. проблема обеспечения прав человека и осужденных стала рассматриваться через призму международного сотрудничества и интеграции в мировое сообщество [2, с. 6]. Так, 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций был подписан Устав Организации Объединенных Наций [3]. Устав вступил в силу 24 октября 1945 г. Вместе с созданием структуры ООН и делегированием полномочий Советам, начинают существование две первые функциональные комиссии. Одной из таких комиссий становится Комиссия по правам человека, утвержденная в рамках Экономического и Социального совета (ЭКОСОС) на первой сессии резолюцией E/RES/5(I) от 16 февраля 1946 г. Комиссия вступила в полномочия 10 декабря 1946 г. в соответствии с резолюцией E/RES/25(III) [4].

Функции, которые должна была выполнять Комиссия по правам человека, определены в резолюции E/RES/5(I) от 16 февраля 1946 г. [5]. Комис-

сия была призвана производить исследования, делать рекомендации, предоставлять информацию и выполнять другие задания по указаниям Экономического и Социального Совета. Также Комиссия вносила в Совет предложения об изменении круга своего ведения. Комиссия делала рекомендации Совету относительно учреждения подкомиссий, которые она считает необходимыми – говорится в п. 2 – 5 раздела А E/RES/5(I) [6]. Также в соответствии с разделом 1 E/RES/9(II) от 21 июня 1946 г. в ведение Комиссии делегированы все вопросы контроля прав человека [7].

Следует также отметить, что Комиссия играла важную роль в нормотворческой деятельности ООН в сфере прав человека. Именно в рамках деятельности Комиссии были разработаны Пакты 1966 г., а также другие важные договоры о правах человека. После 60 лет существования Комиссия была упразднена ввиду утраты доверия и ее политизации. Последнее заседание Комиссии состоялось в Женеве, 27 марта 2006 г. На смену ей Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 60/251 учреждает Совет по правам человека, которому делегированы частично полномочия Комиссии.

Для нашей страны эпоха мировой интеграции и признания действия международного контроля прав человека началась с того, что 10 декабря 1985 г. СССР подписал Конвенцию ООН 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [6]. Согласно ст. 19 Конвенции СССР возложил на себя обязанность регулярно представлять Комитету ООН против пыток доклады о соблюдении прав человека и предотвращении пыток (в том числе и при исполнении уголовных наказаний). Это стало первым шагом в распространении международного контроля на пенитенциарные учреждения СССР. В настоящее время Российская Федерация, как правопреемница СССР, обязана предоставлять доклады в Комитет ООН каждые четыре года.

Пока Конвенцию ратифицировало около 90 государств; этого явно недостаточно. Восемь государств заявили, что они не признают компетенцию Комитета возбуждать процедуру расследования. Лишь половина государств-участников признала компетенцию Комитета рассматривать жалобы государств и индивидуальные жалобы. Эти цифры показывают, что надзор за соблюдением Конвенции еще далек от совершенства. Единственный контрольный механизм, применимый ко всем государствам-участникам, – процедура отчетности – имеет серьезные недостатки, поскольку доклады редко содержат точный и объективный рассказ об осуществлении Конвенции и представляются лишь один раз в четыре года.

Дальнейшее сотрудничество с ООН дало свои результаты в деле расширения форм международного контроля. 5 июля 1991 г. Верховный Совет СССР подтвердил подписание Факультативного протокола к Международ-

ному пакту о гражданских и политических правах (1966 г.). В соответствии со ст. 41 Пакта Комитет получил право принимать и рассматривать сообщения других государств и индивидуальные жалобы лиц, о нарушении прав человека. Первые выборы в состав Комитета состоялись вскоре после вступления Пакта в силу в 1976 г., а в 1977 г. Комитет приступил к работе. Обычно он ежегодно проводит по три трехнедельных сессии: весенняя сессия проходит в Нью-Йорке, а летняя и осенняя сессии – в Женеве.

После первоначальных проблем, возникших в результате действий членов Комитета из социалистических стран, Комитет наладил весьма плодотворное сотрудничество с неправительственными организациями (НПО). Однако, в отличие от практики Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (учрежден ЭКОСОС), НПО не разрешается официально участвовать в работе Комитета.

Комитет проводит обычно 3 сессии в год, по требованию большинства государств или одного государства поводятся дополнительные специальные сессии (Правило 2,3 Правил процедуры) [7]. Две основных задачи Комитета – это рассмотрение отчетов государств и индивидуальных жалоб, так как пока не было подано ни одной межгосударственной жалобы.

Вначале члены Комитета из социалистических государств возражали не только против всякого участия НПО, но и против любой оценки деятельности соответствующего государства Комитетом или отдельными его членами. Юридической подоплекой конфликта было толкование слов «свои доклады» в пункте 4 статьи 40 Пакта. Сегодня международные и местные НПО открыто представляют членам Комитета свои критические замечания по докладам государств и дают оценку положению с правами человека в соответствующих странах; рабочие группы и отдельные докладчики тщательно готовят рассмотрение каждого доклада государства, и представителям государств часто бывает очень трудно отвечать на критические вопросы о недостатках в осуществлении гражданских и политических прав внутри страны.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. был подписан Российской Федерацией 18 марта 1968 и ратифицирован 16 октября 1973 г.

В соответствии со ст. 17 государства-участники один раз в два года обязаны представлять доклады, упомянутые в статье 16 Пакта: первый этап: права, рассматриваемые в статьях 6 и 9; второй этап: права, рассматриваемые в статьях 13 и 15; третий этап: права, рассматриваемые в статьях 13 и 15 [8]. В резолюции 1074 (XXXIX) Экономического и Социального Совета от 28 июля 1965 г. [9] ЭКОСОС призвал Правительства стран регулярно предоставлять информацию о правах человека и основных свободах

в пределах находящихся под их юрисдикцией территорий в течение трех-годового цикла.

Ежегодно правительства могут представлять приложения к своим докладам, содержащие информацию, имеющую особое значение, которая не относится к теме, установленной на данный год. До 1995 г. Комитет проводил 1 сессию в год. Учитывая растущее количество государств-участников, а их на момент 1995 г. было 131, а также острую необходимость в проведении двух сессий в год, чтобы справиться с объемом накопившейся работы, связанных с отставанием в рассмотрении представленных докладов, Экономический и Социальный Совет установил новый порядок деятельности Комитет. С 1995 г. Комитет проводит две сессии в год, помимо заседаний предсессионной рабочей группы в составе пяти членов, проводящей пятидневное совещание сразу же после каждой сессии с целью подготовки перечня вопросов для рассмотрения на последующей сессии (резолюция 1995/39 Совета от 25 июля 1995 г.) и представляет доклады непосредственно Совету. Его доклады представляются в виде дополнений к Официальным отчетам Экономического и Социального Совета [10]. Особое место в докладах занимает проблематика уголовной системы, в частности вопросы исполнения наказаний.

С появлением Совета по правам человека многие ученые связывают новую веху в международном сотрудничестве. Совет по правам человека является межправительственным органом в системе ООН, в его компетенцию входит обсуждение всех тематических вопросов и ситуаций в области прав человека, которые требуют его внимания в течение всего года. Заседания Совета по правам человека проходят в Офисе ООН в Женеве.

Совет был создан на основании резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН 15 марта 2006 г. [11], вместе с ним появляется процедура Универсального периодического обзора, в рамках которого проводится оценка ситуаций в области прав человека в каждом из государств-членов ООН; Консультативный комитет, который предоставляет Совету экспертные заключения и проводит консультации по тематическим вопросам в области соблюдения прав человека; и Процедура подачи и рассмотрения жалоб, которая позволяет частным лицам и организациям довести до сведения Совета о нарушениях прав человека.

Резюмируя сказанное, необходимо заметить, что в настоящее время институт международного контроля прав осужденных находится на этапе формирования. В первую очередь это связано с тем, что только недавно Российская Федерация ратифицировала большинство международных договоров по контролю прав человека. Существовавшие до 1991 г. формы контроля не бросали свет на проблемы обеспечения прав и законных инте-

ресов осужденных, в целом отрицая данную категорию лиц как граждан страны нуждающихся в защите. Поэтому в настоящий момент для российского общества внимание и интерес к проблемам пенитенциарной системы сравнительно новое явление.

Литература и источники

1. Гаагская конвенция о мирном разрешении международных споров, принятая 18 октября 1907 г. [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/pacific.asp (дата обращения 18.01.2016).

2. Зубков А.И. Основные направления развития пенитенциарного законодательства и практика его реализации в истории России и в современный период // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2007 – № 1. – С. 5-15.

3. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml> (дата обращения 31.12.2015).

4. Резолюция E/RES/5(1) от 16 февраля 1946 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/041/73/IMG/NR004173.pdf?OpenElement> (дата обращения 31.12.2015).

5. Резолюция E/RES/25(III) от 10 декабря 1946 года [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/049/28/IMG/NR004928.pdf?OpenElement> (дата обращения 31.12.2015).

6. Резолюция E/RES/5(1) от 16 февраля 1946 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/041/73/IMG/NR004173.pdf?OpenElement> (дата обращения 31.12.2015).

7. Резолюция E/RES/9(II) от 21 июня 1946 года [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/043/08/IMG/NR004308.pdf?OpenElement> (дата обращения 31.12.2015).

8. 1988 (LX). Меры по осуществлению Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/627/05/IMG/NR062705.pdf?OpenElement> (дата обращения: 01.09.2014).

9. Резолюция 1074 (XXXIX) от 28 июля 1965 г. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=1074%20\(XXXIX\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=1074%20(XXXIX)) (дата обращения 31.12.2015).

10. 1995/39. Ежегодные сессии Комитета по экономическим, социальным и культурным правам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/docs/1995/r1995-38-39.pdf> (дата обращения: 01.09.2014).

11. Резолюция 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН 15 марта 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=6&ved=0ahUKEwj0vJbU57XKAhWIEHIKHaf0Dt8QFgg4MAU&url=http%3A%2F%2Fap.ohchr.org%2Fdocuments%2FR%2FHRC%2Fresolutions%2FA_HRC_RES_5_1.doc&usq=AFQjCNGJoKxIqAfhVHEYbglorfHzOZWfUw&bvm=bv.112064104,d.bGQ (дата обращения 19.01.2016).

Секция № 2

«РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ»

УДК 94(17).08

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ХРИСТИАНСКОЙ АГИОГРАФИИ РИМСКОЙ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОГО ГОНЕНИЯ ДИОКЛЕТИАНА*

Каргальцев Алексей Витальевич

*преподаватель, Теологический институт Евангелическо-лютеранской
Церкви Ингрии, Ленинградская обл., Россия
kargaltsev@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрена специфика агиографических памятников римской Северной Африки времени Великого гонения Диоклетиана. Несмотря на жестокость преследований, с которыми столкнулась Церковь в период правления Диоклетиана, группа африканских «мученичеств» свидетельствует, что среди африканцев существовал определенный ригоризм, толкавший верующих на путь добровольного страдания за Христа. Ряд свидетельств датируется временем до начала преследований, что дает основание полагать, что для самих христиан путь мученичества был наиболее верной, с их точки зрения, формой исповедания веры. Отчасти, эта позиция осуждалась церковными властями, но при этом оставалась очень популярной в Африке.

Ключевые слова: мученичество; агиография; Северная Африка; Диоклетиан; Великое гонение.

ON SPECIFICS OF CHRISTIAN HAGIOGRAGHY OF THE ROMAN NORTH AFRICA IN THE TIME OF THE DIOCLETIAN GREAT PERSECUTION

Alexey Vital'evich Kargaltsev

*senior lecturer, Theological Institute of the Evangelical Lutheran Church
of Ingria, Leningrad region, Russia
kargaltsev@gmail.com*

* Подготовка материала выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01260a2 «Раннехристианская агиография в контексте позднесантичной культуры».

Abstract. The article deals with the specifics of hagiographic monuments of the Roman North Africa from the time of the Great persecution under rule of Diocletian. Despite the brutality of the persecution faced by Church, there are some evidences that demonstrates that Africans Christians were quite rigorist and seek voluntary suffering in the name of Christ. Some evidence are connected with the time before the Great persecution, that gives grounds to believe that for Christians the way of martyrdom was the most faithful form of confession. Partly such position was condemned by the church authorities, but remained very popular in Africa.

Keywords: martyrdom; hagiography; North Africa; Diocletian; Great persecution.

Эпоха Великого гонения дает нам ряд ярких иллюстраций, характеризующих африканскую агиографию. Считается, что с эдиктом Галлиена о веротерпимости, последовавшим за смертью Киприана, церковь перестала подвергаться массовым гонениям и жила в относительном мире до времени Диоклетиана [1]. Однако здесь проявилась важная особенность африканской религиозности. Мученическая смерть за Христа, как частное проявление местного ригоризма была тем стержнем, который позволял объединить традиционную религиозную культуру и христианскую проповедь. Представляется, что африканская церковь была не просто жертвой государственной политики, но сама становилась ее участницей, провоцируя и направляя преследования с целью формирования образа христианской святости. Мы уже не раз отмечали, что именно жертвенность была той высшей формой проявления религиозного благочестия, которая последовательно проявлялась и в пуническую, и в римскую, и в христианскую эпоху. Исчезновение такого важного элемента означало наступление глубокого кризиса, проявившегося в частности в ходе раскола донатистов. Подобную картину хорошо иллюстрируют источники эпохи Диоклетиана, которые, несмотря на то, что в западных провинциях гонения носили менее масштабный характер, были особенно многочисленны. Это разнообразные «солдатские» мученичества конца III в., из которых полностью или частично подлинными считаются следующие источники *Acta Maximiliani*, *Acta Marcelli*, *Passio Cassiani*, *Passio Fabii vexilliferi*, *Passio Tipasii veterani* и др. [2, p. 114].

Не кажется необычным и то, что часть этих текстов не относится ко времени Великого гонения. Самое раннее из них «Акты Максимилиана» (*Acta Maximiliani*) датировано 12 марта 295 г. и повествует о событиях в Тевесте [3]. Максимилиан, сын ветерана Виктора, будучи призван на военную службу проконсулом Дионом, отказался, говоря, что не может воевать

поскольку является христианином (*Acta Maxim.*, 1, 3). На новобранца не подействовали никакие убеждения, в том числе то, что в императорской армии есть христиане, на что он отвечал: «Они сами знают, что им надо. Я же христианин, и не могу делать дурного» (*Acta Maxim.*, 2, 8–9). В результате Максимилиан был приговорен к смерти, воскликнув при этом «Слава Богу!». В действиях участников событий нет ничего, что поставило бы под сомнение подлинность «Актов». Проконсул Дион осуществляет рекрутский набор, что вполне согласуется со сведениями других источников о создании Диоклетианом в это время полевой армии (*comitatus*). Возможно, этот набор был частью военных приготовлений Максимиана, который переправился в Африку в 297 г. для борьбы с мавретанскими племенами (*Eutrop.* 9, 23; *Aug. Vict. Caes.*, 39) [4, p. 39]. Отец призывника, Виктор, будучи ветераном, был обязан сдать сына в рекруты, и поэтому сопровождает его на суд проконсула [4, p. 60]. Он одобряет его решение принять мученическую смерть, и здесь, однако, следует согласиться с П. Монсо, что аргументация, выдвинутая Максимилианом, очевидно расходилась с христианской практикой того времени и встретила бы осуждение местного епископа (*Acta Maxim.*, 2, 3) [2, p. 114]. Трудно однозначно определить, были ли Виктор и Максимилиан монтанистами или приверженцами другого ригористического течения, но очевидно, что призывник действовал точно в соответствии с наставлениями Тертуллиана [5]. Примечательно и то, что Максимилиан не указывает на какие-либо преследования христиан или дурное к ним отношение и лишь хочет поскорее принять венец мученичества.

Похожую картину мы видим в «Актах Марцелла» (*Acta Marcelli*), которые, однако, не считаются надежным источником [6, 7]. По одной из версий, центурион легиона, стоящего в Тинги, на празднестве по случаю Дня рождения императоров, предположительно 21 июля 298 г., неожиданно на глазах у всех бросил на землю амуницию (*singulo*) и произнес: «Я служу Иисусу Христу вечному царю». После этого он также бросил оружие, и добавил, что прекращает служить императорам и поклоняться языческим идолам (*Acta Marcelli*, 1, 1). Спустя три месяца центурион предстал перед судом представителя префекта претория Аврелия Агриколана, где в точности подтвердил свои слова и, выслушав смертный приговор, произнес: «Бог наградит тебя!» (*Acta Marcelli*, 4, 5). Похожие события отражены в «Мученичестве вексиляррия Фабия» (*Passio Fabii vexilliferi*). Фабий, офицер гарнизона Цезареи Мавретанской, во время одного из торжественных праздников, предположительно в июле 299 г., отказался выполнить свою прямую обязанность, а именно нести воинский значок во главе процессии (*Passio Fabii*, 4). После этого он был арестован, во время допроса открыто исповедал христианскую веру и был приговорен к смерти. Осу-

дивший его наместник с горечью заметил, что, похоже, дал христианам нового мученика (*Passio Fabii*, 9). Дабы предотвратить последующее почитание Фабия, тело его было оставлено без погребения в течение трех дней, потом по частям выброшено в море. Однако местным христианам удалось собрать их и торжественно похоронить.

Не останавливаясь подробно на других «солдатских» мученичествах, произошедших до Великого гонения, заметим, что как правило, мы имеем дело с весьма бытовыми ситуациями нарушения дисциплины. В действиях римских властей сложно усмотреть какую-либо предвзятость по отношению к христианам, а религиозный аспект преследования не является основным. Не сталкиваемся мы и с применением какого-то специального антихристианского законодательства. С другой стороны в действиях христиан виден осознанный выбор в пользу мученической смерти. Армия, построенная на принципах дисциплины и уважения к традициям, безусловно, оставляла верующему мало религиозной свободы. Так, в случае с Марцеллом причины могли носить вполне бытовой характер, ссора или напротив особое восхваление божественности императоров ставили перед человеком проблему морального выбора, разрешить которую могла только смерть за Христа.

В основе традиции, безусловно, лежат слова Тертуллиана из трактата «Об идолопоклонстве»: «Спрашивают, может ли христианин поступать на военную службу... не согласуется Божья присяга с человеческой» (*Tert. De Idol.*, 19) [8]. Следствием этой традиции стало серьезное противостояние между умеренной частью клира и исповедниками. Можно заметить, что в основе большинства ересей, осужденных в Африке, лежали дисциплинарные вопросы. Принципиально вопрос заключался в том, что священник, претерпевший мученичество, обладает большим духовным авторитетом и, следовательно, властью, чем любой епископ. Напротив иерарх, запятнавший себя отступничеством в любой форме, терял данную Богом благодать совершать таинства, а в особенных случаях и право быть христианином. Конечно, подобный ригоризм разделялся далеко не всеми, но от приверженцев он требовал постоянного умножения мученичеств, которые до определенного времени не осуждались, но напротив были наиболее выдающимися свидетельствами христианской веры. В этом смысле гонения не столько наносили ущерб церкви, сколько давала уникальную возможность пострадать за Христа. Поэтому решение о гонениях было принято с большой осторожностью, и они прекратились во многих провинциях спустя два года за отсутствием какого-либо положительного результата. Тезис А.Д. Нока о том, что Империя, не имея возможности уничтожить христианство, в результате приняла его, наилучшим образом иллюстрируется африканскими примерами [9, с. 205–228].

Литература

1. Каргальцев А.В., Лурье З.А. Гонение Диоклетиана и христианские мученики // Новый Гермес. 2012. № 5. С. 65–78.
2. Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. T. 3: Le IV siècle, D'Arnobé a Victorin. Paris: E. Leroux, 1905.
3. Пантелеев А. Д. Акты Максимилиана. Вступительная статья, перевод и комментарий А. Д. Пантелеева // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии / Под. ред. А. М. Прилуцкого. 2013. Вып. 2. С. 240–262.
4. Jones A. H. M. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 1. Oxford: Basil Blackwell, 1964.
5. Бородин О. Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики (формирование христианского пацифизма) // Византийские очерки. М.: Индик, 1996. С. 116–129.
6. Masai F. Pour une édition critique des Actes du centurion Marcel // Byzantion. 1965. Vol. 35. P.277–290.
7. Barnes T. D. Some Persons in The Historia Augusta // Phoenix. 1972. Vol. 26. P. 140–182.
8. Пантелеев А.Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2004. Вып. 3. С. 413–428.
9. Нок А. Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. с англ. и науч. ред. А. Д. Пантелеева. СПб.: Гуманитарная Академия, 2011.

УДК 94

КОНФЛИКТ МЕЖДУ РИМСКОЙ И КЕЛЬТСКОЙ ЦЕРКВЯМИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВАЛЛИЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

Долгов Максим Евгеньевич,

аспирант, Московский государственный областной университет

г. Москва, Россия

maximdolgovff1992@yandex.ru

Аннотация. Данная работа посвящена отражению конфликта между римской и кельтской церквями в средневековых валлийских исторических сочинениях. Конфликт рассматривается в контексте взаимоотношений между англосаксами и кельтами в конце VI – третьей четверти VII в.

Ключевые слова: англосаксы; Августин Кентерберийский; бритты; валлийские хроники; синод в Уитби.

THE CONFLICT BETWEEN ROMAN AND CELTIC CHURCH IN THE MEDIEVAL WELSH HISTORICAL WORKS

Dolgov Maxim Evgenievich

postgraduate, Moscow Region State University

Moscow, Russia

maximdolgov1992@yandex.ru

Abstract. This work is devoted to the reflection of the conflict between the Roman and Celtic churches in the Medieval Welsh historical works. This conflict is considered in the context of the relationship between the Anglo-Saxons and the Celts between the end of the 6th and the third quarter of the 7th centuries.

Keywords: Anglo-Saxons; Augustine of Canterbury; Britons; Welsh chronicles; Synod of Whitby.

Христианизация англосаксов земель осуществлялась не только римскими миссионерами, но и христианскими священниками, жившими в Британии задолго до миссии Августина. Их принято называть Кельтской церковью. В силу ряда причин, едва ли не главная из которых – отторжение, которое испытывали бритты по отношению к англосаксам [1, с.80], их деятельность была менее успешной, чем у римских посланников. В течение нескольких десятилетий, прошедших от прибытия миссионеров Августина в Британию до «объединительного» синода в Уитби (ок. 595 – 664 гг.), между представителями этих двух ветвей христианства шла борьба, следы которой сохранили дошедшие до нас источники, хотя и более поздние. Беда Достопочтенный пишет о своих братьях во Христе: «отказались, несмотря на мольбы, увещевания и упреки Августина и его спутников, отступить от своих заблуждений, предпочитая собственные традиции тем, которым следовали во всем мире церкви, согласные во Христе» [2, с.49]. Его слова ясно говорят нам, что вовсе не древние политеистические культы англосаксов вызывали наибольшие опасения у римских миссионеров. Гораздо более серьезным противником для них являлись христиане кельтской традиции: исповедуя ту же самую веру, они фактически не признавали господства римской кафедры, и именно с ними римским проповедникам пришлось вести длительную борьбу.

Здесь мы не ставим перед собой цели детально описать все аспекты римско-кельтских религиозных противоречий. За долгие годы изучения этой темы написаны многочисленные работы по истории кельтского христианства и его взаимоотношений с Римом. Из работ отечественных иссле-

дователей, работающих в данном направлении, следует отметить публикации В. М. Лурье [3, с.53-66], рассмотревшего методологию исследования кельтских источников по данной теме, и К. М. Самоходской [4, с.76-89], исследовавшей в качестве таковых ирландские анналы. Разумеется, данный конфликт обусловлен не только известными расхождениями, связанными с датой празднования Пасхи и формой тонзуры, но и с нежеланием кельтского духовенства подчиняться папскому посланнику [5, с.17-18], что отмечалось неоднократно. В данной небольшой работе мы проанализируем валлийские хроники на предмет восприятия бриттами деятельности римских миссионеров именно в контексте взаимоотношений между англосаксами и коренными жителями Британии. Мы рассмотрим описания происходивших в этот период событий, являвшихся во многом ключевыми для религиозной и политической истории англосаксонской Англии, а также сопоставим их с данными «Истории бриттов».

Наша задача усложняется двумя факторами: во-первых, скудностью информации по рассматриваемому периоду, содержащейся в немногочисленных валлийских хрониках; во-вторых, время создания этих хроник: самый ранний манускрипт Анналов Камбрии создан примерно в X веке, остальные написаны ещё позднее. Тем не менее, именно Анналы Камбрии в наибольшей степени способны передать нам представления бриттов о роли англосаксов в постепенном подчинении Риму кельтского христианства, поскольку часть их современна англосаксонскому периоду. Список X века – А, не является, как уже было сказано выше, единственным дошедшим до нас списком Анналов. Существуют также написанные в XIII веке манускрипты В и С. Другие списки Анналов – D и E – повествуют о более поздних временах и в рамках данной работы рассматриваться не будут.

Рассмотрим манускрипт А. Записи, посвящённые VI-VII векам, крайне лаконичны. Кроме того, есть лишь всего несколько записей, в той или иной степени связанных с рассматриваемой проблемой. Так, о прибытии Августина в Англию и начале его епископата в Кентерберии сказано лишь то, что Августин и его соратник Меллит обращают англов к Христу [6, с.7]. Помимо пронизывающих всю хронику записей о смерти королей и церковных деятелей, есть запись о церковном синоде в Честере, условно датированном 601 годом [6, с.7]. В записи о крещении короля Эдвина хронист отмечает, что крестил его Рун, сын регедского короля Уриена [6, с.8]. 665-м же годом датируется последняя интересующая нас запись, в которой с неизменной лаконичностью говорится лишь о первом праздновании Пасхи «вместе с саксами»: *Primum pascha apud saxones celebrator* [6, с.11]. Статя за 664 год отсутствует, таким образом, синод в Уитби не упоминается, в отличие от синода в Честере.

Перейдём к манускрипту В. Начало деятельности Августина отмечено практически так же, как и в манускрипте А, только составитель манускрипта В не упоминает Меллита: *Augustinus anglos ad christum. Mittitur convertere* [7, с.26]. Что же касается известия о крещении Эдвина, то здесь уже не говорится о регедском принце, крестителем нортумбрийского короля называется йоркский епископ Паулин [7, с.28]. Синод в Уитби также полностью игнорируется, а переход на римские правила исчисления Пасхи отмечен ровно так же, как и в манускрипте А: *Primum pascha apud saxones celebrator* [7, с.29]. Таким образом, есть два существенных различия между текстами разбираемых погодных статей *Анналов Камбрии*: отсутствие упоминания о соратнике Августина Кентерберийского Меллите в манускрипте В и принципиально разные версии того, из чьих рук Эдвин, король Нортумбрии, принял крещение. Последний интересующий нас манускрипт *Анналов Камбрии* – С – не содержит информации по рассматриваемым вопросам, остальные манускрипты данного периода не касаются вовсе. Таким образом, хотя *Анналы Камбрии* и являются одним из важнейших источников по истории бриттских земель в раннее средневековье, информации, которую он нам предоставляет, явно недостаточно.

Обращение к другим валлийским хроникам тоже ничего не сможет нам дать. Повествование «*Хроники принцев*» начинается от событий, произошедших вскоре после синода в Уитби. То же касается и «*Хроники саксов*». «*Oes Gwrtheyrn*» же весьма поверхностно описывает события VI-VII столетий. Поэтому, для лучшего понимания валлийского восприятия деятельности римских миссионеров мы обратимся к несколько необычному источнику: это сочинение Гальфрида Монмутского «*История бриттов*». Здесь требуется небольшое пояснение. Обращаясь к данному сочинению, попытаемся сравнить «акценты», с которыми Гальфрид и авторы хроник повествуют о данном конфликте.

Так, в противовес скупым сведениям валлийских хроник, Гальфрид достаточно подробно описывает начало конфликта между Августином и кельтскими священнослужителями. Августин просил их помочь ему в обращении англов, на что получил решительный отказ. Устами аббата Динота Гальфрид формулирует его так: «бриттские епископы отнюдь не обязаны ему подчинением и ни в малой мере не подобает навязывать своим недругам проповедь, не потому что духовные лица бриттов имеют над собой своего архипастыря, а потому что племя саксов упорно стремится отнять у бриттов родину» [8, с.126-127]. Дальнейшие бедствия бриттов, связанные с походом нортумбрийцев, Гальфрид связывает с именем кентского короля Этельберта, якобы мстившего таким образом за неподчинение [8, с.127]. В данном случае не имеет большого значения, насколько точно

Гальфрид описал сложившуюся ситуацию (хотя сведения о встрече Августина с бриттскими епископами имеются и у Беды). Однако, именно они демонстрируют нам отношение Гальфрида не только непосредственно к англосаксам, ненавистью к которым пронизано всё его сочинение, но и к давнему конфликту между римской и кельтской церквями. Если об Августине он пишет достаточно сухо, то о кельтской церкви – чуть ли не восторженно, подчёркивая её достоинства [8, с.127].

Итак, подведём некоторые итоги. Исходя из тех сведений, которые мы можем почерпнуть из разбиравшихся нами источников, с известной долей уверенности можно констатировать, что всех их авторов объединяло достаточно сдержанное отношение к приходу в Британию Римской церкви. На наш взгляд, основной причиной этого вовсе не было не только негативное отношение непосредственно к ней. Отсутствие упоминания синода в Уитби в *Анналах Камбрии* и ассоциация первого празднования Пасхи по римскому обычаю не с Римом, а с англосаксами, достаточно ясно, на наш взгляд, показывает отношение бриттских епископов к Августину и его последователям: Римская церковь в их глазах ассоциировалась с англосаксами. Именно поэтому Гальфрид Монмутский объясняет вспыхнувшую войну с Этельфридом местью кентского правителя. Первая половина VII столетия была сложной не только для отношений между двумя ветвями христианства, соперничавшими в Британии. Продолжались войны между англосаксами и бриттами, но в то же самое время сложившаяся картина вечного противостояния коренных жителей Британии и их англосаксонских поработителей начала меняться. Англосаксы и бритты стали заключать союзы между собой, что не сделало обстановку на острове более спокойной. Христианство имело потенциальную возможность объединить враждующие народы Британии, но возникший конфликт помешал этому. Исходя из данных источников, мы видим, что вражда между бриттами и англосаксами отравляла и их церковные отношения.

Литература

1. Coming C. *The Celtic and Roman Traditions. Conflict and Consensus in the Early Medieval Church*. New York: Palgrave Macmillan, 2006.
2. Беда Достопочтенный. *Церковная история народа англов*. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Лурье В.М. *Кельтская церковь вне общения с Римом: к определению круга источников / Кельтская церковь = Celtic Church: материалы Конф. В МГУ 24 апр. 2006 г./ отв. Ред. Н. Ю. Чехонадская. М.: Деловой ритм, 2006. С. 53 – 66.*
4. Самоходская К. И. *Писцы и учёные в средневековых ирландских монастырях (VII – X вв.): анналы как источник для исследования / Кельтская церковь = Celtic Church: материалы Конф. В МГУ 24 апр. 2006 г./ отв. Ред. Н. Ю. Чехонадская. М.: Деловой ритм, 2006. С. 76 – 89.*

5. Hardinge L. The Celtic Church in Britain. London: S.P.C.K, 1972.
6. Annales Cambriae The A text. From British Library, Harley MS 3859, ff. 190r-193r. Transcribed by Henry W. Gough-Cooper. Published online by the Welsh Chronicles Research Group, 2015.
7. Annales Cambriae The B text. From London, National Archives, MS E164/1, pp.2-26. Transcribed by Henry W. Gough-Cooper. Published online by the Welsh Chronicles Research Group, 2015.
8. Гальфрид Монмутский. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984.

УДК 2

ОБ АТЕИЗМЕ ФЕОДОСИЯ КОСОГО

*Исаков Алексей Александрович,
кандидат философских наук, доцент
Арзамасский филиал ННГУ
Арзамас, Россия
Blauer-Reiter@yandex.ru*

Аннотация. В статье дается квалификация мировоззрения ересиарха XVI века Феодосия Косого. Автор опирается на концепцию средневекового атеизма Ж. Минуа и приходит к выводу, что в мировоззрении Феодосия прослеживаются черты рационального неверия. Их источником является положение о единстве религиозной истины, которому противоречит реальное многообразие религий.

Ключевые слова: неверие; практический атеизм; теоретический атеизм; средневековый атеизм; ересь Феодосия Косого.

ABOUT THE ATHEISM OF THEODOSIUS

*Isakov Alexey Alexandrovich
PhD (Philosophy), Assistant Professor
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Arsamias Branch
Arzamas, Russia
Blauer-Reiter@yandex.ru*

Abstract. The article gives a characterization of the worldview of sixteenth-century heresiarch Theodosius. The author relies on the medieval concept of atheism of Georges Minois and comes to the conclusion that in the worldview of

Theodosius traces of the rational unbelief. Their source is position on the unity of religious truth, which is contrary to the real diversity of religions.

Keywords: infidelity; practical atheism; theoretical atheism; medieval atheism; the heresy of Theodosius.

Средневековый атеизм – почти оксюморон, однако этот феномен существует. Целостная концепция античного и средневекового атеизма принадлежит французскому историку Жоржу Минуа (George Minois). Атеизм рассматривается им как результат изживания мифологического сознания, которое расщепляется в направлении приоритета теории или практики и в крайних точках развития приводит к возникновению двух разных форм неверия – рационального (теоретический атеизм) и иррационального (практический атеизм). Теоретический атеизм является финалом цепочки: мировая религия – деизм – пантеизм, а практический возникает в конце иной последовательности: догматика – сектанство – оккультизм [1, с. 25-28]. Эта модель не противоречит выводам, которые были сделаны М.М. Бахтиным из дискуссии Абея Лефрана и Люсьена Февра о существовании атеизма во Франции XVI века в связи с оценкой мировоззрения Франсуа Рабле. Как известно, Лефран провозгласил автора «Гаргантюа и Пантагрюэля» атеистом, тогда как Февр отмёл это «обвинение» на основании того, что все антиклерикальные моменты романа – не более, чем юмор, и поэтому недостаточны для квалификации Рабле как атеиста. Бахтин, в свою очередь, указал на пренебрежительное отношение своих предшественников к народной смеховой культуре, которая и в Европе, и на Руси была главной формой оппозиции официальному («серьёзному») религиозному мировоззрению и клерикализму [2, с. 143-149]. Очевидно, что атеизм смеховой культуры вполне подпадает под определение иррационального неверия и помещается где-то между суеверием и практическим атеизмом в схеме Минуа. В пользу этого говорит тот факт, что русские памятники рассматривают скоморошество наряду с другими пережитками язычества и не воспринимают его как принципиально новый вызов религии.

Хотя до эпохи Ивана Грозного в России теоретический атеизм пока не зафиксирован, образованный русский человек середины XVI столетия уже был знаком с рациональным неверием. Об этом свидетельствует главное противоеретическое сочинение той эпохи – «Истины показание к вопросившим о новом учении» Зиновия Отенского. Зиновий демонстрирует не только знакомство с античной критикой христианства, но и глубокое её понимание. Он подчёркивает, что мыслители эпохи эллинизма лишь защищали свою родную (хотя и посрамлённую) религию, а кроме всего прочего были настоящими философами и ораторами [3, с. 45]. Это уважитель-

ное отношение к античным критикам христианства не распространяется Зиновием на своих современников. Обвиняя ересиарха Феодосия Косого в безбожии, он отказывает ему в каком-либо оправдании, напротив, подчеркивает его практическую заинтересованность в таком мировоззрении. По мнению Зиновия, Феодосий не раз совершил клятвопреступление: будучи рабом, принял постриг, будучи монахом, женился и т.д. Зиновий интуитивно понимает разницу между теоретическим и практическим атеизмом и стремится приписать своему оппоненту именно последний. В таком случае мысль Феодосия сводилась бы к простому тезису: «Если бога нет, то всё позволено». Однако дальнейшее изложение говорит о другом. Зиновий характеризует ряд вроде бы противоречащих друг другу положений Феодосия, в ответ на которые формулирует, первым и последним в истории русского Средневековья, доказательства бытия бога. С одной стороны, он обвиняет Косого в безбожии, а с другой – приписывает ему тезис о том, что бог един и не может быть представлен в трех лицах. Многие исследователи, в том числе и автор этих строк, полагали, что здесь имеет место полемический приём, стремление Зиновия обвинить оппонента в более тяжком преступлении (безбожие), нежели тот совершил (ересь). Ключом к проблеме может быть одно из доказательств бытия бога, приводимых Зиновием, а именно – доказательство от всеобщности религии. Само по себе оно не оригинально, но в его свете можно несколько иначе посмотреть на тезис Феодосия о единстве бога. Зиновий пишет, что если бы религия была человеческой выдумкой, то ни один народ, особенно нецивилизованный, нельзя было бы принудить к отправлению культа. Напротив – все народы, даже самые дикие, поклоняются богу, пусть даже и ложно понимаемому, пусть даже и ложным образом [3, с. 61]. Зиновий здесь встает на ту точку зрения, что любая религия лучше, чем безбожие, очевидно, не задумываясь об этических выводах из своего тезиса. Отрицание именно такого образа мысли хорошо известно нам по западноевропейскому атеизму и свободо-мыслию XVII века. Тезис о единстве религии формулируется уже Френсисом Бэконом, который писал, что «лучше не иметь никакого представления о боге, чем то, которое его недостойно». Зиновий как раз и передает в чём-то похожую мысль Феодосия: бог не мог быть выношен в таком «кальном месте», как чрево женщины, и рождён через «таковой проход» [3, с. 44-45]. Вполне возможно, что Феодосий утверждал ложность существующих религий, отталкиваясь от факта их многообразия и противоречивости, ведь если истина одна, то и знание о ней должно быть однородным хотя бы в главном, тогда как на практике мы имеем множество взаимоисключающих догматов и культов даже у родственных вероисповеданий. Здесь особенно следует отметить антитринитаризм феодосиан. Острые критики обраща-

лось ими против того догмата, относительно которого как раз и размежевались две основные христианские конфессии. Следовательно, в антитринитаризме Феодосия требование единства и единственности божества сошлись воедино. Ни одна религия современной ему Европы не соответствовала этому требованию, и это гипотетически могло дать на выходе отрицание религии вообще, стремление заменить её этическим учением. Оно, конечно, несло бы на себе печать породившей его религии, например, провозгласив Христа совершенным человеком и образцом для подражания, а Святого Духа превратив в «разум духовный», как это и было в учении Феодосия Косого. Два других доказательства бытия бога у Зиновия также предполагают оппонирование атеистическому или хотя бы пантеистическому мировоззрению. Первое направлено против представления о самозарождении жизни и живых существ. В тексте есть и указание на то, откуда возникают живые существа, с точки зрения оппонентов Зиновия, – из стихий. Соответственно, вторым доказательством отрицается также и «самобытие» стихий [3, с. 52-59, 63-65]. Оба аргумента призваны опрокинуть идею вечности и несотворенности мира, которая соответствует тенденции рационального неверия.

Первоначальное развитие феодосианской ереси падает на время Стоглавого собора, то есть совпадает с началом процесса государственной стандартизации религии в России Ивана Грозного. Поэтому феодосианство может рассматриваться, с одной стороны, как параллельная Стоглаву оценка русской церкви снизу, а с другой, как реакция на сам Стоглав. Мы уже видели, что оценка «церковных нестроений» снизу обычно сопряжена с практическим атеизмом. Поэтому более вероятным нам представляется связь рационального неверия в духе феодосианства с не слишком удачной попыткой государства отрегулировать религиозную жизнь. И действительно, Стоглав запретил связанные с развитием практического атеизма астрологию и эзотеризм, но никак не упомянул о рациональных формах неверия – его составителям они были ещё не известны.

Литература

1. Minois G. Geschichte des Atheismus: Von den Anfängen bis zur Gegenwart / Aus dem Fr. von Eva Moldenhauer. Weimar: Böhlau Nachf., 2000.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965.
3. Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инок Зиновия. Казань: унив. тип., 1863.

ПАУЛЬ РЕБХУН И ДРАМАТУРГИЯ ЛЮТЕРАНСКОЙ САКСОНИИ*

Лурье Зинаида Андреевна,
аспирант, Институт истории СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Россия
z.lurie@spbu.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает жизнь и творчество Пауля Ребхуна, видного драматурга саксонского региона периода Реформации и его произведения в контексте конфессиональной дидактической литературы. Не оспаривая известный тезис об особом внимании Ребхуна к проблематике семьи и брака, нашедшей отражения в его драмах «Сусанна» и «Свадьба в Кане Галилейской», автор обращает внимание также на социополитическую и собственно конфессиональную проблематику в его текстах.

Ключевые слова: Сусанна; Виттенберг; Цвикау; Кале; Ханс Тирольф; Ханс Аккерман; проповедь; Реформация; конфессионализация; театр.

PAUL REBHUN AND DRAMA OF THE LUTHERAN SAXONY

Lurie Zinaida Andreevna
PhD-student, Department of History of the Middle Ages,
St. Petersburg State University, Institute of History
St. Petersburg, Russia
z.lurie@spbu.ru

Abstract. The article deals with the life and work of Paul Rebhun, a prominent playwright of Saxon region of the Reformation period. The author considers his work in the light of religious didactic literature. Without arguing the well-known thesis about the special attention of Rebhun to family issues and marriage, as reflected in his dramas "Susanna" and "Wedding at Cana", the author draws attention to the socio-political and confessional ideas.

Keywords: Susanna; Wittenberg; Zwickau; Calais; Hans Tirolf; Hans Ackermann; preaching; Reformation; confessionalisation; theater.

Пауль Ребхун (1500/1505–1547) – признанный драматург ранней Реформации, реформатор национального стихосложения, лидер саксонского кружка драматургов (в который входили Ханс Аккерман, Ханс Тирольф и др.).

* Текст написан в рамках проекта РГНФ «Печать и коммуникативные практики конфессиональной эпохи: Центральная Европа и Прибалтика» № 15-31-01009.

Его биография во многом типична [1]. Австриец по происхождению, он в 1520–е гг. обучался в Виттенбергском университете, вероятней всего, на факультете свободных искусств. В 1526–1527 гг. Ребхун стал кантором церкви Св. Марии в Цвикау, через несколько лет переехал в Кале, где сформировался как драматург. В 1536 г. Ребхун возвратился в Цвикау в качестве терция латинской гимназии, вскоре стал конректором. Через два года, однако, он перебрался в Плауэн, где главным образом посвятил себя церковному служению. Весной 1538 г. Ребхун был рукоположен в сан, а записи Виттенбергского университета за 1542 г. свидетельствует о его занятиях теологией. В 1542 г. Ребхун переехал в Эльсниц в качестве пастора и второго суперинтенданта Вотсберга, также участвовал в визитациях в Лоберстеме. В 1547 г. Ребхун скончался.

Творческое наследие Ребхуна невелико. К его драматургическим произведениям относится «Сусанна», известная в редакциях 1535 г. и 1544 г., и «Свадьба в Кане Галилейской» (1538) [2]. Также дошло его предисловие немецкому переводу «Паммахия» (1538) Ханса Тирольфа. Кроме того, из-под его пера вышло несколько дидактических наставлений и проповедей–диалог «Жалоба бедняка и отягощенного заботами» (1529), трактат «Христианский и полезный разговор о сумме христианской веры и знания» (1540), сборник латинских выражений (в основном, из текстов Теренция) и их перевода на немецкий 1545 г., рассуждения на тему христианского брака «Мир в доме» 1546 г.

Драматургические тексты Ребхуна, как указал В. Тиммерман, необходимо рассматривать в контексте лютеранской теологии и дидактики и, в частности, в сравнении с остальным его наследием [3]. Помимо общего благовеста о Христе, исследователи традиционно указывают на особую значимость для Ребхуна проблемы семьи и брака, о чем свидетельствует и сама тематика его проповедей и драматических произведений: Сусанна – это сюжет о супружеской верности, тогда как Свадьба в Кане Галилейской – назидание, обращенное к новобрачным [4]. Ребхун характерно расширяет апокриф о Сусанне (Дан. 13), выводя на сцене домочадцев Сусанны, его супруга и детей, которые не просто присутствуют на сцене (как было в предшествующих драматургических адаптациях), но произносят пространственные реплики. Противопоставление двух видов любви – истинной любви христианского супружества и порочной страсти, внушаемой Венерой или дьяволом, действительно, одна из центральных тем его драм [2, S. 14–15, 92]. Общий смысл дидактики Ребхуна сводится к принципу, что в доме, где жена повинуетя мужу, а муж любит жену, царствует Христос – вынесенный на титул его наставления «Мир в доме» [s. 1]. Явленный в драмах идеал женщины объединяет качества мудрой домоправительницы, заботливой

матери, верной супруги и дочери, почитающий родителей [например, 2, S. 13, 14, 103 и др.]. Очевидно, что его взгляды созвучны Лютеру и прямо следуют из текстов Св. Писания.

Тем не менее, Ребхун не избегает политической проблематики (*ordo politiciis*), лишь уравновешивая ее темой брака. Отношение христианина к политической власти опять же, что вообще характерно для саксонских авторов, прямо повторяет Лютера: это идея смирения и духовного сопротивления в случае тирании (т.е. молитва). В прологе к «Сусанне» Ребхун призывает к социальному смирению, указывая на необходимость послушания судебному решению. Надо отметить, что в 1530-е гг. в различных адаптациях сюжета о Сусанне для сцены описание судебного процесса очень подробно, что, вероятно, отражало процессы проведения общеимперской правовой реформы. У Ребхуна, однако, состав суда и сам ход процесса относительно не разработан: в него входят шесть судей, похоже, равных по статусу; в общем и целом соблюдена правовая основа судебного решения. Тем не менее, одна из центральных. Единственный из драматургов ввел совершенно не подразумеваемый текстом Библии сюжет о богаче Бальдаме, притеснявшим бедную вдову Олимпию. Его поведение служит отрицательным примером, которому не следует уподобляться [2, S. 18–24]. Суд был решен в пользу богача, поскольку заседание возглавляли порочные старейшины, ослепленные страстью не только к плотским удовольствиям, но и к деньгам. Характерно, что у этого сюжета нет благополучного завершения: Ребхун как бы показывает, что воля Господа может быть разной, и каждому дается по вере его. Только праведникам, подобным Сусанне, будет оказана Божественная помощь.

Наконец, нужно определить место произведений Ребхуна в конфессиональной полемике. Нападки на папистов в целом не характерны для драматургии 1530-х гг., однако из этого не следует их нейтральный «экуменический» тон. Сама тема брака, так значимая для автора, безусловно, противопоставлена пути девства и celibата, характерного для католического благочестия. Кроме того, в драмах есть некоторые другие характерные моменты. Так, в «Сусанне» выведен показательный эпизод, когда сыновья Сусанны обращаются к матери в испуге, расспрашивая об аде и наказаниях за грехи, она же утешает их, апеллируя к милосердию Божьему [6, S. 203].

Литература

1. Лурье З.А. Лютеранский драматург в эпоху Реформации: Опыт коллективного портрета // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 166–186.
2. Paul Rebhun's Dramen / Hrsg. von H. Palm. – Stuttgart: Literarisches Vereins, 1859.

3. Timmermann W. Theaterspiel als Medium evangelischer Verkündigung. Zu Aussage und Funktion der Dramen Paul Rebhuns // Archiv für Kulturgeschichte. 1986. N 66. S. 117–158.

4. Washof W. Die Bibel auf der Bühne: Exempelfiguren und protestantische Theologie im lateinischen und deutschen Bibeldrama der Reformationszeit. Münster: Rhema, 2007.

5. Лурье З.А. Лютеранская проповедь и драматургия: опыт типологических параллелей // Религия. Церковь. Общество / Под ред. А.М. Прилуцкого. СПб., 2015. С. 180–197.

6. Paul Rebhuhn. Susanna. Ein Geistlich Spiel von der Gotfürchtigen und keuschen Frauen Susannen / Kritisch hrg. von H.-G. Roloff; Nach d. Ausg. 1536 unter Berücksichtigung d. Ausg. v. 1537 u. 1544 kritisch herausgegeben. Stuttgart: Philipp Reclam, 1967.

УДК 9; 94

**КАЛЬВИНИЗМ И ИДЕЯ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА:
В.М. ГЕССЕН О ПРОТЕСТАНТСКИХ «МОНАРХОМАХАХ»
XVI ВЕКА**

*Савина Анна Викторовна,
ст. преподаватель кафедры всеобщей истории
и социально-экономических дисциплин,
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
avsavina@ya.ru*

Аннотация. В статье дается характеристика работы дореволюционно-го российского правоведа В.М. Гессена, посвященной концепции народного суверенитета в кальвинистских трактатах XVI века. Рассматриваемый труд Гессена еще не становился предметом научного осмысления. Важными аспектами статьи являются определение источниковой базы, историографического контекста, выявление позиций автора по вопросам содержания, характера, значения кальвинистской политической доктрины эпохи Реформации.

Ключевые слова: В.М. Гессен; Ж. Кальвин; кальвинизм; народный суверенитет; «монархомахи»; Ф. Отман; Т. де Без; Ф. Дюплесси-Морне; Дж. Бьюкенен.

CALVINISM AND THE IDEA OF POPULAR SOVEREIGNTY: V.M. HESSEN ABOUT PROTESTANT "MONARHOMACHS" OF THE XVI CENTURY

Savina Anna Victorovna

*Senior Lecturer, Department of World History
and socio-economic disciplines, Vologda State University
Vologda, Russia
avsavina@ya.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of work of pre-revolutionary Russian jurist V.M. Hessen dedicated to the concept of popular sovereignty in the Calvinist treatises of the XVI century. Investigation of this work has not become a subject of scientific understanding. Important aspects of the article: detection of sources, historiographical context, the identification of the author's position on the content, nature, values of Calvinist political doctrines of the Reformation.

Keywords: V.M. Hessen; J. Calvin; Calvinism; popular sovereignty; «monarhomachs»; F. Hotman; T. de Bèze; P. de Mornay; G. Buchanan.

Владимир Матвеевич Гессен (1868-1920) известен как выдающийся юрист, теоретик правового государства и парламентаризма, а также общественно-политический деятель конца XIX – начала XX века. В советское время творческое наследие видного российского либерала, члена партии кадетов, депутата второй Государственной думы было забыто, в наши дни интерес к идеям В.М. Гессена все возрастает: доказательством тому – переиздание его работ [1]. Выпускник Новороссийского университета, Гессен в течение двух лет стажировался в Германии, где имел возможность слушать лекции ведущих европейских правоведов. С 1896 по 1912 годы он работал в качестве приват-доцента кафедры государственного права в Санкт-Петербургском университете, одновременно преподавая в Александровском лицее, Санкт-Петербургском политехническом институте, на Высших женских курсах. Диссертации Гессена, защищенные в 1909 и 1916 годах, были посвящены институту подданства и основам конституционного права. Кроме того, он занимался вопросами международного права и местного управления.

Одна из немногочисленных работ Гессена по истории политических и правовых учений посвящена идеям кальвинизма. В 1913 году в «Известиях Санкт-Петербургского политехнического института» было опубликовано сочинение «Проблема народного суверенитета в политической доктрине

XVI века», в том же году вышедшее отдельным изданием [2]. Идея народного суверенитета, то есть верховенства народа как источника власти, была актуальна в России начала XX века не только с научной, но и с общественно-политической точки зрения как «главенствующий принцип обоснования источника власти, орудия против любой формы неограниченной публичной власти и деспотизма» [3]. Из наиболее значимых научных работ по этой тематике отметим опубликованную в 1903 году диссертацию приват-доцента Демидовского юридического лицея Н.И. Палиенко «Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение», в которой автор рассматривал учения XVIII-XIX веков [4]. Гессен же обратился к периоду становления теории народного суверенитета в XVI веке. В своем исследовании Гессен отталкивался от работ немецких ученых О. фон Гирке [5] и Ф. фон Бецоляда [6]. Из российских ученых наиболее заметно влияние М.М. Ковалевского и его труда «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (1906), в котором ученый отмечал особую роль кальвинистских авторов в зарождении идеи народного суверенитета [7].

Гессен рассматривал те же кальвинистские сочинения, что и Ковалевский: это гугенотские «политические памфлеты» «Франкогаллия» (1573) Франсуа Отмана, «О праве магистратов по отношению к подданным и об обязанностях подданных по отношению к магистратам» (1574) Теодора де Беца и анонимный «Иск к тиранам» 1579 года (по замечанию Гессена, «большинство новейших исследователей», включая Ковалевского, автором считает Филиппа Дюплесси-Морне [2, с. 235] – принятая сейчас теория соавторства Дюплесси-Морне и Юбера Ланге появилась только в 1930-е гг. [8]). Гессен отмечал, что в работе использовал французские и латинские издания XVI-XVII вв. [2, с. 234-235]. Еще одним источником стал трактат шотландца Джорджа Бьюкенена «О королевском праве у шотландцев» (1579) – в распоряжении Гессена было латинское издание XVIII века.

Наряду с сочинениями протестантов, Гессен рассматривал трактаты католиков XVI века (Х. Мариана, Ж. Буше) – конфессиональные отличия не мешали совпадению политических идей, дышавших неприятием тирании. В литературе XIX-начала XX века и тех, и других принято было называть «монархомахами». Этот термин Гессен считал не совсем соответствующим сути провозглашаемой доктрины, так как авторы трактатов отнюдь не боролись с монархией, а совсем наоборот, возлагали на нее большие надежды: неслучайно свои «революционные памфлеты» они посвящали королевским особам (например, Отман – Фридриху Баварскому, Бьюкенен – Якову VI Шотландскому) [2, с. 240].

Гессен был согласен с О. фон Гирке и Ф. фон Бецольдом в том, что доктрина народного суверенитета имеет средневековые корни: от Манегольда из Лаутенбаха XI века до Иоанна Солсберийского, Фомы Аквинского и Марсилия Падуанского (XII-XIV вв.). Религиозную (библейскую) аргументацию «монархомахов» Гессен не рассматривал, обращаясь к двум главным рациональным аспектам: неотчуждаемости народного суверенитета и договорному происхождению государственной власти. Автора «Иска...», а также Бьюкенена Гессен ставил на порядок выше остальных «монархомахов», поскольку у них обоих есть идея монарха как «органа исполнительной власти» [2, с. 295]; кроме того, первый признавал законодательную функцию исключительным правом народа, а второй допускал непосредственное осуществление народом законодательной власти (народное голосование) [2, с. 314]. Тем не менее, протестантские авторы за монархом (не суверенным, но властвующим) безоговорочно признавали право управления, а за народом (суверенным и не властвующим) – лишь право контроля [2, с. 296].

По мнению Гессена, понятие «народный суверенитет» у кальвинистов нельзя трактовать как «демократический суверенитет»: в условиях феодального «общества неравных» XVI века, разделенного на «знать» и «чернь», понятие «народ» могло трактоваться только в аристократическом смысле. «Всесословного большинства» кальвинисты «не знают», соответственно, говоря о народном суверенитете, подразумевают под народом аристократию [2, с. 301-302].

Также, по мысли Гессена, у «монархомахов» не была ясно выражена идея представительства: аристократия не может представлять народ, ибо она и есть народ. Непонимание сути представительного правления Гессен находит у Отмана и де Беза, и только автор «Иска к тиранам» «конструирует отношения представительства между народом-сувереном» и теми аристократами во власти, которые имеют право возглавить сопротивление тирану [2, с. 303-305].

Что касается вопроса о сопротивлении, то Гессен замечал, что этот пункт является главным в доктрине «монархомахов». Кальвинисты унаследовали идею своего учителя Жана Кальвина, который в «Наставлении в христианской вере» провозглашал «защитниками народной свободы» учреждения вроде магистратов, аналогичные античным институтам эфоров, трибунов, демархов, «какими, возможно, являются сегодня в каждом королевстве ассамблеи трех сословий» [9, с. 495]. Гессен констатировал у кальвинистов невозможность частного сопротивления: можно бороться с тираном только в совокупности, в виде «организованного меньшинства» вроде Генеральных штатов. По мнению Гессена, индивиду нет места в системе

взглядов «монархомахов» – отдельный человек может лишь подчиниться, терпеть, бежать [2, с. 325-329]. Даже католические «монархомахи» были настроены «революционнее» – они допускали «частную инициативу» и развивали идею «боговдохновенного тираноубийства», которая тоже фигурировала у Ж. Кальвина. Реформатор писал, что Бог может прислать свою кару тирану за «неправедное господство» в виде «Божьего мстителя» [9, с. 494]. Гессен отмечал, что последователи Кальвина относились к этой идее скептически, опасаясь появления возможных лжепророков, типа Т. Мюнцера [2, с. 321-322].

По мысли Гессена, в сравнении со средневековыми тираноборцами, кальвинисты не привнесли ничего существенно нового. Напротив, эти «эпигоны безгосударственного средневековья» возрождали идеал феодальной монархии, где власть правителя ограничена правами, вольностями, интересами знати. Однако, по мнению Гессена, транслиция идеи народного суверенитета даже в таком ограниченном понимании имела революционное значение. Средневековые идеи, упавшие на почву Нового времени, получили яростное антиабсолютистское звучание и «набатным колоколом» прозвучали в период Великой французской революции [2, с. 241-243]. Ненависть к деспотизму – основное настроение, из которого вырастает политическая доктрина «монархомахов», а суть народного суверенитета – в праве на революцию, которое служит основной гарантией против тирании. По словам Гессена, в XVII столетии индивид будет «вознесен на высоту», а еще через сто лет Французская революция попытается построить государство на зыбкой почве другой, индивидуалистической («анархической») идеи народного суверенитета [2, с. 326-328].

Таким образом, в отечественной историографии кальвинизма труд Гессена является уникальным примером правоведческого исследования конкретной узкой темы, тогда как другие ведущие юристы эпохи уделяли внимание кальвинистским идеям только в рамках обобщающих курсов (Б.Н. Чичерин, М.М. Ковалевский, П.И. Новгородцев и другие). Отмечая роль кальвинизма в развитии политической мысли в качестве связующего звена между идеями Средневековья и Просвещения, Гессен избежал преувеличения «заслуг» кальвинистских авторов или «осовременивания» их идей, отметив ретроспективный и узкословный характер политической доктрины кальвинизма XVI века на примере теории народного суверенитета.

Литература

1. Гессен В.М. Основы конституционного права. М.: РОССПЭН, 2010.
2. Гессен В.М. Проблема народного суверенитета в политической доктрине XVI века. СПб.: типо-лит. Шредера, 1913.

3. Лапаева А.В. Идея народного суверенитета в воззрениях теоретиков российского конституционализма начала XX в. [Электронный ресурс] // Российское право в Интернете. 2010. № 4. URL: http://www.rpi.msal.ru/prints/201004_15lapaeva.html (дата обращения: 15.04.2016).

4. Палиенко Н.И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1903.

5. Gierke von O. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Breslau: W. Koebner, 1880.

6. Bezold von F. Die Lehre von der Volkssouveranitet im Mittelalter // Historische Zeitschrift. XXXVL. 1876. S. 313-367.

7. Савина А.В. М.М. Ковалевский о политических идеях кальвинизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 149-151.

8. Ysselsteyn G. T. van. L'auteur de l'ouvrage «Vindiciae contra Tyrannos» // Revue historique. CLXVII. 1931. P. 46-59.

9. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере: пер. с фр. В 3 т. Т. 3. М.: Издательство РГГУ, 1999.

УДК 94 (410)

КАЛЬВИНИЗМ В ЦЕРКВИ АНГЛИИ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVII ВЕКА

*Ерохин Владимир Николаевич,
профессор кафедры документоведения и всеобщей истории,
доктор исторических наук, доцент,
Нижевартовский государственный университет,
г. Нижневартовск, Россия
erohin_vladimir@inbox.ru*

Аннотация. В статье представлена характеристика пуританизма и кальвинизма в церкви Англии в первые предреволюционные десятилетия XVII века и высказывается предположение о том, что пуритане и кальвинисты в этот период не были бескомпромиссно оппозиционными по отношению к церкви Англии.

Ключевые слова: история Англии XVII века; пуританизм; кальвинизм; Английская революция XVII века.

CALVINISM IN THE CHURCH OF ENGLAND DURING PRE-REVOLUTIONARY DECADES OF 17TH CENTURY

Yerokhin Vladimir Nikolaevich

*Professor, Department of Universal History and Documentation Studies, Doctor
of Historical Sciences, Assistant Professor, Nizhnevartovsk State University,
Russia
erohin_vladimir@inbox.ru*

Abstract. The article describes Puritanism and Calvinism in the Church of England during the pre-revolutionary decades of 17th century. The author of the article presupposes that Puritans and Calvinists of this period in England cannot be described as uncompromised opponents of the Church of England.

Keywords: history of England of 17th Century; Puritanism; Calvinism; English Revolution of 17th Century.

В современной британской исторической науке продолжает активно изучаться история церкви Англии в первые десятилетия XVII века. Британские историки придерживаются мнения, что в начале XVII века церковь Англии ещё находилась в стадии поиска и утверждения своей идентичности [1, p. 34, 104-105; 2, p. 3; 3; 4].

Исследователи отмечают, что в эти десятилетия продолжалось повышение социального статуса епископата, подкреплявшееся также идеологически публикацией трактатов, проповедей, пропагандировавших епископальный строй церкви как божественное установление (*jus divinum*), имеющее апостольскую преемственность. Епископы опять стали назначаться на государственные должности [5, p. 175-184; 6, p. 11]. При Якове I Стюарте (1603-1635) в результате идейного влияния Реформации понимание епископата как божественного установления не пользовалось всеобщей поддержкой даже среди самих епископов, но, как отмечает П. Коллинсон, в начале XVII века «высказывание такой точки зрения перестало восприниматься как скандал». Согласие с *jus divinum* епископов могло представлять для королевской власти трудность в случае необходимости отрешения епископа от должности [6, p. 17].

Апологеты епископата при Якове I, отмечает П. Коллинсон, отличались от арминиан времени правления Карла I Стюарта (1625-1649) – они были по своим взглядам кальвинистами, и кальвинизм у них вполне сочетался с учением о божественном праве епископата. В дальнейшем архиепископ Кентерберийский Уильям Лод (1633-1645) всегда подчёркивал, что епископат не может быть удален из церкви, и даже само по себе при-

звание в епископы необратимо. В отличие от такой позиции Лода, апологеты епископата времен Якова I допускали, что корона может лишить епископов не только их владений, юрисдикции, но даже права публично исполнять свои обязанности и духовные функции, хотя эти права уже принадлежали самому титулу епископа *potestas ordinis* [6, p. 18].

П. Коллинсон придерживается мнения, что положение в стране и в церкви в правление Якова I отнюдь не предвещали революции середины XVII века. По его словам, в дальнейшем «крайняя нестабильность и коллапс 1640-х годов лишили в восприятии историков церковь начала XVII века присущих ей достоинств, что привело к появлению в британской историографии характеристики первых десятилетий XVII века как, по словам К. Хилла (и не только его), «предреволюционной Англии». Коллинсон же стремится показать, в какой мере церковь Англии этого времени была самодостаточной и разнообразной по характеру входивших в неё элементов [6, p. VIII-X].

По оценке П. Коллинсона, богословской связующей основой церкви времен Якова I был кальвинизм, который объединял конформистов и умеренных пуритан. Кальвинизм в это время смыкался с господствовавшей антикатолической идеологией, что способствовало поддержанию существовавшего политического и социального устройства. Кальвинизм в Англии этого времени был неоднородным – П. Коллинсон находит в церкви в том числе и «кальвинистский епископат» (*calvinist episcopalianism*). Значительная часть епископов в начале правления Якова I предпочитала примирение с пуританами, не хотела их насильно подавлять [6, p. 82].

Современные историки показали, что кальвинистское учение о предопределении, строгое соблюдение воскресного дня, убеждение в том, что папа-Антихрист, и ещё ряд идей, считавшихся ранее пуританскими, в такой же степени, как пуританские неконформисты, разделяли и многие епископы времён правления Елизаветы I Тюдор (1558-1603) [7, p. 150-151; 8, p. 12]. Британские историки развивают идею о том, что в церкви Англии во второй половине правления Елизаветы I и в правление Якова I существовало согласие с основными богословскими идеями кальвинизма, а конформисты и пуритане отличались друг от друга только незначительными по характеру разногласиями в понимании вопросов церковного управления и церемониальной стороны жизни церкви. Наиболее отчетливо выразил этот подход Н. Тайэк [9; 10], но дискуссии по этим проблемам продолжаются: спор по вопросу о том, в какой степени в церкви Англии укоренился кальвинизм, по словам П. Лейка, представляется «вечным» [11, p. 6].

Противопоставление англиканства и пуританства возникло, как отмечают современные исследователи, ещё и в результате деятельности мар-

ксистски ориентированных британских историков, которые стали рассматривать пуританизм как кредо поднимающихся средних классов, которые стремились убрать из жизни церкви всё то, что мешало поднимающемуся капитализму. Основы для такой интерпретации заложила либеральная историография, которая характеризовала период, предшествовавший 1640 году, как предреволюционный, а пуританизм изображала как прогрессивного поборника изменений и революции. Для того чтобы обосновать такую интерпретацию, брались труды англиканских апологетов периода правления Карла I, которые хотели маргинализировать пуританизм из основного русла в жизни церкви Англии, для этого изображая пуритан как бунтовщиков – например, труды Питера Хейлина. С 1970-х годов в рамках либерального историзма, испытавшего влияние подходов историков-ревизионистов, такая интерпретация стала подвергаться сомнению, и стало распространяться мнение, что пуритане, в сущности, были представителями евангелического типа в протестантизме, отличавшегося относительно большим энтузиазмом в исповедании своей веры по сравнению с англиканами. При этом подчёркивалось, что пуритане не обязательно были неконформистами в отношении с церковью Англии. Радикализировались же оппозиционные взгляды пуритан лишь в правление Карла I из-за действий властей, попытавшихся подавить пуританизм в церкви, в которой он ранее смог укорениться [9, p. 119-143; 12; 13, p. 28; 14, p. 169-201; 15]. П. Коллинсон утверждает, что пуританизм сам по себе не был подрывным в своем отношении к установленной церкви и короне, его таким представляли Лод и последующие роялисты. П. Лейк отмечает, что в начале XVII века многие просто не считали пуританизм чем-то враждебным англиканству, рассматривая его как проявление евангелического рвения, неконформистской склонностью, которая могла существовать в гибкой структуре церкви Англии [16, p. 112-123; 17, p. 483-488].

П. Коллинсон неоднократно обращается к полемике с К. Хиллом. Хилл в очерке «Личности и сообщества» в работе «Общество и пуританизм в предреволюционной Англии» (1964) предполагал, что появившийся в результате Реформации религиозный волонтаризм, который привел к образованию сект, был силой, способствовавшей распаду традиционных локальных сообществ, и процессом, который имел определённую историческую логику, когда, «особенно в городах, возникали добровольно и самостоятельно созданные сообщества, независимые от религиозного прихода, объединённые общностью интересов, а не просто географической близостью или корпоративной моралью – договорные сообщества заменили статусные сообщества». Переход от прихода к секте был переходом к созданию добровольного типа сообщества, к которому люди примыкали для

того, чтобы слушать избранного ими проповедника [18, р. 483-484, 488, 491-492]. П. Коллинсон отмечает, что поначалу тоже склонялся к подобным выводам, но теперь склонен обратить внимание на то, что такие добровольные формы религии и договорные сообщества всё же просуществовали в течение 2-3 поколений, не покидая установленной церкви, и в их последующем выходе из церкви не было предзаданности: в рамках церкви Англии в предреволюционные десятилетия XVII века была вполне возможна аккомодация этих новых религиозных форм [6, р. 249-250].

Литература

1. Russell C. *The Causes of the English Civil War*. Oxford, 1990.
2. *Images of English Puritanism. A Collection of Contemporary Sources, 1589-1646*. Baton Rouge-London, 1989.
3. *The Study of Anglicanism* / Ed. S. Sykes and J. Booty. London, 1988.
4. Avis P. *Anglicanism and the Christian Church*. Edinburgh, 1989.
5. Kennedy D. E. *The Jacobean Episcopate* // *Historical Journal*. Vol. 5. 1962. P. 175-184.
6. Collinson P. *The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559-1625*. New York, 1982.
7. Dent C. M. *Protestant Reformers in Elizabethan Oxford*. Oxford, 1983.
8. Milton A. *Catholic and Reformed. The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought*. Cambridge University Press, 1995.
9. Tyacke N. R. N. *Puritanism, Arminianism and Counter-Revolution* // Russell, C. (Ed.). *The Origins of the English Civil War*. London, 1973.
10. Tyacke N. R. N. *Anti-Calvinists*. Oxford University Press, 1987.
11. Lake P. *Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker*. London, 1988.
12. Lake P. *Moderate Puritans and the Elizabethan Church*. Cambridge, 1982.
13. Russell C.S.R. *Parliaments and English Politics 1621-1629*. Oxford, 1979.
14. Fincham K., Lake P. *The Ecclesiastical Policy of James I* // *Journal of British Studies*. 1985. Vol. 24. P. 169-201.
15. Fincham K. *Prelate as Pastor: The Episcopate of James I*. Oxford, 1990.
16. Lake P. *Puritan Identities* // *Journal of Ecclesiastical History*. 1984. Vol. 35. №. 1. P. 112-123.
17. Collinson P. *A Comment: Concerning the Name Puritan* // *Journal of Ecclesiastical History*. 1980. Vol. 31. P. 483-488.
18. Hill C. *Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England*. London, 1966.

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ИСТОРИИ ИУДАИЗМА

*Корпачев Петр Александрович,
аспирант, философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
korpachevpa@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основные проявления религиозных конфликтов в истории иудаизма. Наиболее отчетливо эти проявления заметны во взаимоотношениях иудаизма с язычеством, христианством и исламом. Антагонизм еврейского монотеизма и римского политеизма сходит на нет к IV в., однако вплоть до XIX в. в Европе продолжают преследования иудеев со стороны христиан на религиозной почве. В XX в. происходит почти параллельная переоценка отношения к иудаизму на Западе и рост числа конфликтных ситуаций в мусульманском мире.

Ключевые слова: иудаизм; христианство; ислам; язычество; религиозный конфликт.

RELIGIOUS CONFLICTS IN HISTORY OF JUDAISM

*Korpachev Petr Alexandrovich
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
korpachevpa@gmail.com*

Abstract. The article analyzes main aspects of religious conflicts in the history of Judaism. These aspects can be most clearly seen in relations between Judaism, Paganism, Christianity and Islam. An opposition between Jewish monotheism and Roman polytheism fades in IV-th century, however Christian persecution of Jews on religious basis continues in Europe until XIX-th century. In the XX-th century can be seen two almost parallel processes: reevaluation of Christian-Jewish relations in the West and rise in number of religious conflicts in the Near East.

Keywords: Judaism; Christianity; Islam; Paganism; religious conflict.

Будучи одной из немногих национальных религий, иудаизм в своей истории ставит перед исследователем проблему разграничения конфессиональной и этнической сторон в связанных с ним конфликтных ситуациях.

Уже в раннем средневековье эти две стороны тесно переплелись в обыденном сознании широких европейских масс: основанные на социальном неравенстве претензии к евреям сочетались с упреками в неприятии истины христианства и распятии Христа. Антагонизм христианства и иудаизма приобретает отчётливое выражение ещё в I в., постепенно оттесняя на задний план антагонизм последнего с язычеством. В VII в. начинается также сложная история взаимоотношений иудаизма и ислама, приобретших особую остроту во второй половине XX в.

Национальный характер иудаизма во многом predetermined его сложную судьбу в окружении придерживающихся политеистических верований народов. Значительная часть библейской истории повествует о войнах с язычниками, в которых одерживали верх как евреи, так и их противники. Религиозная мотивация этих конфликтов опиралась в основном на стремление сохранить свои верования, наиболее ярко проявившееся во время восстания Маккавеев против насаждавшихся воззрений эллинистического политеизма, причём борьба за самостоятельность в религиозных вопросах была неразрывно связана с борьбой за еврейскую культурную и национальную идентичность. Язычество порицалось и нивелировалось: «они [язычники] поклоняются пустоте и тщете, и молятся божествам, которые не спасают» [1, С. 145]. Религиозный характер войн проявлялся в разрушении культовых сооружений и сакральных пространств, захвате или уничтожении святынь, запрете исповедовать ту или иную религию. Национальной трагедией стало разрушение язычниками сначала первого (VI в. до н.э.), а позднее и второго Храма (I в. н.э.), причём если в первый раз причиной стало завоевание вавилонянами, то в 66-73 гг. н.э. святилище стёрли с лица земли римляне, в освободительной войне против которых евреи потерпели поражение. На месте Храма императором Адрианом был установлен языческий идол, позднее репрессии против иудаизма были дополнены и запретом проводить обрезания, что привело к восстанию Бар Кохбы (132-136 гг.) и последовавшему за ним запрету изучать Тору, а также изгнанию евреев из Палестины.

Противоречия между иудаизмом и христианством существуют с момента появления последнего. Будучи мессианской религией, иудаизм I в. не мог принять в качестве мессии Иисуса Христа, почитаемого христианами, поскольку пришествие спасителя прочно связывалось в нём с политическими переменами в существовании еврейского народа (Пс. 71,8): как отмечается в последующей талмудической традиции, «нет никакого различия между настоящим временем и мессианским, кроме порабощения народов» [2, С. 164]. Опираясь на сакральные тексты иудаизма, иудеохристианство одновременно с этим переосмысляет традиционную концепцию бого-

избранного народа [3, с. 316], ап. Павел начинает проповедь язычникам и, опираясь на общины еврейской диаспоры, создаёт целый ряд независимых от них христианских «церквей» в Малой Азии и Греции. Христиане становятся новыми «сынами Завета» (Лк. 13:34-35, Мф. 23:37-39).

Открытые религиозные конфликты между иудаизмом и его «сектой» (Деян. 24:5) вспыхивали ещё в I в.: так, архим. Филарет (Дроздов) указывает сразу три «гонения» иудеев против иудеохристиан: гонение zelотов, Ирода Агриппы и первосвященника Анны [4, с. 395]. Окончательное размежевание двух религий произошло после разрушения римлянами Иерусалима.

Как уже было сказано выше, одной из основ антииудейских настроений в христианстве исторически является обвинение иудеев в убийства Иисуса Христа. Уже в IV в., с обретением христианством устойчивого положения в империи, начинаются погромы и преследования иудеев, зачастую совершавшиеся с одобрением или даже с благословения церкви [5]. Гонения и притеснения продолжались в Европе вплоть до начала XIX в., когда начинается постепенная эмансипация [6, С. 68]. Были случаи, когда всё еврейское население полностью изгонялось из страны: в Англии это произошло в 1290 г., в Испании в 1492-м. Помимо социального, притеснения имели и ярко выраженный религиозный контекст: во многих европейских странах иудеям запрещалось проводить религиозные церемонии и празднества, строго регулировалось издание религиозных текстов, существовала практика насильственного обращения в христианство. Несмотря на то, что к началу XX в. накал религиозных конфликтов значительно снизился, некоторые современные исследователи считают Холокост закономерным итогом столетий религиозных и этнических преследований [7, с. 21].

Если в истории взаимоотношений христианства и иудаизма современный период отмечен заметным смягчением противостояния, то в случае с иудаизмом и исламом явственно заметно сохранение, а иногда и рост напряжённости. Несмотря на то, что обе эти религии являются монотеистическими и авраамическими, в основании теологического разрыва лежит, как и в случае с христианством, непризнание в качестве пророка основателя новой религии. Вплоть до XI в. евреи, проживающие на территории халифата и султанатов, были лишь незначительно ограничены в правах, причём большая часть налагавшихся ограничений касалась экономического и политического положения в обществе, а не вероисповедания [8, с. 10]. Однако в XII в. имеются уже несколько прецедентов преследования иудеев по религиозному признаку: в Персии, Северной Африке и Испании многих из них подвергли насильственному обращению в ислам, на некоторых землях (Марокко) к ним применялось ограничение в праве передвижения.

Всплеск религиозных преследований иудеев в арабских странах пришёлся на XX в. [9], особенно на его середину. Десятки тысяч евреев были вынуждены стать переселенцами, большинство из них в конце концов эмигрировало в Израиль. Вторая половина прошедшего столетия отмечена целым рядом вооружённых конфликтов между независимым Израилем и окружающими его мусульманскими странами. Несмотря на то, что вопросы вероисповедания практически никогда не выходили в этих конфликтах на первый план, религиозная компонента является неотъемлемой частью подавляющего большинства конфликтов на современном Ближнем Востоке, подпитывая как антииудейскую, так и антимусульманскую пропаганду.

Литература

1. Сидур. Врата молитвы. М., 1993.
2. Кураев А.В. Раннее христианство и переселение душ. М., 1996.
3. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964.
4. Филарет (Дроздов), архимандрит. Начертание церковно-библейской истории. М., 1886.
5. Чайковский М. Грех антисемитизма [Электронный ресурс] // URL: <http://www.beer-sheba.narod.ru/2.5.htm>
6. Клиер Д. Россия собирает своих евреев М.: Мосты культуры, 2000.
7. Richard Harries. After the evil: Christianity and Judaism in the shadow of the Holocaust. Oxford: Oxford University Press, 2003.
8. Lewis Bernard. Muslim Anti-Semitism // Middle East Quarterly, Vol. 06, 1998.
9. Esther Meir-Glitzenstein. The Truth About the Expulsion [Электронный ресурс] // Сайт Haaretz, 9.10.2012. URL: <http://www.haaretz.com/opinion/the-truth-about-the-expulsion.premium-1.468823>

«ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА
КУЛЬТУР И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

УДК 94 (367)

ПАМЯТЬ О ПЕРВОМ БОЛГАРСКОМ ЦАРСТВЕ КАК СРЕДСТВО
ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ВТОРОГО
БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА (1185–1204)

Добычина Анастасия Сергеевна,

младший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН

г. Москва, Россия

andobychina@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблема обращения первых правителей Второго Болгарского царства Феодора-Петра и Ивана I Асеня-Белгуна к исторической памяти об эпохе правления царя Петра I (927–967/968) как средству легитимации власти в период утверждения независимости болгарских земель от Византийской империи (1185–1204).

Ключевые слова: историческая память; Второе Болгарское царство; св. царь Петр; легитимация; власть.

THE MEMORY ABOUT THE FIRST BULGARIAN EMPIRE
AS THE INSTRUMENT TO LEGITIMIZE THE POWER OF THE FIRST
RULERS OF THE SECOND BULGARIAN EMPIRE

Dobychina Anastasia Sergeevna

junior research fellow, the Institute of Slavic Studies

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

andobychina@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the issue of using historical memory about the epoch of Tsar Peter I (927–967/968) by the first rulers of the Second Bulgarian Empire Theodore-Peter and Ivan I Asen-Belgun as the instrument of legitimation of their power in the period of consolidation of independent Bulgarian lands (1185–1204), the former Byzantine territories.

Keywords: historical memory; Second Bulgarian Empire; St. Tsar Peter; legitimation; power.

Проблема «культурной» и «исторической» памяти применительно к средневековой истории Болгарии в последние годы все чаще становится предметом исследования. В данной статье предполагается рассмотреть, каким образом и для чего основатели независимого от Византийской империи Второго Болгарского царства, братья Феодор-Петр и Иван I Асен-Белгун использовали историческую память о правителе Первого Болгарского царства Петре I (927–967/968) в интересах легитимации своей власти. Под понятием «историческая память» подразумевается «культурный контекст, который формируют коннотации основных понятий, устойчиво характеризующих данное лицо в средневековой исторической книжности» [1, с.138].

Согласно повествованию византийского автора середины XII – начала XIII в. Никиты Хониата, после почти полуторавекового пребывания под византийским господством на северо-востоке болгарских земель, в горной крепости Тырново, вспыхивает восстание под руководством двух местных феодалов, Феодора-Петра и Ивана Асеня-Белгуна, которое постепенно выливается в широкомасштабное антивизантийское движение на всех исторических болгарских территориях [2, р.371] [3, с.421–440]. В связи с этим особую значимость представляет один из эпизодов восстания, также описанный Никитой Хониатом, когда один из предводителей восстания, Феодор, возлагает себе на голову золотой венец, надевает красные сандалии и принимает имя Петра [2, р.371]. Смена имени зафиксирована и в другом источнике, болгарского происхождения, «Синодике царя Борила» 1211 г.: «Царю Иоанну Асеню Белгуну, который освободил болгарский род от греческого рабства – вечная память. Феодору, названному Петром, его брату и царю... вечная память» [4, с.150]. Итак, смена имени старшим из первых Асенецев может быть признана несомненным историческим фактом. Подобная смена имени засвидетельствована источниками применительно к предводителям и другим антивизантийских восстаний в болгарских землях: Деляну (или Доляну) (1040–1041) и Константину Бодину (1072) [5, р.409] [6, р.76] [7, р.163–164]. Смысл этих «переименований» не вызывает сомнений: имя «Петр» должно было отсылать настоящих и возможных участников данного восстания к полуполюгендарной к тому моменту личности болгарского царя Петра I (927–967/968) и времени его правления.

Второй сын от второго брака болгарского царя Симеона, Петр получил права на престол в ходе напряженной борьбы и занял его после смерти своего отца в 927 г. Важным моментом в биографии молодого царя становится брак с внучкой правящего императора Романа I Лакапина (920–944) Марией. После свадьбы супруга Петра получает имя Ирины (букв. «мир») в знак заключения полномасштабного мирного договора между Византией

и Болгарией и становится соправительницей своего мужа, чей царский титул был официально признан со стороны Константинополя. Вплоть до 963 г., когда умерла Мария-Ирина, Болгария считалась одним из важнейших союзников Византии, хотя в самом Константинополе «царственность» Петра не считалась равноценной императорской [3, с.271–307]. Тем не менее, еще при жизни Петр пользовался большим авторитетом. Статус болгарского государства как «царства», начиная со времени правления Петра, подтверждает и знаменитая миниатюра мадридской рукописи хроники Иоанна Скилицы, посвященная триумфу Иоанна Цимисхия в 971 г. [8, с.113]

Историческая память о Петре как единственном легитимном царе Первого Болгарского царства сохранялась после византийского завоевания как в собственно болгарской, так и в византийской среде. Вторая грамота Василия II Болгаробойцы Охридской архиепископии (1020) утверждала власть ее архиепископа над относящимися к ее юрисдикции епархиями через ссылку не только на время царя Самуила, но и на царствование Петра как последнего признанного Византией в этом качестве болгарского правителя [9, с.556].

Однако болгарская историческая память периода византийского владычества знает царя Петра как, прежде всего, праведника и святого, канонизированного еще в X в. [10, с.23] Именно в этой ипостаси царь Петр фигурирует в «Болгарской апокрифической летописи»: «В дни и годы святого Петра царя болгарского было изобилие всего, сиречь пшеницы и масла, меда, молока и вина, и все дарами Божьими грелось и кипело, и не было оскудения ни в чем, но были сытость и изобилие во всем, пока изволил Господь» [11, с.196] [1, с.143].

В этом же памятнике впервые отразилась и связь между почитанием праведного царя Петра и св. царя Константина (императора Константина Великого), рождение которого, согласно памятнику, происходит именно при жизни Петра [11, с.196]. Это указание болгарской «Апокрифической летописи» далеко не случайно: как известно, император Константин — единственный канонизированный император-святой, а царь Петр — единственный болгарский святой-царь, о полноценном развитии культа которого можно говорить с полной уверенностью [12, с.105–106]. Благодаря этой связи, в болгарской книжной традиции (и, по-видимому, в сознании болгар) царь Петр выступает не только как первый легитимный правитель, признанный Византией, но как, прежде всего, «новый Константин», «обновитель царства», необходимость чего остро почувствовалась именно после вхождения болгарских земель в состав империи. Отсюда и происходит использование предводителями антивизантийских восстаний имени царя Петра и его «политического культа» в интересах легитимации своих дейст-

вий в глазах болгарского населения, сохранившего некий общий мифологизированный образ праведного царя Петра в своей исторической памяти [13, с.25–42] [14, с.262–271].

Использование имени Петра фактически означало уподобление новой столицы Второго Болгарского царства Тырново древней столице Первого Болгарского царства Преславу и самому Царьграду-Константинополю [13, с.13–14, 19], а также выражало недвусмысленные претензии на земли, некогда входившие в состав Первого Болгарского царства, включая Преслав. Связь между царем Петром и Преславом, по-видимому, воспринималась как неразрывная: так, в сербской (дуклянской) исторической традиции сохранились сведения о кончине «императора болгар по имени Петр, который сидел в городе Великом Преславе» [15, с.172]. Примечательно, что после того, как власть Петра и Асеня установилась во всей Северо-Восточной Болгарии, именно Преслав переходит под управление старшего брата, Петра, на правах «Петровой земли» и упоминается у Георгия Акрополита как «Петрова хора» [16, р.20].

Таким образом, рассмотренный выше инструмент легитимации был обращен Феодором-Петром и Асенем-Белгуном к тем группам и слоям болгарского населения, у которых сохранялась историческая (в большей степени книжная) память о существовании прежнего, почти легендарного государства, некогда равного по своему могуществу с Византией, а также память о благочестивом царе Петре. «Новый Петр» должен был выступить как «обновитель» Болгарии, как «новый Константин». Вероятно, к таким категориям болгарского населения принадлежали представители низшего духовенства и лица среднего достатка, знакомые с образом св. царя Петра по устным рассказам и апокрифическим сочинениям.

Литература

1. Польшанский Д.И. Царь Петр в исторической памяти Болгарского Средневековья // Средневековьята българин и «другите». Сборник в чест на 60-годишнината на проф. д.и.н. Петър Ангелов. София, 2013. С. 137–145.
2. Nicetas Choniata. Historia / Rec. I.A. van Dielen (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 11/1). Berolini et Novi Eboraci, 1975.
3. Божилев И., Гюзелев В. История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в три тома. Т. 1). София, 1999.
4. Божилев И., Тотоманова А., Билярски И. Борилов Синодик. Издание и перевод. София, 2010.
5. Ioannes Scylitzaeus. Synopsis historiarum (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 5) / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.
6. Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976–1077) / Texte établit et traduit par E. Renaud. Vol. 1–2. Paris, 1926–1928.

7. Τσολακη Ε.Θ. Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτση (Ioannes Scylitzes Continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968.
8. Божков А. Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972.
9. Иванов Й. Български старини из Македония. София. 1931 (перездание: София, 1970).
10. Чешмеджиев Д. Няколко бележки за култа към цар Петър I (927–965) // Християнската традиция и царската институция в българската култура. Шумен, 2003. С. 23–37.
11. Български апокрифен летопис // Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996.
12. Бадаланова-Покровская Ф., Плюханова М. Средновековная символика власти в Slavia Orthodoxa // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Факултет по славянски филологии. София, 1993 (1996). Кн. 2. Т. 86. С. 103–108.
13. Билярски И. Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004.
14. Чешмеджиев Д. Българската държавна традиция в апокрифите: цар Петър в Българския апокрифен летопис от XI–XII в. // Българско Средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф., д-р Милияна Каймакамова. София, 2013. С. 262–271.
15. Annales anonymi presbyteri de Dioclea // Латински извори за българската история. Т. 3. София, 1965. Р. 170–179.
16. Georgius Acropolita. Opera / Rec. A. Heisenberg. Ed. anni 1903 (= Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. 1). Stuttgartiae, 1978.

УДК 05(73):94(470)

РОССИЙСКИЕ СОВРЕМЕННОКИ ОБ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В США В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Смелова Елена Валентиновна,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,

кандидат исторических наук, Северо-Западный институт (филиал)

Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Вологда, Россия

e.smelova.mm2014@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления изучения промышленности США российскими современниками в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: американо-российские отношения; образ Америки в России; промышленность США в конце XIX – начале XX вв.

THE RUSSIAN CONTEMPORARIES ABOUT INDUSTRIALIZATION IN THE USA AT THE TURN OF THE 19-th-20-th CENTURY

Smelova Elena Valentinovna

*Senior Lecturer, Candidate of Historical Sciences, State and Law Department,
North-West Institute (Affiliate) of University Named after O.E. Kutafin (MSLA),
Vologda, Russia
e.smelova.mm2014@yandex.ru*

Abstract. The article is concerned with main directions of research of the manufacturing industry of the United States of America by russian contemporaries at end of 19-th – the beginning of 20-th century.

Keywords: American-Russian Relations; Russia's Image of America; manufacturing industry of the United States at end of 19-th – the beginning of 20-th century.

Период конца XIX-начала XX вв. характеризовался заметным ростом интереса представителей разных групп российского общества к бурному промышленному развитию, переживаемому в те годы Соединенными Штатами Америки. Это обстоятельство объяснялось, прежде всего, впечатляющими достижениями продолжавшегося в стране процесса индустриализации. Как известно, к концу XIX в. США превратились в индустриально-аграрную державу, занимавшую первое место в мире по объему промышленной продукции. Промышленное развитие США было отмечено не только повышением его общих параметров, но и глубокими структурными изменениями, выразившимися в становлении новых отраслей промышленности (электроэнергетической, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, химической, автомобилестроения) и переменах в традиционных. Активно шли процессы концентрации производства и капитала, возникновения и развития на этой основе корпоративных объединений. Быстрыми темпами продолжал расти экспорт промышленных товаров, опережавший увеличение их импорта, а также вывоза сельскохозяйственной продукции.

С другой стороны, внимание к индустриальному развитию США было связано с экономической ситуацией в самой России. Так, в 90-е гг. XIX в. министром финансов С.Ю. Витте была разработана программа создания «крепкой национальной индустрии», продолжившая экономическую политику правительства 80-х гг. XIX в. Перед страной стояла цель – не быть низведенной в ранг колониальных стран, зависимых от капиталистических государств Запада. В этих условиях шло ознакомление российского общества с экономическим опытом ведущих стран Европы и США. Заметим,

что в отличие от западноевропейских стран, для России не были характерны тревожные настроения в отношении последствий промышленного роста в Соединенных Штатах. Конкуренция со стороны «заокеанского колосса» для России (за исключением, может быть, нефтяной промышленности) не являлась столь острой и опасной, как, например, для Англии.

Опыт индустриализации в США интересовал, в первую очередь, представителей экономической и научно-технической мысли России того времени. В центре их внимания были такие аспекты индустриального развития Соединенных Штатов, как состояние отраслей американской промышленности, функционирование монополистических объединений, влияние протекционизма на ход промышленного развития. В рамках данной статьи мы остановимся на освещении российскими современниками лишь первого сюжета из перечисленных.

В период с 1895 по 1904 гг., в частности, было издано более десятка монографий, а также напечатан ряд статей, посвященных характеристикам различных отраслей промышленности США. Среди авторов работ были: В.Л. Кирпичев (1845-1913), специалист в области механики и сопротивления материалов, директор Харьковского технологического института, А.Д. Гатцук (1859-1929), специалист по механической технологии, адъюнкт-профессор Петербургского практического технологического института, С.П. Панаев (1874-1937), чиновник особых поручений при Главном управлении землеустройства и земледелия, В.Е. Тищенко (1861-1941), химик-органик, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, А.И. Смирнов, инженер-электрик, электротехник при Императорском дворе, С.Д. Карейша (1854-1934), инженер путей сообщения, адъюнкт Института инженеров путей сообщения, И.И. Янжул (1845 или 1846 – 1914), экономист-статистик, член-корреспондент Императорской Академии наук, С.И. Гулишамбаров (1849-1915), инженер-нефтяник, и другие. Значительная часть перечисленных ученых и практиков была командирована в Чикаго на Всемирную художественно-промышленную выставку в 1893 г. (в составе группы примерно из 60 специалистов) различными отечественными учреждениями для ознакомления с экономикой США. Отчеты о командировке они изложили в книгах, статьях и брошюрах, напечатанных вскоре после выставки. Командировки российских специалистов за океан имели место не только в связи с выставкой в Чикаго. Так, металлург М.А. Павлов в 1896 г. был командирован в Соединенные Штаты на частные средства владельца Сулинского завода Н.П. Пастухова для изучения доменной плавки на антраците. С.П. Панаев с 1896 по 1900 г. находился в командировке в США от Министерства земледелия и государственных имуществ для изучения сельскохозяйственного машиностроения страны. Впечатлениям от посещения всемирно известных предприятий посвящали свои очерки и российские со-

временники, путешествовавшие по США (В.Сидоров, А.А. Черевкова, Ф.И. Кнорринг и др.).

Подавляющее большинство работ о состоянии отраслей американской промышленности было посвящено тяжелой индустрии и добыче полезных ископаемых. Лидирующее же место среди них занимали книги и брошюры о машиностроении.

Одной из первых таких работ стал «Отчет о командировке на Всемирную Колумбову выставку» В.Л.Кирпичева. В своем отчете В.Л. Кирпичев, прежде всего, отмечал «блестящее состояние» американского машиностроения: быстроту исполнения заказов и их дешевизну, превосходство США над европейскими странами в количестве, а иногда и качестве производимых машин.[1, с.2]. По мнению автора, причинами успешного развития данной отрасли в США являлось, с одной стороны, стремление заменить ручной труд машинным в условиях более высокой заработной платы рабочих США (в сравнении со странами Европы), а с другой, сильная конкуренция между предприятиями отрасли. Одну из отличительных особенностей американского машиностроения Кирпичев справедливо находил в массовом характере производства. Его труд по сути дела представлял собой первый в России научно-технический анализ преимуществ массового производства. Несмотря, однако, на очевидные преимущества массового производства, В.Л. Кирпичев с осторожностью подходил к вопросу о заимствовании американского опыта в России, учитывая особенности условий развития экономики страны. Он рекомендовал внедрять опыт США постепенно, советовал оснащать американскими машинами в России новые заводы и мастерские, а молодым русским механикам посетить, по возможности, США «для получения вдохновения к механическим изобретениям».

Весьма значимой являлась работа А.Д. Гатцука «Американские станки для обработки металлов и работа на них». Она содержала анализ конструкций металлорежущих станков различного типа, а также методов работы на них, проведенный в сравнении с характеристиками станков, производившихся в странах Европы. Вслед за В.Л. Кирпичевым, А.Д. Гатцук считал, что в производстве станков США «ушли дальше всех стран» и предостерегал российских специалистов от слепого копирования американского опыта [2, с.20-21].

Актуальным для России как одной из «житниц мира» был очерк С.П. Панаева об истории развития производства и сбыта продукции сельскохозяйственного машиностроения в США, специфике «американского» и «азиатского» способов торговли [3].

Своеобразным типом изданий, знакомящим российское общество с американским машиностроением, была печатная продукция рекламно-справочного характера об отдельных машинах и приспособлениях [4].

Помимо машиностроения, российские специалисты проявляли внимание и к другим отраслям промышленности США – металлургии и связанному с ней строительству железных дорог, электротехнической, химической промышленности, добыче полезных ископаемых – нефти, золота, каменного угля. К оценке производства они подходили достаточно строго. С одной стороны, такие усовершенствования, как транспортировка нефти по нефтепроводам, ее экспорт в виде керосина, использование данных геологических разведок в горной промышленности, добавление кокса к антрациту и механизация загрузки материалов и уборке готовой продукции при выплавке чугуна и др. были восприняты положительно и предложены к использованию в России. С другой – выражались и критические мнения. Так, например, отрицательной стороной при производстве канифоли и скипидара в США В.Е.Тищенко считал его разрушительное воздействие на окружающую среду, гибель лесов [5, с.69-70]. Большинство авторов отмечали внимание и расположение американцев к посетителям из России, объясняя это своей «редкой национальностью» [6, с.139] и общим «сочувствием» американцев к России и русским [7, с.3].

Таким образом, в ходе осмысления американского опыта российскими современниками (в первую очередь, специалистами различного профиля) была проделана значительная теоретическая работа в сфере изучения машиностроения, черной металлургии и других важнейших отраслей промышленности. Работы в данном направлении стали важной вехой, отметившей путь развития отечественной науки, создания ее теоретической базы. Так, анализ технических проблем массового производства, выполненный В.Л. Кирпичевым, был положен в основу всех последующих исследований, сделанных в этой области [8, с.14]. Вместе с тем, многие из перечисленных авторов справедливо подчеркивали необходимость вдумчивого подхода к вопросу о применении американского опыта в условиях российской действительности.

Литература

1. Кирпичев В.Л. Отчет о командировке в Северную Америку В.Л. Кирпичева, директора Харьковского технологического института. СПб., 1895.
2. Гатцук А.Д. Американские станки для обработки металлов и работа на них. СПб., 1896.
3. Очерк развития производства сельскохозяйственных машин и орудий в Северо-Американских Соединенных Штатах и внешней и внутренней торговли ими / сост. С.П. Панаев. СПб., 1900.
4. Американские электрические, гидравлические, приводные подъемные машины. Отис и ручные американские подъемники. М., 1899.

5. Тищенко В.Е. Канифоль и скипидар. Подсочка хвойных и переработка живицы в Соединенных Штатах Северной Америки и других государствах. Добывание терпентина, скипидара и канифоли, их свойства, химический состав и применения. СПб: Деп-т торг-ли и мануф-р Мин-ва финансов, 1895.

6. Кнорринг Ф.И. Месяц в Америке. Из дорожных записок // Вестник Европы. 1901. №11. С. 108-151.

7. Карейша С.Д. Северо-американские железные дороги. Исследование железнодорожного дела в Соединенных Штатах Северной Америки во время Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго в 1893 г. СПб., 1896.

8. Загорский Ф.Н. Владимир Сергеевич Кнаббе. М.; Л.: Наука, 1965.

УДК 9;94

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ КРУГОВ ОБ ОСТЗЕЙСКИХ ПРОВИНЦИЯХ КАК ОПЛОТЕ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Фролов Юрий Владимирович,

аспирант, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

jurahist@gmail.com

Аннотация. В данной статье исследуются факторы складывания в начале XX века в академических кругах Германии представлений о прибалтийских губерниях Российской империи как об оплоте немецкой культуры. Наряду с компонентами, влиявшими на формирование этого образа, изучается его соотношение с общим образом России в немецком обществе и его академических кругах, в частности.

Ключевые слова: образ России; академические круги Германии; немецкие профессора; немецкие студенты; прибалтийские губернии; русификация; немецкая культура.

THE BALTIC PROVINCES AS A STRONGHOLD OF GERMAN CULTURE IN RUSSIA IN A VIEW OF GERMAN ACADEMIC CIRCLES AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Frolov Yury Vladimirovich

Graduate student, Faculty of History, Moscow State University, Russia

jurahist@gmail.com

Abstract. This article focuses on the factors that influenced the way German academic circles perceived the image of the Baltic provinces of Russia as the stronghold of German culture in Russia in the beginning of the 20th century. It also takes the components of this perception into consideration. The article investigates the image of Russia not only in the German academic circles but also in German society in general.

Keywords: the image of Russia; German academic circles; German students; German professors; Baltic provinces; russification; German culture.

На рубеже XIX-XX веков в печатных органах немецких университетских корпораций всё чаще стало обращаться внимание на события, происходившие в прибалтийских губерниях Российской империи. Политика русификации этих областей достигла апогея на рубеже 1880-90-х годов, когда была унифицирована вся система среднего и высшего образования края [1, с. 444]. Наиболее ярко она выразилась в переименовании в 1893 году лифляндского Дерптского университета в Юрьевский вместе с самим городом. Это дало новый толчок для обсуждения в немецкой университетской среде России и проводимой ею политики, в результате которого сложился некий образ Остзейских губерний как последнего оплота немецкой и европейской культуры на востоке Европы.

В данном исследовании поставлена цель выявить источники складывания образа Остзейских губерний в немецких академических кругах, определить основные черты этого образа и сравнить их с общим образом России, а также проверить предложенные предыдущими исследователями тезисы.

Если говорить о факторах, повлиявших на образ Прибалтийских губерний, одним из главных был фактор источников информации. Наряду с корреспондентами крупных газет её, главным образом, поставляли преподаватели и студенты Дерптского и Рижского университетов, объединенные в созданные по немецкому образцу корпорации и поддерживавшие контакты с академическими союзами Германии.

Окончательное установление русского языка единственным языком преподавания в высшей школе края делало для местных студентов дальнейшую учебу, которая ранее проходила на немецком языке, крайне затруднительной. Многие преподаватели и студенты вынуждены были уехать в Германию или поступить на учебу в другие российские университеты [3, с.44]. Поэтому такие персоны были «потерпевшей стороной» и общались информацию своим коллегам в Германии в искаженном личными переживаниями и частными соображениями виде. Поэтому на страницах крупных корпорантских журналов на протяжении 1890-х годов печатались

схожие по содержанию сообщения о событиях в Остзейском крае, с явной антипатией к российским властям.

Наиболее ярким примером было увольнение осенью 1892 года профессора права Дерптского университета Вольдемара фон Роланда. Большинство немецких изданий назвало причиной тому введение русского языка преподавания и представляло это незаконным поступком с националистической подоплекой, в то время как на деле профессор был лишь временно исполняющим обязанности и мог быть уволен в любой момент и по русскому, и по немецкому законодательству. Этот случай подробно разобрал в 1893 году Пауль фон Салвисберг, главный редактор журнала немецких корпорантов (Corps) "Akademische Monatshefte". Он обнаружил крайнюю тенденциозность в освещении новостей из Прибалтики в немецкой прессе, косвенно признав это и за собственным журналом, — свидетельство тому впредь смягчившийся тон журнала в этой теме [4, с. 345].

Нужно отметить, что ввиду преподавания на немецком языке до русификации преподаватели Дерпта находились в одном языковом и — через членство в корпорациях — академическом пространстве с учеными из Германии. Причем «немецкими» преподавателями считались не только остзейские немцы, но и приглашенные из Германии профессора (в 1892 году, до введения русского языка, таковых было 18). Хотя в своих взглядах они часто занимали противоположные позиции. «Имперцы» в отличие от их местных коллег были меньше склонны драматизировать ситуацию и действия русских властей считали закономерными шагами в государственном строительстве. Причиной тому было порой не только разное восприятие, но и личные мотивы — тот же редактор Пауль фон Салвисберг отмечал, что балтийские немцы, сгущая краски, хотят вызвать к себе сострадание в Германии и устроиться благодаря этому на хорошие места после эмиграции [4, с. 345].

Образ Остзейских губерний складывался из нескольких широко обсуждавшихся вопросов, связанных, как правило, с действиями имперских властей. В ответ на русификацию авторы указывали на «немецкие корни» этого региона, называя его «старинным очагом немецкой культуры на востоке», «последним оплотом», «цветущим деревом немецкой науки и культурной жизни, над которым уже занесён топор» [6, с. 180; 10, с. 87; 6, с. 194; 7, с. 50]. Унификация прибалтийской высшей школы обозначалась «актом произвола и грубого насилия», «бесцеремонного угнетения», «славянизацией», проводимой «русскими (или московитскими) варварами», «неблагодарными чужаками» [8, с. 41; 11, с. 58].

Связь представлений об Остзейских губерниях с общим образом России наиболее четко проявлялась при обсуждении общего состояния меж-

дународных отношений. Становившаяся все более популярной идея об окружении Германии продолжалась идеей о необходимости помощи бастионам немецкого духа, ведущим пограничную борьбу с врагами. В этом плане образ Прибалтики соотносился с общим образом России как локальный пример склонности России к произволу, насилию, деспотии, захвату новых территорий.

Подводя итог, можно сказать, что образ Остзейских губерний в немецких академических кругах иллюстрирует несколько моментов. Во-первых, важность источников информации, на основе которых складывается образ. В данном случае таких источников было немного и большинство их них были одного типа – выходцы из Прибалтики, что привело к созданию односторонней картины. Во-вторых, в этом образе отразилось восприятие проводимой российскими властями национальной политики. Она изображалась в образе присущих России беззакония, ущемления прав, бесцеремонности и непродуманности. Вместе с тем немецкие авторы не сравнивали её с собственной политикой германизации польских земель и с националистическими настроениями на этой почве в своей стране. В целом представления об Остзейских губерниях шли в русле общего образа Российской империи накануне Первой мировой войны.

Литература

1. Garleff M. Deutschbalten zwischen den Kulturen // *Russen und Russland aus deutscher Sicht*. Hrsg. von Lew Kopelew. Bd. 4. München: Fink, 2000. S. 427-481.
2. Маслов К.С. Университетская жизнь и образовательная политика на рубеже XIX–XX вв. глазами преподавателей и студентов (на примере Тартуского университета) // *Социология науки и технологий*. 2015. Т. 6. № 2. С. 68-76.
3. Salvisberg P. Die Universität Dorpat und die reichsdeutschen Professoren // *Akademische Monatshefte*. 1892/1893. S. 344-346.
4. Kleinrath D. Die Ziele und Aufgaben des Alldeutschen Verbandes // *Akademische Turnzeitung*. 1897. S. 36-44.
5. Heiss Cl. Russland, russische Revolution und der Staatsbankrott // *Burschenschaftliche Blätter*. 1905/1906. S. 132-137, 163-168, 190-193, 228-230.
6. Bormeng E. Ein Vortragsabend des Allgemeinen deutschen Schulvereins zur Erhaltung des Deutschtums im Auslande // *Burschenschaftliche Blätter*. 1897/1898. S. 110-111.
7. Kintzel E. Ein Beitrag zur Geschichte der Russifizierung der baltischen Ostseeprovinzen. Ein Vortrag, gehalten auf dem Kränzchen der Burschenschaft „Allemannia“ zu Berlin // *Burschenschaftliche Blätter*, 1900. S. 193-194.
8. Loewenthal Fr. Die Universität Dorpat // *Burschenschaftliche Blätter*, 1899. S. 180-184.
9. Rohrbach P. Russische Universitäten // *Burschenschaftliche Blätter*. 1892/1893. S. 82-84.

10. Semel H. Die Universität Dorpat (1802-1918). Skizzen zu ihrer Geschichte von Lehrern und ehemaligen Schülern. Reval, 1918.

11. Von der deutschen Burschenschaft in Dorpat // Burschenschaftliche Blätter. 1892. S. 58-59, 86-88.

12. Werr F. Ausländische Studienleben. Russland // Akademia. 1891-1892. S. 267.

УДК 7(47+57):316.75

П. П. СУВЧИНСКИЙ И КУЛЬТУРТРЕГЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

Колобова Юлия Игоревна,

доцент кафедры культурологии, кандидат культурологии, доцент,

Вятский государственный университет,

г. Киров, Россия

kolobovay@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме изучения культуртрегерской деятельности русской эмиграции (на примере истории создания фестиваля «Domaine Musical» во Франции, связанного с популяризацией европейской авангардной музыки 1950-х годов).

Ключевые слова: П.П. Сувчинский; культура русского зарубежья; культуртрегерство; «Domaine Musical».

P. P. SOUVTCHINSKY AND RUSSIAN IMMIGRANTS CULTURAL ACTIVITIES

Kolobova Yuliya Igorevna

associate professor at the Department of cultural studies,

Candidate of Culturology, associate professor

Vyatka State University

Kirov, Russia

kolobovay@list.ru

Abstract. As the title implies, the article describes the research of Russian immigrants cultural activities in the context of the history of French festival «Domaine Musical» origination, related with the commitment of the European avant-garde music of 1950s.

Keywords: P.P. Souvtchinsky; Russian Émigré Culture; the Domaine musical concert series.

Обратим внимание на тот факт, что в культуре русского зарубежья XX века подлинными «героями культуры» были представители интеллектуальной элиты, демонстрировавшие особый тип культуросозидательной личности. Для примера можно вспомнить имя одного из малоизвестных деятелей пореволюционной эмиграции, который в историю культуры (преимущественно, французской) вошел как Pierre Souvchinsky (1892–1985) – философ, публицист, историк музыки, критик, вдохновитель и организатор культурных проектов, чей авторитет на Западе был весьма велик. П. П. Сувчинский как один из культуртрегеров русского зарубежья много сделал как для распространения, так и насаждения ценностей русского и европейского авангарда.

Жизнь и творчество П. П. Сувчинского – пример служения искусству и людям искусства. Его по праву можно оценить как выдающуюся личность, чье наследие и «знаки» деятельности являются достоянием равно как русской, так и европейской культуры. Про таких людей, как П. П. Сувчинский Гете когда-то заметил: «...значение человека заключается в том, как он действует и что испытывает, и как он побуждает других действовать и испытывать» [1, с. 31]. Тех, кто стал символом величайших достижений в XX веке и кто на разных этапах жизни был рядом (а это М. И. Цветаева и Б. Л. Пастернак, И. Ф. Стравинский и С. С. Прокофьев, Н. А. Бердяев и Л. П. Карсавин, П. Булез и К. Штокхаузен, Р. Шар и А. Мишо, А. Арто и другие), П. П. Сувчинский побуждал не только «действовать и испытывать», но думать о том, куда идет развитие культуры, как в ней согласуется новое и традиционное, в чем прогресс искусства. Сам процесс общения с П. П. Сувчинским для многих был процессом напряженного поиска истины, попытки предугадать будущее. Понимание культуры как способности к сдвигу, к творческому «переименованию, самоизменению» (Л. М. Баткин) предьявлялось им в качестве «пропуска» в его внутренний мир.

Интеллектуальный универсализм П. П. Сувчинского реализовался в логике смены и полифоническом взаимодействии культурных парадигм XX века (от модернизма – к постмодернизму, от увлечения евразийством – к его преодолению, от советской эстетики – к авангарду). Умение видеть линию будущего в развитии искусства, науки, философской мысли; потребность уходить от нормы, уважая ее, – черты, характеризующие его творческие искания. П. П. Сувчинский всегда верил в непреложность идеи непрерывного «прогресса» в искусстве. Судьба уготовила ему роль культуртрегера и интеллектуального миссионера, чья «всеядность» культурного сознания оказалась соразмерной эпохе, в которой он жил. Не будучи творцом в полном смысле этого слова, П. П. Сувчинский пребывал в творчестве, проживая собственную биографию в дискурсе персонального твор-

ческого и жизненного опыта, совпавшего с опытом истории культуры XX столетия.

Обратимся в качестве иллюстрации к забытой странице русского зарубежья – фестивалю музыкального авангарда «Domaine Musical» (от фр. «владения музыки»), – демонстрирующей культуртрегерские инициативы П. П. Сувчинского. Данный проект ярко заявил о себе во Франции в 1950-х годах. Он объединил вокруг себя имена музыкантов и композиторов, которые впоследствии станут всемирно известными – П. Булеза, К. Штокхаузена, Д. Лигети, Л. Ноно, Н. Буланже, О. Мессиа и многих других.

Оценивая историческую роль «сеих du «Domain Musical» («этих из «Domain Musical») в одноименной статье для одного французского музыкального журнала о современной музыке, П. П. Сувчинский как вдохновитель данного проекта писал о «Domaine Musical»: «Новое поколение пришло и вольно провозгласило свои идеи, свои искания, свою эстетику, свою иерархию феноменов и ценностей в современной музыке» [2, с. 405].

Первоначально заявленный как концертная антреприза, «Domaine Musical» в результате превратился в культуртрегерский проект, концептуальными установками которого стало смена парадигмы музыкального сознания слушателей, внедрение и популяризация идей западноевропейского послевоенного авангарда, а также «попытка образовывать и просвещать аудиторию» [2, с. 406–407], демонстрируя музыку, которая будет основана «на новом слуховом воображении» [3, с. 133].

Зародившись в конце 1940-х годов, послевоенный авангард сделал ставку на прорыв к интеллектуальной и духовной свободе, ярко выраженную антитоталитарную направленность искусства. Авангардисты выступили против академизма и консерватизма, декларативно заявив, голосом П. Булеза, что «музыку прошлого нужно полностью уничтожить, чтобы дать простор развитию музыки нашего времени» [4, с. 57]. Помимо академизма и консерватизма, авангардисты подвергли критике такие «устаревшие», по их мнению, тенденции, как неоклассицизм и неофольклоризм. «Новый язык» для них (язык, с которым они связывали будущее музыки) означал освоение таких «элитарных» техник, как додекафония, сериализм, сонористика.

Авангардный опыт поначалу встречался в штыки, но во многом благодаря появлению таких проектов, как «Domaine Musical», новая музыкальная практика постепенно вошла в концертную жизнь европейских стран, расширив сферу влияния и воспитывая публику в духе новой эстетики. Помимо исполнительского уровня, который оценивался зрителями как безукоризненный, огромной составляющей успеха стала и сформировавшаяся под влиянием проводимых концертов публика, готовая воспринимать но-

вые образцы музыкального искусства. Прогрессивные слушатели «нуждались в надежном и объективном взгляде тех, кто шел в искусстве впереди всех» [5]. Политика по воспитанию «своего слушателя» включала как обязательный элемент текстовый (или лекторский) комментарий к исполняемой музыке. Этот путь оказался настолько перспективным, что в последующем идею научно-популярного просветительства возьмут на вооружение все, кто будет заинтересован в диалоге композитора и слушателей. Деятельность «Domaine Musical» показала наглядный пример создания публики, готовой изменить свои вкусы в соответствии с требованиями новой эстетики, в результате чего искусство становилось более понятным и доступным для восприятия.

Концерты «Domaine Musical» просуществовали около двадцати лет. Итогом стал выход «Domaine Musical» на международную арену через создание целой сети инструментальных ансамблей, выбравших в качестве своей главной задачи пропаганду новой музыки и борьбу против общего «врага» – музыкального консерватизма. Деятельность П. П. Сувчинского в эмиграции – важное свидетельство культурного диалога русской эмиграции со страной проживания, а личность самого культуртрегера – доказательство того, что роли «второго плана» несут в себе огромный творческий потенциал. Без активного идейного служения таких одаренных людей история культуры выглядела бы неполной, а ее самые «вершинные результаты» были бы немислимыми или были бы иными» (С. С. Аверинцев).

Литература

1. Померанцева Г. Е. Биография в потоке времени: ЖЗЛ: замыслы и воплощения серии. М.: Книга, 1987.
2. Сувчинский П. Эти из «Domaine Musical» // Петр Сувчинский и его время. Русское музыкальное зарубежье в материалах и документах. М.: Изд. объединение «Композитор», 1999.
3. Сувчинский П. О музыке Игоря Маркевича // Музыкальная академия. 2001. № 1. С. 132–133.
4. Лютославский В. Статьи, беседы, воспоминания. М., 1995.
5. Francois N. Notes de lecture du livre de Jésus Aguila: Le Domaine musical. Fayard, 1992.

**КРАСНАЯ АРМИЯ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В СЕНТЯБРЕ
1939 ГОДА: КАК РАССКАЗЫВАЛА ОБ ЭТОМ ГАЗЕТА «ПРАВДА»**

Лютынский Антон Мечиславович,

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики, Северо-Западный институт (филиал)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия
anton040677@gmail.com*

Родионова Анфиса Юрьевна,

*студентка кафедры журналистики, Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия
rodionova.anfisa@gmail.com*

Аннотация. В статье обобщены тексты, опубликованные в газете «Правда» во второй половине сентября 1939 года, посвященные введению советских войск на территорию Польши. Выделены несколько основных групп текстов, дана характеристика терминологии.

Ключевые слова: Речь Посполитая; Красная Армия; газета «Правда»; советско-польские отношения.

**RED ARMY IN RZECZPOSPOLITA IN SEPTEMBER, 1939:
AS IT WAS DESCRIBED IN THE "PRAVDA" NEWSPAPER**

Anton M. Liutynsky

*PhD in law, associate professor
assistant professor of the chair of criminal procedure and criminalistics
the North-West Institute (branch) of University n.a. O.E. Kutafin,
Vologda, Russia
anton040677@gmail.com*

Anfisa Y. Rodionova

*Student of the media department
The Novgorod State University n.a. Yaroslav Mudry,
Velikiy Novgorod, Russia
rodionova.anfisa@gmail.com*

Abstract. This paper summarizes the texts published in the "Pravda" newspaper in the second half of September, 1939 on the topic of bringing the

Soviet troops into the territory of Poland. Several major groups of texts were distinguished and the terminology characteristics were presented.

Keywords: Rzeczpospolita; Red Army; "Pravda" newspaper; Soviet-Polish relations.

События в Центральной и Восточной Европе в сентябре 1939 года относятся к наиболее сложным и дискуссионным проблемам истории прошлого столетия. Противоречия проявляются даже в отсутствии общепринятого подхода к наименованию такого события, как переход советскими войсками советско-польской границы 17 сентября 1939 года и их действий до конца сентября 1939 года, до заключения договора о мире между СССР и Германией.

Изучение особенностей презентации этих событий в основных средствах массовой информации СССР представляет интерес в контексте изучения истории пропаганды и идеологического обеспечения сталинского режима [1], а также исследований публичной истории, изучения особенностей формирования исторической памяти через описания событий в массовой печати.

Тема представляется одновременно весьма популярной и мало разработанной в отечественной науке. Позволим себе не согласиться с утверждением, что «ныне в историографии подробно изучены действия советских войск на территории Западной Украины и Западной Белоруссии и соответствующие изменения в советской пропаганде» [2, с.235]. При том, что достаточно подробно изучены военные и дипломатические подробности событий 17-28 сентября 1939 года, иные аспекты в отечественных публикациях рассмотрены достаточно фрагментарно, несмотря на наличие весьма интересных работ [3, с.399].

Нами проанализированы основные идеи и терминология текстов, изданных в сентябре 1939 года от имени правительства СССР; обобщены описания событий в главном печатном СМИ Советского Союза – газете «Правда».

В середине сентября 1939 года, когда немецкая армия уже вторглась в Польшу, аппарат НКВД подготовил материалы и 14 сентября в газете «Правда» была опубликована статья А.А.Жданова «О внутренних причинах военного поражения Польши» [4, с.1].

В статье уверенно сообщается о полном военном разгроме Польши, развале польского государства и приводятся объяснения этого поражения. Главная мысль заключалась в том, что в Польше проводилась политика «подавления и угнетения национальных меньшинств, в первую очередь украинцев и белорусов». Статья Жданова отразила подход Сталина к пуб-

личному обоснованию предстоящего ввода советских войск в Польшу: в первую очередь это игра на национальных противоречиях, противопоставление польского большинства национальным меньшинствам.

Вторым важнейшим текстом была речь председателя СНК СССР В.М. Молотова, которая прозвучала утром 17 сентября по советскому радио и была опубликована во всех основных советских газетах. Она послужила главным выражением позиции СССР, объясняющей ввод Красной Армии на территорию Польши. Основной идеей был аргумент об отсутствии Польши как государства и субъекта международных отношений: «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие» [5, с. 1].

Другой важной частью речи Молотова можно назвать «этническую» аргументацию, идею воссоединения «единокровных народов», которые находились «на положении бесправных наций». Советское правительство обязано «подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу». Молотов прибегает к политико-географической словесной конструкции, маскирующей в ходе описания принадлежность занимаемых территорий: «правительство СССР ... отдало распоряжение... дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии».

Обобщение материалов газеты «Правда», которая выходила ежедневно, позволяет распределить тексты, описывающие действия Красной Армии в Польше, на несколько групп. Наиболее значительную долю объема газетных текстов составляли описания митингов трудовых коллективов, выражавших абсолютную поддержку решения правительства о вводе войск. Тексты большей частью повторяют отдельные части речи Молотова, то же самое можно сказать о выступлениях отдельных участников митингов. В обязательном порядке резолюции содержат указание на невыносимое положение братьев по крови и по классу: «Спасем наших братьев от гнета» [6, с. 1].

Для описания врага, против которого вводятся войска, используется лексика, сочетающая обязательное указание на польскую национальность с термином, указывающим на принадлежность врага к эксплуататорскому классу: «польские паны подавляли и насильственно ополячивали национальные меньшинства», «польские помещики», «польские магнаты», «настал час расплаты для польских панов» [6, с. 2].

Большую группу текстов составляют статьи, описывающие радостную встречу Красной Армии населением. Первые описания радостных встреч

появляются уже 18 сентября. Авторы сообщений используют терминологию, описывающую население с учетом исходной формулы Молотова: «народ Западной Белоруссии», «население Западной Украины и Западной Белоруссии», «крестьяне Западной Украины», часто в описаниях радостных встреч используются фразы на украинском и белорусском языках. В каждом номере публикуются стихотворения известных поэтов, прославляющие «воссоединение». Так, например, Петрусь Бровка в стихотворении на белорусском языке «Западным белорусам» написал: «Мучил вас пракляты пански кат. Хай згине польски пан» [6, с.1].

Третья группа текстов – своеобразная «аналитика», развивающая положения речи Молотова, дополняющая ее новыми обоснованиями введения советских войск в Польшу. Так, например, редакционная статья в номере от 19 сентября 1939 года, повторяя формулы про защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии, содержит множество хлестких высказываний («Нацменьшинства ненавидят панскую Польшу – тюрьму народов»), описывает легкость продвижения: «Войска Красной Армии продвигаются вперед, не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления», и радостный прием местным населением, но не всем, а социально прогрессивным: «Со слезами радости трудящиеся Западной Украины бросаются в объятия к красноармейцам» [8, с.1]. К этой же группе публикаций можно отнести объемную статью под названием «Кому мы идем на помощь» известного Емельяна Ярославского [8, с.3]. В статье обосновывается неправомерность, неестественность существования польского государства. Автор пеняет, что в Польше отсутствует демократия. При этом «Правда» публикует информацию о выступлениях Гитлера, который говорил, что «в Польше никогда не было демократии. Правящая клика угнетала не только другие нации, но и собственный народ» [9, с.4].

С 23 сентября начинается описание новой реальности на занятых территориях. Например, новый подход к образованию в школах описывается следующим образом: «На собрании (в Барановичах – авт.) учителя заявили, что не желают вести занятий на польском языке, а только на русском и белорусском. Без работы остались лишь преподаватели «закона божия» и польской истории. Преподавание этих предметов отменяется» [10, с.1].

Большой интерес представляют описания боевых действий, которые Красная Армия вела с польской армией. В первую очередь это ежедневная заметка под названием «Оперативные сводки Генштаба РККА». Это краткие справки с перечнем занятых населенных пунктов и лаконичные указания на боевые действия. Так, в сводке от 18 сентября говорится: «Войска продолжали отбрасывать части польской армии»; 19 сентября: «Части РККА продолжают теснить польские войска» и т.д. [4-14].

Постепенно растет количество подробных описаний боевых действий. Так, в номере от 21 сентября описываются фронтовые эпизоды: «Пограничник Меликов ворвался во двор ... и вступил в смертельный бой с врагами»; «Стремительным ударом пограничники разбили в прах врага» [13, с.2].

В номере от 20 сентября в заметке «Рассказы бойцов белорусского фронта» «Политрук тов. Лукьянов: «Наше подразделение атаковало польский пограничный кордон»». Интересно отметить, что в этой заметке употреблено выражение, ставшее популярным гораздо позже, в середине 80-х: «Воины страны социализма с честью выполняют интернациональный долг» [12].

Сама польская армия и ее действия описываются с помощью весьма уничижительной лексики: «четыре польских офицера готовились своевременно удрать», «трусливые польские офицеры спрятались», «спесивые шляхтичи решили хлопнуть дверью перед тем, как покинуть историческую арену» [13, с.2]. Тем не менее, описаны достаточно серьезные боевые столкновения в Вильно и особенно сложные уличные бои в Гродно, признается факт тяжелых потерь. Резюмируется, что «взятие Гродно – замечательная победа советских патриотов» [13, с.2].

Интерес также представляют немногочисленные заметки, в которых описано «народное восстание» против польских властей: «Украинское население организуется для вооруженной защиты своих интересов от польских банд»; «Крестьяне села Богуденьки захватили двух польских офицеров и доставили их в Новогрудок. Рабочая гвардия с помощью крестьян вывела около полусотни польских жандармов» [14, с.4].

Резюмируя, можно утверждать, что официальная советская пропаганда описывала введение советских войск на территорию Польши как военное вторжение, оправдываемое, в частности, с помощью классовой и этнической риторики. Интерес представляет язык пропаганды, работающий через создание языковых конструкций, маскирующих реальную действительность. Некоторые словесные конструкции активно использовались и позже.

Литература

1. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб.: Академический проект/ДНК, 2009.
2. Историография сталинизма. Сборник статей / Под ред. Н.А. Симония. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Токарев В.А. Советское общество и польская кампания 1939 г.: «романтическое ощущение войны» // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей. Под ред. И.В. Нарского и О.Ю. Никоновой. М.: АИРО-XX, 2001. С. 399-418.
4. Правда. № 255. 14 сентября 1939 года.

5. Правда. № 259. 18 сентября 1939 года.
6. Резолюция митинга рабочих судоремонтного завода им. Сталина // Правда. № 259. 1939 год.
7. Митинг в артиллерийской академии РККА. «Красная армия с честью выполнит свой долг» // Правда. № 259. 18 сентября 1939 года.
8. Правда. № 260. 19 сентября 1939 года.
9. Правда. № 263. 22 сентября 1939 года.
10. Правда. № 264. 23 сентября 1939 года.
11. Правда. № 260. 19 сентября 1939 года.
12. Правда. № 261. 20 сентября 1939 года.
13. Правда. № 267. 26 сентября 1939 года.
14. Правда. № 262. 21 сентября 1939 года.

УДК: 94 (5)

ФОРМИРОВАНИЕ ТАДЖИКСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

*Кошельков Владислав Валерьевич,
аспирант, кафедры всеобщей истории и социально-экономических
дисциплин, Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
mark_is@list.ru*

Аннотация. В статье на основе законодательных актов, прессы и публичных работ таджикских политиков, рассматриваются этапы формирования таджикской национальной идентичности после распада СССР.

Ключевые слова: Таджикистан; национальная идентичность; исламизм; Рахмон; Центральная Азия.

THE FORMATION OF A TAJIK NATIONAL IDENTITY IN THE POST-SOVIET PERIOD

*Koshelkov Vladislav Valerievich
Post-graduate student of the Department of world history and socio-economic
disciplines of Vologda State University
Vologda, Russia
mark_is@list.ru*

Abstract. In article on the basis of legislative acts, the press and the public works of Tajik politicians, analyzes the stages of formation of Tajik national identity after the collapse of the USSR.

Keywords: Tajikistan; national identity; Islam; Rahmon; Central Asia.

Весной 2016 г. в Таджикистане был принят закон «О регистрации актов гражданского состояния», согласно которым при получении новых документов таджикам запрещено в них вписывать фамилии имена и отчества «чуждые таджикской культуре» [1]. В большей степени подобное нововведение коснется русифицированных фамилий и отчеств с суффиксами – ов, -ев, -ович и пр., которые до сих пор часто встречаются в среднеазиатской республике. Сам президент Таджикистана ещё в 2007 г. поменял имя с Эмомали Шарипович Рахмонов на Эмомали Рахмон. Подобные законопроекты показывают, что до сих пор проблема национальной идентичности остро стоит для Таджикистана. Об истории этой проблемы в постсоветский период и пойдет речь.

Стоит отметить, несмотря на то, что таджики являются, в отличие от других среднеазиатских народов, единственным в регионе народом с языком иранской группы, все остальные – тюркоязычные, у них было не меньше сложностей с принципами национальной самоидентификации, так как им с одной стороны пришлось столкнуться с проблемой ассимиляции таджиков тюрками, а с другой – со сложностью выделения таджикской культуры из персидской. Эти народы отличаются почти исключительно религиозными традициями (таджики в отличие от персов – сунниты). Подобная ситуация вкупе с внешнеполитическими факторами, порождёнными Афганской войной 1979-1989 гг. и распадом СССР, и породила несколько путей решения проблемы в среде таджикских интеллектуалов.

О том, какой силы были эти противоречия, говорит хотя бы факт гражданской войны в Таджикистане 1992-1997 гг., которую многие исследователи считают именно войной национальных концепций [2, с. 206]. Действительно, в ходе этого конфликта друг другу противопоставлялись две основные парадигмы национального самоопределения: этно-религиозная (Объединённая таджикская оппозиция (ОТО)) и этно-территориальная (Народный фронт (НФ)), которые и следует рассмотреть подробнее.

Этно-религиозная парадигма подразумевает таджиков как часть исламского мира. Эта концепция вышла из учения исламистов, которые как раз в начале 1990-х гг. сумели закрепиться у власти в приграничном Таджикистану Афганистане, и экспортировали в соседнюю республику как идеологию, так и оружие и людей для вооружённой борьбы с правительством.

Начиная с 1974 года в Таджикистане нелегально действовала «Мульманская молодежная организация», созданная подпольно Саидом Абдулло Нури (1947–2006), который впоследствии возглавил объединённую таджикскую оппозицию. Нури достаточно категорично высказывался за создание в Таджикистане исламского государства, что, впрочем, не мешало ему быть весьма умеренным исламистом – он поддерживал общедемокра-

тические принципы государственного устройства, акцентируя внимание не столько на необходимости построения исламских государственных институтов, сколько на формировании «исламского общества» [3]. Несмотря на репрессии, аресты и пр., исламисты в перестроечные годы смогли сформироваться как значимая политическая сила (сначала как движение, а потом и как Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)), и получить поддержку населения.

Этно-политическую парадигму защищали представители Народного фронта, лидерство у которых получил нынешний президент республики Эмомали Рахмон. Суть этой парадигмы сводилась к тому, что существует «Большой Таджикистан», который тюркизировался под воздействием внешних факторов. Персидоговорящие и двуязычные узбеки Бухары и в меньшей степени Самарканда по этой концепции на самом деле являются таджиками и должны признать свою «таджикскость» [4, p. 128].

В условиях гражданской войны выявились и ещё три концепции национальной идентичности: паниранизм, местничество и часть Запада. Первая из них была экспортирована из Ирана, который принимал активное участие в конфликте, помогая шиитам, и основывалась на культурном и этническом сходстве персов и таджиков. В рамках этой парадигмы выше-названные народы объявлялись одним целым и должны как можно теснее сотрудничать друг с другом. Наибольшей поддержкой данная концепция пользовалась среди таджиков-шиитов, проживавших преимущественно на территории Горного Бадахшана [5, с. 82].

Местнические течения, ставящие региональные интересы выше национальных, также в годы войны были сильны. Это было связано со сменой правящей верхушки, когда представители Ленинобадского (Ходжентского) клана, безраздельно правящего в советское время, постепенно были вытеснены кулябцам, а памирцы, которые во многом противопоставляют себя остальным таджикам [6, с. 80] получили широкую автономию с фактической независимостью от Душанбе [7].

Сторонники же восприятия Таджикистана как части западного мира пытались закрепиться во власти еще с эпохи Перестройки, но стоит отметить, что широкую поддержку населения им получить не удалось. В ходе гражданской войны представители этого движения в своей массе примкнули к ОТО, из-за чего их лидеры вынуждены были эмигрировать.

После войны, а затем смерти Абдулло Нури в области национальной идеологии наметилась тенденция к синкретизму, причём объединения приобретали порой довольно причудливый характер, соединяя в себе казалось бы несочетаемые идеологемы.

В движении таджикских исламистов наметился раскол, часть во главе с новым лидером партии исламского возрождения Таджикистана Мухиддином Кабири стала выражать прозападные взгляды на построение общества. Часть, под лидерством сына Абдулло Нури Муххамаджона, стала склоняться к проиранской позиции, которая выражалась в ведении некоторых элементов шиитского богослужения в традиционное для Таджикистана течение под названием ханафитский мазхаб суннизма [8]. Стоит отметить, что это религиозное течение в 2009 г. по закону «О свободе совести и религиозных объединениях» фактически была признана государственной религией и пользуется поддержкой государства [9]. Э. Рахмон также не брезговал пользоваться услугами исламистов-салафитов, которые считают, что мусульмане не должны организовывать политические партии, так как всякая власть от бога [10, с. 112], против более умеренных, но угрожающих власти исламистов ПИВТ, что способствовало ещё большей путанице среди сторонников этой концепции национального сознания.

В этно-территориальной идеологии после войны также наметилась склонность к синкретическому соединению различных популярных в Таджикистане идеологем. Помимо, уже упоминавшегося привлечения на свою сторону традиционного ислама и некоторых исламистских течений, сторонники этно-территориальной концепции используют и другие парадигмы, способные консолидировать население страны. Так довольно популярной стала идеология «арийскости» таджиков [11 р. 7], которая опирается на те же аргументы, что соответствующая ей теория персов, разработанная ещё в 30-е гг. XX вв. под влиянием нацистской идеологии Третьего рейха. Провозглашая себя и свой народ ближайшими потомками ариев, идеологи этой концепции, с одной стороны, превозносят историческое величие прошлого нации, что особенно важно в виду не самого благополучного настоящего, а с другой, – легитимизируют проиранскую культурную и экономическую политику правительства, одним из следствий которой и стал уже упоминавшийся ранее закон о таджикизации имён.

Таким образом, на смену жёсткому вооружённому противостоянию национальных идеологий в XXI в. пришла пора синкретическому переосмыслению национальных парадигм. На основе, выработанных ещё в годы гражданской войны идей (исламизм, Большой Таджикистан, западный мир, местные кланы, паниранизм), были образованы новые идеологемы, сочетающие их порой самым причудливым образом. Это говорит о незавершённом характере формирования национального самосознания таджиков и возможности его дальнейшей трансформации, причём невозможно предсказать в какую сторону.

Литература

1. Закон республики Таджикистан от 15.03.2016 г. № 1292. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Таджикистан "О государственной регистрации актов гражданского состояния" Принят Постановлением МН МОПТ от 13 января 2016 года № 304 // СоюзПравоИнформ URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=84650#B4M80IWQF8 (дата обращения 30.05.16)
2. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности. СПб.: «Алетейя», 2007.
3. Калишевский М. Таджикистан: под сенью «государственного мазхаба» // ИА Фергана URL: <http://www.fergananews.com/articles/8039> (дата обращения 30.05.16)
4. Рахмонов Э.Ш. Точикон дар оинаи таърих Душанбе: Ирфон, 2006.
5. Абашин С. Н. Регионализм в Таджикистане: становление «этнического языка» // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. С. 70-91.
6. Худоеров М. М. Проблема Памирской автономии в Таджикистане в 1980-1990-х годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). История. Вып. 46. С. 78–81.
7. Конституционный закон республики Таджикистан от 6 июня 2007 г. № 605 О Горно-Бадахшанской автономной области / Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2007 г. № 6. С. 476.
8. M. Vinson Iranian Soft Power in Tajikistan: Beyond Cultural and Economic Ties // Eurasia Daily Monitor. Volume: 9. Issue: 52.
9. Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 марта 2009 г. № 489 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 3. Ст. 82.
10. Кушкумбасва А. Ж. Религия и власть: особенности политической практике в Таджикистане // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 9-1 (40). С. 111-112.
11. Шарифзода А. Ќосимӣ З. Эмомалӣ раҳмон ва ҷаҳонишавии наврӯз // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2015. № 1 (62). С. 5-10.

Секция № 4

«ЛИЧНОСТЬ, СОЦИУМ, ГОСУДАРСТВО В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ»

УДК 94.37(07)

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА АРРИЯ ВАРА: ОТ ПРЕФЕКТА КОГОРТЫ ДО ПРЕФЕКТА ПРЕТОРИЯ

*Назаров Андрей Дмитриевич,
студент Института гуманитарных наук и искусств,
Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
andrey.nazarov451@gmail.com*

Аннотация. В статье рассмотрена биография римского командира Аррия Вара. Как правило, в I в. н. э. высшие государственные и военные посты в Римской империи занимали лица знатного происхождения, пользовавшиеся расположением императора. Однако Аррий Вар, сумев воспользоваться смутой в Риме, занял должность префекта претория, опираясь исключительно на поддержку армейских кругов.

Ключевые слова: Римская империя; римская армия; префект претория.

MILITARY CAREER OF ARRIUS VARUS: FROM COHORT PREFECT TO PRAETORIAN PREFECT

*Nazarov Andrey Dmitrievich
Student of the Institute of Humanities and Arts
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
andrey.nazarov451@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the biography of a commander in the Roman army Arrius Varus. In the Roman Empire of the I century A.D. highest administrative and military posts used to be held by the Roman nobility. Emperor's protection could also facilitate career boost. However, being supported by the army, Arrius Varus used the instable situation in Rome during the civil war to become a praetorian prefect.

Keywords: Roman Empire; Roman army; praetorian prefect.

Во II–I вв. до н. э. представители рода Арриев упоминаются в эпиграфических источниках, происходящих из региона Кампании. Судя по этим данным, семья не относилась к высшей италийской знати, хотя ее представители периодически занимали различные муниципальные должности [1, S. 1251–1252]. Первым представителем этого рода, получившим высокую магистратуру Республики, стал Квинт Аррий (*Quintus Arrius*). В 73 г. до н. э. он был отправлен претором на Сицилию. В «Речи против Гая Верреса. О предметах искусства» Цицерон охарактеризовал его как «стойкого мужа, которого провинция ждала с нетерпением» (Cic. Ver. II. 4. 42). Известно также об участии претора Квинта Аррия в подавлении восстания Спартака (Liv. Per. 96).

В эпоху Ранней Империи Аррии проживали в Риме. Одним из наиболее известных представителей этого семейства следует считать военачальника Аррия Вара (*Arrius Varus*). Впервые он упоминается в источниках в связи с событиями 54 г. н. э., когда император Нерон поручил одному из своих лучших военачальников Гнею Домицию Корбулону начать подготовку к походу в Армению. Под его началом находилась вспомогательная когорта, которой командовал Аррий Вар в ранге префекта когорты (*praefectus cohortis*) (Tac. Ann. XIII. 9). По словам Тацита, он прекрасно зарекомендовал себя в сражениях римско-парфянской войны (58–63 гг.), заработав репутацию храброго командира (Tac. Hist. III. 6). Все тот же Тацит писал, что в 67 г. Аррий Вар донес императору на Домиция Корбулона. За это он был вознагражден императором, который назначил Вара примипилом (*primum pilum*) (Tac. Hist. III. 6). Судьба самого Корбулона была трагичной: прославленный военачальник покончил жизнь самоубийством, узнав о том, что Нерон распорядился арестовать его (Dio Cass. LXII. 5–6).

Неизвестно в каком именно легионе продолжил военную службу Аррий Вар. Исследователь С. Дандо-Коллинз полагает, что он числился в *legio III Gallica* [2, p. 169], который также участвовал в римско-парфянской войне 58–63 гг. под началом Корбулона, а в 68 г. был отправлен на Дунай, где сражался с роксоланами. Можно также предположить, что Вар был примипилом *legio VII Galbiana*. Эта точка зрения представляется более вероятной, потому что легион *III Gallica* примкнул к флавианской партии в ходе гражданской войны 68–69 гг. не сразу, а только после падения Аквилей и Опитергия, крупнейших городов Северной Италии. Кроме того, именно легат *legio VII Galbiana* Марк Антоний Прим, во многом способствовавший успешной карьере Вара, возглавлял войска сторонников Флавиев на Западе. У Антония Прима, который после провозглашения восточными легионами Веспасиана императором встал на сторону мятежников, Аррий Вар командовал конницей (Tac. Hist. III. 6).

Вскоре среди флавианцев произошел раскол. Обладавший значительным военным опытом и политическим влиянием советник Веспасиана Гай Лициний Муциан предпочитал обходиться без лишнего кровопролития, ограничившись морской блокадой Италии (Тас. Hist. II. 83). Антоний Прим, стоявший во главе дунайских легионов, напротив, настаивал на походе на Рим. Реализуя свой план, Антоний Прим начал военную кампанию против вителлианцев на Апеннингах. Тацит упоминал об активном участии всадников Аррия Вара как в столкновениях передовых отрядов, так и в решающей битве при Кремоне 24 октября 69 г. (Тас. Hist. III. 16). После победы флавианцев стало очевидно, что дни пребывания Вителлия у власти сочтены. Однако Антоний Прим и Аррий Вар продолжали плести интриги: они писали принцепсу письма, в которых предлагали ему убежище в Кампании (Тас. Hist. III. 63). Впрочем, Вителлий отказался от этих предложений и 20 декабря 69 г. был убит.

Несмотря на вступление войск флавианцев в Рим, сам Веспасиан по-прежнему пребывал на Востоке. В столице находился младший сын нового императора Домициан, провозглашенный цезарем. По всей видимости, Антоний Прим имел значительное влияние на молодого соправителя. Помимо прочего, он добился вознаграждения для своих верных сторонников: Аррий Вар получил пост префекта претория (*praefectus praetorio*), а также преторские знаки отличия. Отметим также, что под командованием Вара оказались преторианцы, уволенные со службы Вителлием и впоследствии сражавшиеся против него под знаменами флавианцев (Тас. Hist. IV. 2. 4).

Конец «блестящей карьеры» Аррия Вара наступил уже в 70 г., когда в Рим прибыл Гай Лициний Муциан. Антоний Прим и его сподвижники, включая самого Вара, были отстранены от участия в управлении (Тас. Hist. IV. 11). Легионы, в которых влияние Антония Прима было велико, постепенно вернулись на старые места дислокации (Тас. Hist. IV. 39). Аррий Вар лишился поста префекта претория, который занял состоявший в родстве с Флавиями и популярный среди преторианцев Аррецин Клемент (Тас. Hist. IV. 68). После этого военная карьера Аррия Вара завершилась. Муциан назначил его префектом анноны (*praefectus annonae*), который отвечал за доставку зерна в Рим и устанавливал цену, по которой оно должно было продаваться. Известно также, что префект анноны назначался из всадников и не входил в число ординарных магистратов. О дальнейшей судьбе Аррия Вара источники умалчивают.

Cursus honorum Аррия Вара примечателен тем, что за пятнадцатилетний период времени он сумел пройти путь от префекта когорты до префекта претория. Это подтверждает, что служба в императорской армии открывала широкие возможности для карьерного роста младшего и среднего ко-

мандного состава. Для I в. н. э. пример служебной карьеры Аррия Вара все-таки следует признать уникальным. Однако в более позднее время, особенно в ходе кризиса III в., подобные случаи, когда выходцы из провинций или же лица незнатного происхождения занимали высшие государственные посты благодаря успешной военной карьере, перестали быть редкостью.

Литература

1. Rohden P. von. Arrius // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / hrsg. von G. Wissowa. Stuttgart, 1895. Bd. 2. S. 1251–1260.

2. Dando-Collins S. Mark Antony's Heroes: How the Third Gallica Legion Saved an Apostle and Created an Emperor. Hoboken, 2007.

УДК 94 (73) 1807/1813

КУЛЬТУРА И БЫТ США ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА СВИНЬИНА

*Белюскина Анастасия Алексеевна,
студентка 3 курса исторического факультета,
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
stasyabuka1338@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматривается культура и быт молодого американского государства в освещении путевых заметок русского дипломата и писателя – Павла Петровича Свиньина (1787 – 1839), служившего в 1811–1813 гг. секретарем российского генерального консульства в Филадельфии Н. Я. Козлова.

Ключевые слова: архитектура; быт; живопись; искусство; культура; США первой половины XIX века.

CULTURE AND EVERYDAY LIFE OF THE USA OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN P. P. SVINYIN'S TRAVEL NOTES

*Belyuskina Anastasiya Alekseevna
student of the Historical Faculty
Vologda State University, Vologda, Russia
stasyabuka1338@mail.ru*

Abstract. The article research culture and everyday life of the USA. This article based on travel notes of Russian diplomat and writer P.P. Svinyn (1787 –

1839), who was a secretary of N.Y. Kozlov in Consulate General of Russia in 1811 – 1813.

Keywords: architecture; art; culture; everyday life; painting; USA in the first half of XIX century.

Восприятие народами друг друга – интереснейшая тема истории, позволяющая сформировать представления о своеобразии развития того или иного государства. Важнейшим источником представлений об особенностях американской культуры являются путевые заметки Павла Петровича Свинына – русского дипломата, издателя, журналиста и историка. Помимо дипломатической деятельности П. П. Свинын был основателем и редактором журнала «Отечественные записки», талантливым литератором и художником. Он состоял во многих культурно-просветительских объединениях: Обществе любителей Российской словесности (1816), Императорском Московском обществе сельского хозяйства (1824). В 1827 г. он был избран «почетным вольным общником» Академии художеств, а в 1833 г. – академиком Императорской Российской академии.

П. П. Свинын оставил дневники, письма и путевые заметки о США, написанные им в 1811–1813 гг., во время службы секретарем российского генерального консульства в Филадельфии. Дополнительную ценность им как источнику придают многочисленные рисунки, сделанные рукой автора, что позволяет визуализировать некоторые аспекты жизни Североамериканской республики начала XIX века. Во время пребывания в Америке П. П. Свинын путешествовал по американским городам, знакомясь с их жизнью и природной средой, и очень подробно записывал наблюдения в своем дневнике, так как в начале XIX столетия за пределами России мало что знали о США. По окончании своего путешествия по Америке Свинын написал две книги: «Взгляд на республику Соединенных Американских областей» (1814) [1] и «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» (1815) [2], главы которых первоначально были опубликованы в журнале «Сын Отечества» (1815) [3]. Это были первые книги, написанные российским автором об Америке.

Книга «Взгляд на республику Соединенных Американский областей» написана сплошным текстом, никак не структурирована и состоит из 64 страниц. Первое издание было напечатано на старославянском языке 17 ноября 1814 года, сейчас книга опубликована в электронном виде. Также сохранились дневники и письма русского дипломата, которые велись исключительно на английском языке. Все его записи хранятся в Государственном архиве Костромской области, а в 2005 году – были подготовлены к публикации на русском языке под названием – «Американские дневники и письма (1811–1813)» [4].

Во время своего путешествия он вел записи, в которых описывал быт и повседневную жизнь американцев. Свиньин сразу начинает с того, что разочарован тем, как выглядят американские города: узенькие кирпичные дома, как в английских провинциальных городах. Но, на наш взгляд, это и не удивительно, так как северо-американские поселения в XVII-XVIII вв. являлись колониями британского правительства, поэтому американский быт имеет английские корни. Эта «связь между хранимой в памяти национальной историей и живой современностью – связь столь органичная, что невнимательный наблюдатель может ее вовсе не заметить, впасть в иллюзию, будто американцы остались вообще без какого-либо наследия и являют собой народ, лишенный истории и традиций» [5, с.55]. В то же время П. П. Свиньин отмечает и различия, говоря, что «американцы имеют более живости в характере, чем англичане, гораздо приветливее и их гостеприимнее» [1, с.36]. Дипломат был удивлен, что у американцев нет печей в домах, все греются у камельков, которые не оставляют никакого тепла, а греют только ту сторону, которая перед огнем. Он отмечает, что в России население переживает зимы в более благоприятных условиях, чем в Америке, поэтому американцы чаще болеют.

Также для П. П. Свиньина было приятным открытием то, что местные жители сами первые заводят знакомство с гостями и новыми соседями. Но он отмечает совсем дикую манеру поведения – «по вольности они делают все дурачества, грубости, невыносимые для иностранца» [4, с.69], и как, считает Свиньин – это неприемлемо и безобразно.

Множество замечаний Свиньин делает по поводу американских женщин. Он пишет о том, что молодые девушки имеют очень большую свободу, что не скажешь о замужних женщинах, которые занимаются исключительно хозяйством и практически не появляются в обществе. Поэтому многие американки не торопятся выйти замуж. В целом, американские женщины были не очень симпатичны Свиньину: «оне вообще весьма стройны, только в лицах нет никакой приятности, и видевши одну американку, можешь сказать, что видел всех» [4, с.72].

С каждым днем П. П. Свиньин удивляется местным привычкам и в своем дневнике он делает запись от 16 декабря 1811 года, где описывает, что на его улице «начался пожар, горел один дом, но весьма скоро погасили. Здесь нет зрителей, как у нас в России, – всякий работает с усердием, как за свою собственность, хотя никто его не принуждает» [4, с.74]. Жители работают на фабриках, занимаются ремеслом, торговлей и всяким другим промыслом. Он подчеркивает: «всякий занимается одной коммерцию, таланты им не чужды» [1, с. 32].

Американские дети с малых лет ходят в народные училища, в которых обучают классическому образу жизни, то есть домашнее воспитание здесь неизвестно. Также есть колледжи, университеты – Гарвардский, Принстонский, Колумбийский, Кембриджский и другие. Каждый университет имеет своего президента, который выбирается как университетом, так и городом. Основными предметами были греческий и латынь, философия и религия, также давались представления о географии и ведении сельского хозяйства. В главных городах имеются по нескольку публичных библиотек для чтения и культурного развития общества. Большое внимание уделяется религии, например, воскресенье в большом уважении, «никто не работает и не занимается никаким увеселением – он совершенно посвящен Богу» [4, с.67].

П.П. Свинын проявлял неиссякаемое любопытство не только в отношении быта американцев, но также в отношении их культуры. В своих путевых заметках русский дипломат описывает архитектуру и живопись, впечатления от посещения местных школ, крупных научно-образовательных центров молодого американского государства. В Филадельфии П. П. Свинын познакомился с деятельностью Философского общества, президентом которого в то время являлся Томас Джефферсон – третий президент США, автор Декларации независимости 1776 года. Погружаясь в культурную жизнь американского народа, Павел Петрович посещает театры, балы и званые ужины, свои визиты он также подробно описывает, делая своими наблюдениями и замечаниями.

Среди различных видов искусства Павел Петрович отдавал большое предпочтение архитектуре и живописи. В 1805 году несколько любителей сложились и выстроили здание для Академии, которой Свинын подарил две картины – «Черкеса» и «Турку», за что получил огромную благодарность от местного населения. Дипломат писал: «Если взять Соединенные Штаты, как землю в младенчестве, то она сделала удивительные успехи в живописи. Америка может гордиться в живописи Вестом, Тромболом и СтUARTом, последний из которых достиг больших высот в портретной живописи» [1, с.39]. Свинын отмечает, что американские таланты ценят как в Англии, так и во Франции, Италии и Испании.

Под большим впечатлением Павел Петрович был от того, что в США существуют больницы, благотворительные общества и заведения, в которых «покоят изнемогшую старость, в других воспитывают бескровных сирот... безденежно раздадут лекарство неимущим» [1, с.39]. Но менее лестной оценки русского дипломата удостоился американский театр: «ничто не может быть хуже, беднее здешних представлений» [4, с.104]. В то же время под большим впечатлением он остался от посещения одного из американских музеев. Вообще, музеум (музей) заслуживает любопытства иностран-

ца по многим причинам. Тем более удивительно, что он принадлежит частному человеку, который «употребил 30 лет своей жизни на собирание его – не выезжая из Америки» [4, с.69].

Путевые заметки русского дипломата Свинына представляют важнейший источник для формирования представлений о восприятии Америки начала XIX века россиянином, находящимся на службе в США. В данной статье мы рассмотрели черты повседневной жизни местного населения, его традиции и культуру, которые обратили на себя внимание П. П. Свинына.

Литература

1. Греч Н.И. Сын отечества. 1815. Ч. 23. № 31.
2. Свинын П.П. Взгляд на республику Соединенных Американских областей. СПб.: Типография Ф. Дрехслера, 1814.
3. Свинын П. П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке Павла Свинына. СПб.: Типография Ф. Дрехслера, 1815.
4. Свинын П. П. Американские дневники и письма (1811–1813). М.: Издательский дом «Парад», 2005.
5. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т.2.

УДК 9; 94

ОБРАЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА ПО ПУТЕВЫМ ОЧЕРКАМ МАРКА ТВЕНА

*Седова Юлия Николаевна,
студентка 3 курса исторического факультета,
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
sedova.sun@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности европейских городов второй половины XIX века сквозь призму впечатлений американского писателя Марка Твена. Источниками статьи являются очерки «Простаки за границей, или Путь новых паломников» (1869) и «Пешком по Европе» (1880). Представления человека иной культуры о городском пространстве Старого Света, восприятие обычаев и традиций Европы представляют интерес в свете имагологических исследований.

Ключевые слова: Марк Твен; имагология; город; Европа; путешествие.

THE IMAGE OF EUROPEAN CITIES IN THE TRAVEL ESSAYS BY MARK TWAIN

Sedova Yuliya Nikolaevna

student of the Faculty of History, Vologda State University,

Vologda, Russia

sedova.sun@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to images of European cities in the second half of the XIX century in the reflection of the American writer Mark Twain. The sources of the article are essays "The Innocents Abroad, or The Way of new pilgrims" (1869) and "A tramp abroad" (1880). For imagology great interest in human experience a different culture, the perception of European customs and traditions

Keywords: Mark Twain; imagology; city; Europe; travel.

Город является отражением культуры страны, ее обычаев и традиций. Город способен достоверно представить путешественнику действительность, показать прошлое и настоящее, достопримечательности и проблемы не только этого конкретного населенного пункта, но и целой страны и нации. Зачастую писатели изображают город, в котором проживают длительное время, будь-то Париж у В. Гюго или Лондон у Ч. Диккенса. Однако пытливый ум и меткий взор писателя способны ухватить суть даже за небольшое время пребывания: так американский писатель Марк Твен попытался передать своим читателям впечатления о городах и странах, путешествуя по Европе.

Сэмюэль Ленгхорн Клеменс, известный под псевдонимом Марк Твен, родился 30 ноября 1835 года во Флориде, штат Миссури. Свои первые комические рассказы Сэмюэль начал писать, будучи подростком. Работая лощаном, он придумал себе псевдоним «by the mark twain», где twain – архаичная форма числительного two. В литературу Марк Твен пришел довольно поздно. Профессиональным журналистом он стал в 27 лет. Свою первую книгу «Простачки за границей, или Путь новых паломников» (1869) писатель опубликовал в 34 года на основе писем, отправленных в редакцию во время средиземноморского путешествия. Благодаря поездке, «простаки» посетили Испанию, Францию, Италию, Россию, Сирию, Израиль и Палестину.

Кроме этой работы, источником данного исследования стали очерки под названием «Пешком по Европе». Первоначально автор не думал создавать подобное произведение. Путешествуя по Европе в 1860-70 гг., Марк

Твен делал заметки в своем дневнике, а после возвращения в Америку решил собрать их воедино – так к 1877 году были написаны очерки, опубликованные в 1880 году. Путешествуя по Франции, Италии, Германии, Марк Твен подмечал особенности каждого из городов, попутно разрушая многие американские стереотипы о Европе и сопоставляя Старый Свет с Америкой.

Находясь в Италии, разумеется, туристы посетили множество галерей, памятников архитектуры, которые восхищали их. Однако некоторые картины, представленные в Риме и Флоренции, не избежали упрека со стороны американцев. Например, картина Тициана «Венера» представилась слишком неприличной. Или большое количество «ужасающих» произведений, где представлена кровь, гниение и так далее. Не впечатлила и «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, которую путники смогли лицезреть в одной из церквей. Марк Твен искренне недоумевал по поводу восторгов собравшихся туристов, так как роспись давно уже облупилась и потрескалась, краски потускнели, а лица с трудом распознаваемы [1].

Увидев Версаль, Твен тут же «простил» Людовика XIV за потраченные 200 миллионов долларов, настолько прекрасным представилась ему эта резиденция королей. Насколько верна эта цифра? Сейчас принято считать, что на Версальский дворец было потрачено 260 млрд. евро. Это цифра намного превышает данные путеводителей XIX века. Кстати, писатель, когда приехал в Европу, заметил, что доллар намного превышает все местные валюты, и поэтому поездка вышла недорогой [1].

После Версаля предместье Сент-Антуан показалось полной противоположностью: кривые, узкие, грязные улочки, где кроются преступники и лоретки. Твен назвал это место «источником революций» [1]. Писатель прав, ведь именно в этом квартале рабочее население отличалось наибольшей активностью. Рабочие Сент-Антуана стояли во главе революционных отрядов 1789 года, во время революций 1830 и 1848 годов и событий Парижской коммуны 1870 года.

В Германии Марк Твен посетил такие города, как Гамбург, Франкфурт-на-Майне, Гейдельберг, Меннгейм, Вимпфен и другие. Находясь в Гейдельберге, путешественники посетили один из университетов. Обыденная жизнь студентов показалась им очень необычной, взять хотя бы то, что студенты не живут в общежитиях, а останавливаются, где хотят, могут свободно переходить с одного факультета на другой, нет расписания, экзаменов, даже четкого срока обучения. Каждый сам решает, будет он учиться или развлекаться; университетская жизнь в Германии – это поистине привольная жизнь, она не знает принуждения, замечает Твен [2]. Правда ли это? Немецкий теолог и философ Фридрих Даниэль Эрнст Шлейермахер (1786-1834) в своих трудах впервые заговорил о «свободе» в университет-

ской жизни. Студенты, по его мнению, не должны быть подчинены какому-либо принуждению. Все должно зависеть от их собственных целей. Свое конкретное воплощение идеи получили 1810 г. с основанием Берлинского университета [3].

Все студенты были разделены на корпорации, в зависимости от определенных критериев, это видно по цвету их шапок. Причем студенты в шапочках неодинаковых цветов не заговорят друг с другом – это строго запрещено, а самым неожиданным для американцев были постоянные дуэли между представителями той или иной корпорации. Этот старинный обычай писатель считает забавным и напыщенным, для гейдельбергских же студентов это дело чести и дань традициям.

Несмотря на то, что очерки называются «Пешком по Европе», Твен и его спутник мистер Гаррисон зачастую перебирались поездом или судоходным средством. Так, именно на поезде они отправились в Маннгейм посмотреть горячо любимую немцами оперу «Лоэнгрин» популярного в Германии композитора Рихарда Вагнера, но для американцев это было наименьшим удовольствием за все путешествие. Твен жаловался: «Слушать это было адской пыткой; моя память хранит эти впечатления рядом с тем случаем, когда мне пломбировали зубы. То, что переносить эту казнь приходилось молча и не шевелясь, лишь довершало пытку» [1]. Писатель отмечал, что американцы вообще не любят оперу и ходят на нее только, чтобы с умным видом поговорить о ней в обществе, подражая европейцам. Слова Твена подтверждает фраза редактора американского журнала «Харперз Мегезин» в одной из статей, написанной в 1859 году: «Все, что из достижений Старого Света подходит нам, мы перейдем... Что же касается живописи и скульптуры Старого Света, то их мы в подходящий момент купим» [4].

Таким образом, благодаря очеркам Марка Твена можно составить впечатление о жизни городов Старого Света второй половины XIX века, а также понять отношение американца к европейской повседневности. Марк Твен был весьма саркастичен, с юмором описывая европейцев. Его целью не было подробное описание в академическом стиле, однако яркие, запоминающиеся в деталях образы городов живут на страницах его очерков. В целом, писатель разрушает представление о великолепии городов Европы, о прекрасных произведениях искусства, во всем этом он видит лишь поклонение мертвому и отжившему. Твен сопоставлял активную Америку с ее достижениями техники с «законсервированной» Европой, и полагал, что глупо преклоняться перед тем, что тебе не нравится, как поступали в ту пору многие американцы.

Литература

1. Твен М. Пешком по Европе [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.ru/read/352660-tom-5-peshkom-po-evrope-printc-i-nishij.html> Дата обращения: 24.06.2016.
2. Твен М. Автобиография. [Электронный ресурс] URL: <http://su0.ru/C92f>. Дата обращения: 27.12.2015.
3. Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы [Электронный ресурс] URL: <http://su0.ru/KaKk> Дата обращения: 23.06.2016.
4. Балашша И. и Шандор Г.Д. Путеводители по операм [Электронный ресурс] URL: <http://su0.ru/L8ut>. Дата обращения: 23.06.2016.

УДК 82.09

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Федорова Жанна Викторовна,

*магистрант Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций*

Казанский федеральный университет

г. Казань, Россия

Fedorova_zhanna@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия исторических и филологических оснований в художественно-историческом повествовании. Автор обосновывает положение о том, что бытование исторических фактов в художественном тексте зависит от эстетической цели автора и особенностей интерперетации им социально-исторической концепции. Доказывается допустимость художественного преломления истории в романной форме.

Ключевые слова: междисциплинарный подход; исторический роман; временная дистанция; исторический документ; философия истории.

FEATURES OF USE OF DOCUMENTS IN ART AND HISTORICAL TEXTS

Fedorova Zhanna Viktorovna

*Undergraduate of the Institute of social and philosophical sciences
and mass communications*

Kazan Federal University

Kazan, Russia

Fedorova_zhanna@mail.ru

Abstract. In article the problem of interaction of the historical and philological bases in the art and historical narration is considered. The author proves the provision that the existing of historic facts in the art text depends on the esthetic purpose of the author and features of an interperetation to them the sociohistorical concept. Admissibility of art refraction of history in a novelistic form is proved.

Keywords: interdisciplinary approach; historical novel; temporary distance; historical document; history philosophy.

Одним из процессов современной науки является интеграция – имеется в виду объединение, взаимодействие, синтез наук и научных дисциплин, стирание граней между ними, изучение явлений на «стыке», возникновение пограничных дисциплин. Так, активно развиваются социология литературы (бытование литературного текста как социального факта) и политическая лингвистика (изучение языковой среды политического текста), появились тенденции к исследованию различных граней исторической личности (например, Бодуэн де Куртене как лингвист, как педагог, как общественный деятель). Думается, это актуальный подход, который можно применить и к изучению истории.

История взаимодействует со многими гуманитарными науками, в том числе – и с литературоведением. Наиболее отчетливо это взаимодействие просматривается в историческом жанре. Как отмечал В. Г. Белинский, исторический роман есть «точка, в которой история как наука сливается с искусством», это «образное дополнение истории, ее другая сторона» [1, с. 42-43]. Поскольку в историческом романе наука (история) сливается с искусством (литературой), это дает возможность осуществлять историческое познание в самых различных формах.

Исторический роман – одна из самых популярных и востребованных литературных форм, интерес к которой читателей и исследователей постоянен. Так, в 1830-е гг., когда исторический жанр еще только складывался, интерес к нему был обусловлен формированием идеи самобытности русского исторического процесса. Поэтому задачей исторического произведения считалось раскрытие духа народа в различные периоды его бытования: исторический роман должен был стать выражением национально-исторического самосознания русской нации, при этом читатель как бы становился современником описываемой эпохи, «гражданином страны, где совершается событие романа» [1, с.42].

Отметим еще, что не все писатели и исследователи считали исторический роман продуктивным эстетическим явлением. Так, крайне резкие взгляды характеризуют позицию О. И. Сенковского – известного журналиста

ста, критика и писателя первой половины XIX века, который декларировал буквально следующее: «я не люблю исторического романа. <...> исторический роман, по-моему, есть побочный сын, без роду и племени, плод сладострастного прелюбодеяния истории с воображением» [2, с.14]. Этот жанр, с точки зрения критика, есть фикция, а тот, кто всерьез собирается признавать его статус, соглашается иметь дело с «уродом», составленным из двух противоположных начал – искусства (литературы) и науки (истории). Сенковский провозглашал скорую «смерть» исторического жанра, однако его пессимистические прогнозы не были подтверждены последующим движением русского литературного процесса и XIX, и XX, и даже XXI веков. Исторический роман, наоборот, оказался популярной эстетической формой. Так, в период с 1831 по 1839 гг. в России вышло 93 отечественных исторических романа, что составило более половины всей романной продукции того периода (из 159 наименований) [3, с.419].

Дискуссии о специфике художественного осмысления истории продолжались и позже. В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» Л. Н. Толстой писал, что разногласия в описании исторического события между писателем и историком неизбежны, ведь описывают они два разных предмета: «для историка, в смысле содержания, <...> есть герой, для художника <...> не может и не должно быть героев, а должны быть люди» [4, с.517]. Л. Толстой отмечал, что история всегда основывается на документах, писатель же из них «ничего почерпнуть не может, они для него ничего не говорят, ничего не объясняют» [4, с.518]. Писатель всегда «выводит» свое представление о событиях, поэтому очень часто выводы писателя и историка относительно исторической реальности не совпадают.

Вопрос о специфике взаимодействия истории и литературы до настоящего времени носит дискуссионный характер, исследователи выдвигают разные и порой противоположные концепции. Классической работой об особенностях исторического жанра считается монография Г. Л. Ленобля «История и литература». Исследователь отмечает, что цель исторического романа – «показать не только определенных людей, но историческую эпоху во всем ее своеобразии и неповторимости» [5, с.87]. Поэтому сущность исторического романа исследователь видит в его синтетическом характере, а вся художественно-историческая литература, по его мнению, существует как совокупность многих эстетических форм, примыкающих к различным литературным родам и видам.

Другой крупный исследователь исторического жанра – С. М. Петров, основную его проблему видит в особенностях взаимодействия истории и современности, где автор является представителем последней, при этом всегда следует избегать «осовременивания» исторической эпохи. Позиция

И. П. Щерблыкина, автора ряда работ, посвященных историческому жанру, состоит в учете специфики жанра, а особенно – принципа достоверности, являющегося главным критерием, выполняющим функционально-разграничительную роль. Сущность исторического жанра ученый видит в отражении «духа исторической эпохи» [6], при этом главное – как осмыслена эпоха, на основе каких принципов реконструировано прошлое.

Неослабевающее внимание к историческому жанру, его постоянное переосмысление означает способность данной литературной формы видоизменяться, ее богатый творческий потенциал. Именно это вызывает оживленные полемики, в ходе которых выявляются особенности, теоретические проблемы и жанровые элементы исторического повествования. Одним из таких элементов является временная дистанция. О необходимости учитывать «характер отношений писателя к тому, что он изображает» писал, например, С. М. Петров: «в историческом романе, – отмечал он, – всегда ощущается исторический подход к предмету» [7, с. 7].

Анализируя исторический роман как жанр, принято, прежде всего, доказывать или опровергать его историческую достоверность. Для этого обычно «отделяют "правду" от "вымысла" – то, что автор взял от подлинных документов, от того, что он привнес своего, в документах отсутствующего» [8, с. 119]. Поэтому важно определить соотношение факта и вымысла в историческом повествовании. Некоторые исследователи (например, И. П. Щерблыкин) степень достоверности считают главным критерием исторического жанра. Однако если историк проводит «различие между существенными и несущественными фактами и в этом отношении похож на естествоиспытателя» [9, с. 6], то писатель просто излагать факты не может, он лишь отталкивается от них, разрабатывая психологию героев, их характеры, поведение, а также фабулу, идею, тематику произведения. Н. М. Карамзин, основоположник исторического жанра в русской литературе, писал, что исторический факт может оказаться недостоверным в произведении искусства, поскольку его эстетические и функциональные задачи не могут быть сведены к фиксации документальных примет. Именно поэтому проблема соотношения факта и вымысла в художественно-историческом произведении является концептуальной. Так, М. Н. Загоскин, писал, что исторический роман – это не история, а выдумка, основанная на истинном происшествии. Ф. В. Булгарин отмечал, что завязка его исторических романов – это история, а соединение всех частей – вымысел. А. С. Пушкин считал, что история и вымысел должны образовывать неразрывное единство. Специфика осмысления исторических фактов предполагает определенный взгляд автора художественного произведения на историю, на ход исторического процесса, на его закономерности. Осмысление

истории в свете авторской индивидуальности формирует социально-историческую концепцию произведения. Отметим, что через нее изображается не только прошлое, но передается взгляд писателя на современное ему общество. Проводя параллель «настоящее – через прошлое», автор исторического повествования, как правило, использует метод исторических аллюзий.

Таким образом, история для писателя является, в первую очередь, средством познания действительности и национальной специфики, «история <...> есть центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития. История обнимает все» [10, с. 44]. Исторический роман, став не просто литературным жанром, а формой познания и даже своеобразной философией истории, позволил проникнуть в суть исторических событий, а также осознать бытовые и духовные реалии изображаемой исторической эпохи. В современной гуманитарной науке исторический роман выступает как синтетический жанр, объединивший историю, филологию, философию.

Литература

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953-1959. Т.1.
2. Сенковский О.И. Мазела // Библиотека для чтения. 1834. Т.2. Отд. 5. С.1-45.
3. Ребеккини Д. Русские исторические романы 30-х гг. XIX в. // Новое литературное обозрение. 1998. №34. С. 416-434.
4. Толстой Л.Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Правда, 1987. Т.VI. С. 514-525.
5. Ленобль Г.Л. История и литература. М.: Советский писатель, 1960.
6. Щерблякин И.П. У истоков русского исторического романа. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, 1992.
7. Петров С.М. Русский исторический роман XIX века. М.: Художественная литература, 1984.
8. Реизов Б.Г. История и теория литературы. М.: Наука, 1986.
9. Милованова О.О. Проблемы художественного историзма в русской критике пушкинской поры. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1976.
10. Киреевский И. В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (ПО РОМАНУ Э. ДОКТОРОУ «МАРШ»)

*Алиева Александра Михайловна,
студентка 3 курса исторического факультета,
Вологодский государственный университет,
г. Вологда, Россия
alieva.aleksandra@yandex.ru*

Аннотация. Тема Гражданской войны является одной из самых значимых в историческом прошлом США. Проблема отражения этого события в художественной литературе начала нынешнего столетия находится в центре внимания статьи. Автор анализирует роман Э. Доктороу «Марш», выявляя основные «проблемные» точки, узловые проблемы истории, актуальные для современного американского читателя.

Ключевые слова: Гражданская война; США; Эдгар Доктороу; военная проза; американская литература; историческая память.

THE HISTORICAL MEMORY OF THE CIVIL WAR IN THE UNITED STATES IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY (BASED ON THE NOVEL BY E. DOCTOROW "MARCH")

*Alieva Aleksandra Mikhailovna
student of the Faculty of History, Vologda State University
Vologda, Russia
alieva.aleksandra@yandex.ru*

Abstract. The theme of the Civil War is one of the most significant in the historical past of the USA. The problem of reflection of this event in the literature beginning of this century is the focus of this article. The author analyzes the novel E. Doctorow's "The March", identifying the main "problem" point, the key problems of the history relevant to the modern American reader.

Keywords: Civil war, USA, Edgar Doctorow, Military prose, American literature; historical memory.

История Соединенных Штатов Америки неразрывно связана с военными событиями. Война за независимость от Англии XVIII века, Америка-но-мексиканская война 1846-1848 гг., Гражданская война 1861-1865 гг.,

американо-испанская война 1898 г., Первая и Вторая мировые войны – эти события, как локальные, так и глобальные, на разных исторических этапах оказывали огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства и определили его дальнейшее развитие. Американская литература, в свою очередь, имеет богатую традицию отображения батальных событий. Попытки отражения Гражданской войны в прозе начинаются уже с конца 1860-х годов. В США исторический роман не только служит источником развлечения, эстетического удовольствия или научной информации. У. Бек в предисловии к своей монументальной библиографии американского исторического романа отмечает его роль в формировании национальной идеи, национального самосознания, исторической памяти. «К добру или нет, но американцы узнают о своем прошлом и формируют свое отношение к прошлому под влиянием исторической романистики» [1, с. 15].

С исторической точки зрения произведение художественной литературы имеет свою специфику: для него характерна субъективность; его отличительной чертой являются вымысел и фантазия – как средства художественного выражения позиции автора; оно предназначено, как правило, для максимально широкой читательской аудитории. Из этого следует, что литературное произведение в качестве исторического источника чаще всего не может рассматриваться с точки зрения содержащихся в нем фактических данных, поскольку в этом качестве источниковедческим критериям достоверности не отвечает [2, с. 101]. В свою очередь историки нуждаются в литераторах, ведь исторические художественные произведения являются важнейшим каналом для проникновения исторических знаний в массы.

Всемирную известность и популярность в США получили произведения, посвященные Гражданской войне. Из всего многообразия художественной литературы, посвященной данному событию, для исследования был выбран роман Эдгара Лоренса Доктороу «Марш» [3], впервые опубликованный в 2005 году. Впервые он был переведен на русский язык и опубликован в журнале «Иностранная литература» в 2009 году. Э. Доктороу (6 января 1931 – 21 июля 2015) родился в Бронксе в семье второго поколения американцев еврейского происхождения из России. В 1952 г. Доктороу получил степень бакалавра философии, а в 1952–53 гг. изучал литературу в Колумбийском университете. Известный своим ярким изображением американской жизни XIX и XX веков, он считается одним из самых талантливых, амбициозных и уважаемых американских романистов эпохи постмодернизма. Дважды Доктороу был лауреатом Национальной книжной премии США (1976, 1986).

Сюжет романа разворачивается в 1864 году. Уже более трех лет Юг и Север США воевали друг с другом, сотни тысяч человек пали на полях

сражений, но разрушительному конфликту не было видно конца. Переломный момент Гражданской войны – начало военной операции под командованием генерала Уильяма Шермана, который во главе шестидесятитысячной армии федератов совершает «бросок к морю», направляясь через Джорджию, Южную и Северную Каролину к побережью Атлантического океана.

Для описания Гражданской войны Доктору использовал метод документальной реконструкции как один из приемов передачи исторического фона романа. Изучение документов было необходимо для более полного и точного описания событий и деталей в романе. Многие из документов в «Марше» процитированы из мемуаров, законов и переписки генерала Шермана. Например, телеграмма-приказ Шермана взять в окружение Саванну в декабре 1864 года (в качестве рождественского подарка президенту Линкольну) передана дословно.

Одна из до сих пор дискуссионных проблем – это оценка «марша», который, с одной стороны, стал решающим и победным, а с другой, представлял собой «тотальную» или «жестокую войну», как называли его историки. Оправдывали действия Шермана, указывая на целесообразность его методов для скорейшей победы над противником, преимущественно северяне. В свою очередь южане считали, что война и насилие над гражданскими лицами, к тому же фактически своими соотечественниками, и уничтожение их имущества (разрушены были железные дороги, поля, трубы, станки, строения) под предлогом объединения нации, недопустимо. Важно отметить, что сам Доктору в романе не дал никакой оценки этому, лишь указывая на то, что после Колумбии белые южане окрестили Шермана чудовищем. Генерал в своих воспоминаниях осветил это событие, а Доктору перенес его высказывание на страницы своего романа: «Не я устроил им эти Помпеи, но если надобно сделать из меня врага рода человеческого, я готов нацепить сию личину» [3, с. 79].

Автор в большей степени заинтересовал никак не замеченный феномен этого «марша». По его версии, Шерман – «ползучий монстр», который на своем пути превращает в пыль целые человеческие сообщества, рождает новую жизнь и изменяет людей, которые с неожиданной легкостью сбрасывают с себя прежние убеждения, меняют отношение к жизни, дружат со смертельными врагами, испытывают романтическую любовь, обретают и теряют веру и разрушают расовые барьеры (проблема расовых взаимоотношений до сих пор является актуальной в США, поэтому, неслучайно, что автор романа затрагивает и эту тему). Освобожденные рабы идут бок о бок с бывшими владельцами плантаций. Молодая южанка Эмили, которую полевой хирург-северянин берет к себе в медсестры, отказывается от своих

расовых предрассудков, когда видит своими глазами, что разнесенные пушечными ядрами головы белых и черных выглядят совершенно одинаково. Шермановская армия, по Доктору, – это, помимо всего прочего, «культурная революция» в походе.

В свете военных конфликтов современности Доктору уделял немалое внимание трансляция антивоенной идеи, изображая ужасы войны, с целью привить читателю мысль о ненужности войны. Важной составляющей частью романа является образ врага, который не так однозначен, раз речь идет о Гражданской войне, разделившей страну на два лагеря. Доктору в своем романе транслировал идею единства Соединенных Штатов. По мнению автора, в период Гражданской войны у солдат обеих армий было много общего, не было никакого барьера между людьми двух армий – ни языкового, ни культурного. Как следствие, общение, обмен вещами, кофе, табак, газетами, просьбы передать письма родным по ту сторону фронта были совершенно обыденным явлением. Именно поэтому, солдатам было трудно свыкнуться с необходимостью воевать с «врагом», к которому они не испытывали настоящей вражды.

Как нам кажется, роман «Марш» Э. Доктору при всей своей исторической канве нацелен на настоящее, спроецирован на него. События Гражданской войны становятся поводом задуматься над современным состоянием американского общества, а США XXI века отражаются через призму исторических событий XIX столетия.

Литература

1. Комаровская Т.Е. Проблемы поэтики исторического романа США XX века: автореф. дис. доктора филол. наук. М.: Московский пед. ун-т, 1994.
2. Сенявская Е.С. Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. №1. С. 101-110.
3. Доктору Э.Л. Марш; пер. с англ. В. Бошняка. М.: Флюид, 2010.

**МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ**

*Колпакова Галина Олеговна,
магистрант*

*Шадринский государственный педагогический университет
г. Шадринск, Россия
tolmaga@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные направления миссионерской деятельности Русской Православной церкви в Пермской губернии на рубеже XIX–XX веков. Охарактеризованы методы РПЦ по борьбе с ересями и расколом, а также политика в области христианизации мусульманского населения губернии.

Ключевые слова: миссионерство; православие; мусульманство; ереси; новокрещены.

**MISSIONARY ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE PERM REGION AT THE TURN OF THE XIX–XX**

*Kolpakova Galina Olegovna
undergraduate*

*Shadrinsk State Pedagogical University
Shadrinsk, Russia
tolmaga@mail.ru*

Abstract. In this article the basic directions of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the province of Perm at the turn of XIX–XX centuries. We characterize the methods of the ROC to combat heresy and schism, as well as in the Christianization of the Muslim province of population policy.

Keywords: missionary; Orthodox Christianity; Islam; heresy; novokrescheny.

Особое положение церкви давало ей возможность обращаться за помощью в деле христианизации нерусских народов и не православных народов к государственным институтам, параллельно создавая свою собственную структуру миссионерства. Миссии имели своей целью установле-

ние со стороны церкви контроля в сфере социальных и семейно-бытовых отношений. Кроме того, принятие православия отдельными народностями способствовало их более быстрой интеграции в имперское общество.

История миссионерской деятельности государства наглядно иллюстрирует отношение государства к церкви, как к ведомству православного исповедания, которое обязано выполнять административные указания. Как особый епархиальный институт борьбы с расколом, внутренняя миссия возникла в 1828 году, когда Николай I велел Синоду учредить противораскольничью миссию в Пермской губернии [1, с. 1071].

Во второй половине XIX века миссионерская деятельность Русской православной церкви на территории Российской империи велась по двум направлениям: борьба с сектантством и старообрядчеством и проповедь среди «язычников», в том числе мусульман.

Разрозненная деятельность многочисленных миссионерских организаций в XIX веке не давала ожидаемого эффекта, поэтому миссионерская деятельность подверглась коренной перестройке. Миссионеры переключились на борьбу с сектантским движением и усилением старообрядчества.

В соответствии с отчетом за 1883 год борьба с магометанством на востоке европейской России и Сибири была особенно тяжелой. Ислам составлял цельную систему, которая отвечала на многие религиозные вопросы того времени и той среды, в которой он имел распространение. Магометанское духовенство, по-особому преданное своей вере, представляло большую угрозу для вновь обращенных в православие как для татар, так и для язычников.

Для выработки единых методов борьбы с сектантством и старообрядчеством, а также для обмена опытом миссионерской работы, в 1887 году в Москве был проведен всероссийский миссионерский съезд. По его результатам были приняты «Правила об устройстве миссий и о способе действия миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам» [2, с.353].

«Правила» предписывали в епархиях, в которых имелись сектанты и раскольники, назначать священнослужителей, а также уездных и окружных миссионеров из приходских священнослужителей и мирян, вменяя им в обязанности собеседования с отпавшими. Согласно «Правилам» система миссий была следующей: архиерей – миссионер – раскольники и сектанты. Но на самом деле между архиереем и миссионерами стояли консистории и братства, миссионерам в общении с раскольниками и сектантами препятствовали заинтересованные лица.

В 1891 году был проведен второй миссионерский съезд. На этом съезде миссионеры признали, что бессильны в борьбе за православие и без поли-

ции не смогут справиться с сектантской ересью и расколом [3, с. 438-439]. В 1896 году, при поддержке председателя этого съезда преосв. Иоанникия, в Киеве был основан журнал «Миссионерское обозрение», выходивший вплоть до 1916 года. Он являлся основным органом внутренней синодальной миссии.

Изменилось ведение миссионерской деятельности, что, в частности, выразилось в создании в 1870 году Православного миссионерского общества во главе с митрополитом Московским Иннокентием (Вениаминовым). Главная цель общества состояла в том, чтобы содействовать православным миссиям в деле обращения в православие нехристиан Российской Империи.

В Перми такой епархиальный комитет был создан в 1873 году. Со времени открытия Пермского комитета православного миссионерского общества получило широкое распространение движение просвещения инородцев. Оно сосредоточилось в основном в Осинском, Красноуфимском и Соликамском уездах Пермской губернии. Среди всех этих инородцев существовала магометанская пропаганда, которая началась еще в 70-е гг. XIX века и усилилась к началу XX века.

Для распространения и утверждения православной веры принимались всевозможные меры, которые не имели значительного успеха. Основное препятствие – этнически неоднородный состав населения и проживание новокрещенных (и до конца не утвердившихся в своей вере) среди мусульманского населения.

Совет общества стремился привлечь к миссионерской деятельности весь православный народ. Выпускались книги, подробно описывающие цели Миссионерского общества, достигаемые им результаты, современное состояние миссий, их нужды и потребности. Благодаря этому в общество стали поступать вклады и поминаения [4, с.480]. Помимо этого, Православное Миссионерское общество получило право делать переводы богослужебных книг и катехизисов. В 1876 году была образована переводческая комиссия Православного Миссионерского общества, преобразованная из комиссии для инородческих переводов при братстве св. Гурия [4, с. 480].

Помимо этого, проходило активное омусульманивание язычников. Миссионер отец Сергей (Багин), служивший в Пермской епархии проповедником, отмечал в своем отчете о том, что «вотяки-язычники находятся под большим влиянием магометанства. Вотяки-магометане настроены крайне фанатично; они отреклись не только от языческих верований, но и от национальной одежды и языка и называют себя – башкирами...» [5, д. 28 л.15 об]. В Красноуфимском и Осинском уездах Пермской губернии мусульманское влияние на язычников усиливалось экономическими условиями: «они были вынуждены арендовать землю у башкир» [6, д. 28, л. 3 об]. Боязнь остаться без земли подталкивала к принятию веры состоятельных соседей.

Особый характер носила деятельность церковных братств, которая насаждалась, в основном, на окраинах государства. К началу XX века братства имели до 200 штатных миссионеров, проводили свои съезды, вели православные миссии. Тем не менее, количество обращенных ими к этому времени не превышало 3 тысячи человек [7, с.453]. Например, в Екатеринбургской епархии Православное Миссионерское общество содержало 4 школы, тип которых был выработан Н.И. Ильминским [4, с. 481].

После 1905 года миссионерская деятельность столкнулась с большими трудностями. Изданные правительством указы 1905 г. привели в Поволжье и Сибири к возвращению многих новокрещеных в язычество и ислам. При этом ощущалась сильная нехватка миссионеров, готовых трудиться на окраинах Российской империи [4, с. 482]. В Сибири на первый план выступают церковное строительство, подготовка пастырей и увеличение числа приходов и школ.

В 1907 году предполагалось провести церковный Всероссийский Собор, но это событие не состоялось. В этом же году было образовано Особое совещание по миссионерским делам, которое планировалось реорганизовать в Миссионерский синодальный совет (его фактическое открытие состоялось в 1915 году).

Как альтернатива усилению ислама в крае разворачивается активная противомусульманская пропаганда православных миссионеров, учреждение ильминских школ, распространение православной литературы [3, с.42].

После обнародования Манифеста Николая II «Об укреплении веротерпимости» 1905 года религиозная пропаганда ислама усилилась, началось массовое отпадение в магометанство. Несмотря на все усилия церкви по ослаблению влияния ислама в Пермской губернии Русской Православной церкви не удалось добиться возвращения в православие основной массы «отпавших», прекратить процесс исламизации местных народов.

Литература

1. Устройство, состояние и деятельность современной внутренней миссии отечественной церкви // Миссионерское обозрение. 1898 Июль–Август. С. 1070-1080.
2. Церковные ведомости. СПб, Синодальная типография, 1888. №39.
3. Русское православие: веки истории / Науч. Ред. А.И. Клибанов. – М., 1989.
4. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
5. Государственный архив Пермской области (ГАПО).
6. ГАПО. Ф. 199. Оп. 1.
7. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России. М.: Институт наследия, 1996.

КОАЛИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ БРАЗИЛИИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

*Черняев Андрей Алексеевич,
студент исторического факультета
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
Chernyaev.A.A@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу политики Партии трудящихся в области формирования коалиций в рамках партийной системы современной Бразилии.

Ключевые слова: Партия трудящихся; партии Бразилии; история Бразилии; Луис Инасиу Лула да Силва; политические коалиции.

THE COALITION POLITICS OF THE WORKERS' PARTY OF BRAZIL IN THE LATE XX – EARLY XXI CENTURIES

*Chernyaev Andrey Alekseevich
student of the Historical Faculty, Vologda State University
Vologda, Russia
Chernyaev.A.A@mail.ru*

Abstract. The article is dedicated to the politics of the Worker's party in forming of coalitions within Brazilian party system. Current situation of the problem is observed.

Keywords: Workers' party; parties of Brazil; Brazil's history; Luiz Inacio Lula da Silva; political coalitions.

В 1979 г. в условиях либерализации «Военного режима» (1964–1985 гг.), начавшегося с середины 1970-х г., на базе народного движения зародилась Партия трудящихся (далее – ПТ). Сегодня она является главенствующей политической силой в Бразилии – начиная с 2002 г., на должности президента страны находятся её члены [1], а в нижней палате Конгресса ПТ лидирует по количеству мест. Данное положение партии не позволяет ей править единолично, т.к. общее количество мест у ПТ в парламенте составляет 11,5 % [2]. Таким образом, для эффективного функционирования исполнительной власти и обеспечения её поддержки в парламенте,

ПТ вынуждена формировать вокруг себя коалицию из партий различного спектра. Данное положение складывалось постепенно, начиная с середины 1980-х гг.

После падения «Военного режима» в 1985 г. и перехода к демократии ПТ оказалась в оппозиционном лагере, в связи с тем, что к власти пришла коалиция «Демократический союз», состоявшая из левоцентристской Партии бразильского демократического движения (далее – ПБДД) и правой Партии либерального фронта (далее – ПЛФ) [3, с. 150]. В это время ПТ принимает активное участие в избирательных кампаниях. Партийное руководство игнорировало факт, что однопартийцы, которые уже находились у власти, не смогут провести революцию в управляемых ими городах и направить все средства на нужды обездоленных, без поддержки в парламенте [3, с. 151].

В 1989 г. прошли первые прямые президентские выборы. От ПТ был выдвинут лидер партии – Лула да Силва. Тогда во второй тур вышли Фернанду Коллор ди Меллу – лидер Партии национальной реконструкции (далее – ПНР) – и Лула да Силва. Кандидат от ПНР представил неолиберальную программу, а ПТ, напротив, предусматривала жесткий государственный контроль. На стороне Лулы оказались левоцентристские партии: ПБДД, Партия бразильской социал-демократии (далее – ПБСД) и левая Демократическая трабальистская партия (далее – ДТП) [3, с. 152].

В 1994 г. вновь состоялись выборы президента Бразилии. На них развернулась уже борьба между лидером ПБСД Ф. Кардозу и Л. Лулой да Силвой. На тот момент социал-демократы вышли из коалиции с ПТ и в идеологическом плане сдвинулись к центру, выступая за неолиберальную политику, которая пользовалась поддержкой в народе. Таким образом, Лула вновь не победил на выборах, после чего встал во главе левой оппозиции, которая критиковала реформы Кардозу, обвиняя его в воплощении крайней неолиберальной модели. В период правления Кардозу была проведена президентская реформа, после которой президент мог избираться на второй срок. Таким образом, на следующих выборах в 1998 г. данная коалиция вновь выступает против Кардозу и выдвигает Лулу как единственного кандидата от левых. Левые выступали под своими традиционными лозунгами: усиление государства в экономике, гарантии социальных благ, расширение демократии [4, с. 54].

В 2002 г. Лула да Силва в ходе президентской предвыборной кампании заявил, что руководство, которое придёт к власти после выборов, будет строиться на основе политических коалиций. Лула выиграл президентские выборы, но ПТ не смогла заручиться поддержкой большинства населения, в отличие от её соперников – ПБСД и ПБДД, которые получили поддержку

в 50% штатов, что заставляло ПТ задумываться о союзе с одной из них [5, с. 581].

При рассмотрении союзников ПТ необходимо было учитывать расстановку сил, так как партии в Бразилии имеют рыхлую партийную дисциплину. Частные интересы партийной группировки или отделения преобладают над общепартийными, поэтому многие члены партии голосуют независимо от неё [4, с. 63]. Так складывается ситуация, когда правящая коалиция не получает стабильного большинства, что мешает прохождению законов. Поэтому главная проблема, которая появилась после выборов у ПТ – это формирование большинства в конгрессе. В первом туре партия смогла заручиться поддержкой традиционно левых сил, но у них была слабая социальная база, поэтому ПТ приходилось идти на союз с умеренными правыми и центристскими силами. Партия трудящихся создала коалицию с Либеральной партией (далее – ЛП), представитель которой был избран вице-президентом. Союз объясняется тем, что ЛП выступала против крайнего варианта неолиберализма и за увеличение роли государства в управлении и обеспечении социальных благ. В её программе были пункты поддержки национальной промышленности и сельского хозяйства [4, с. 63]. На этом этапе ПТ правит и формируется система коалиций, где левые сосуществуют с правыми, а правые с левыми.

Огромную роль в создании большинства в парламенте сыграло объединение с ПБДД. Обсуждение о совместной поддержке друг друга шло напряженно, ведь ПБДД входила в альянс при предыдущем правительстве, за что подвергалась критике [4, с. 65]. Также многие члены партии на выборах 2002 г. поддержали кандидата от ПБСД. Но, тем не менее, часть членов ПБДД не говорила окончательное «нет» поддержке ПТ. Ж. Сарней – президент Бразилии в 1985–1990 гг. и один из лидеров ПБДД – заявил, что возможно ПТ получит поддержку [4, с. 65]. Все решилось после выборов, в результате которых Ж. Сарней стал председателем Сената, а многие члены ПБДД получили посты министров. Все последующие годы партии шли вместе.

Хотя ПТ и относилась к левому течению, но она не смогла заручиться поддержкой левых ПБСД и ДТП. Программа ПБСД отличалась требованиями децентрализации, усиления рыночной экономики с помощью неолиберальных реформ, а ПТ хотела сильную государственную власть. Также ПТ резко критиковала политику Ф. Кардозу, а, следовательно, и его приемника Ж. Серру. А что касается отношения с ДТП, они были испорчены в связи с тем, что ПТ продолжило неолиберальный курс предыдущего президента, хотя лидер ДТП Л. Бризола активно поддерживал Лулу на выборах с 1989 г. [4, с. 66].

Позже коалиционные блоки сохраняли свое существование и на выборах 2006, 2010, 2014 гг., частично изменяясь и расширяясь. Так, можно заметить, что на выборах президента 2006 г. коалиция, выдвигавшая президента, состояла из 3 партий, в 2010 г. – 9, а в 2014 – 15 [1]. Все это позволяло ПТ укрепиться в парламенте, получить поддержку в различных слоях электората.

Коалиционная конструкция, сформировавшаяся вокруг ПТ в годы правления Лулы, продолжала действовать до недавнего времени. Сейчас правящая партийная коалиция, в связи с политическим кризисом, разваливается. В марте – апреле 2016 г. из коалиции вышли центристские и правые партии: Республиканская партия, ПБДД и Прогрессивная партия. Вероятно, это связано с тем, что данные партии не хотят портить свой имидж, ассоциировать себя с политикой, проводимой правительством и скандалами перед выборами. Поэтому в текущих условиях политической нестабильности ПТ смогла сохранить поддержку только левых, которые ближе в идеологическом плане. Таким образом, ПТ все еще имеет большое влияние, но она должна поменять свою политику, если она хочет остаться у власти.

Литература

1. Republica Federativa do Brasil Resultados Eleitorais. [Электронный ресурс]. URL: <http://pdba.georgetown.edu/Elecdata/Brazil/brazil.html> (дата обращения: 05.05.2016).
2. Liderancas e Bancadas. [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.camara.leg.br/deputados/liderancas-e-bancadas> (дата обращения: 05.05.2016).
3. Ивановский З.В. Бразилия: поставторитарное развитие и партия трудящихся // *Латиноамериканский исторический альманах*. 2015. Т. 15. С. 145-174.
4. Ивановский З.В. Бразильской партии трудящихся – четверть века // *Латинская Америка*. 2005. №5. С. 53-72.
5. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.-2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФАКТОР В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

*Мамедов Рамиль Сархад оглы,
студент 3 курса исторического факультета
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
mamedov.rs@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы взаимодействия России и Турции в зоне Черноморских проливов, рассматривается их влияние на российско-турецкие отношения.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения; черноморские проливы; Россия; Турция; НАТО.

BLACK SEA FACTOR IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS ENDING XX – BEGINNING XXI CENTURIES

*Ramil Mamedov
student of the Historical Faculty
Vologda State University
Vologda, Russia
mamedov.rs@mail.ru*

Abstract. This paper analyzes the problematic issues of interaction between Russia and Turkey in the area of the Black Sea straits, considered their impact on Russian-Turkish relations.

Keywords: Russian-Turkish relations; Black Sea straits; Russia; Turkey; NATO.

Черноморские проливы на протяжении 300 лет были причиной споров и конфликтов между Россией и Турцией. Кризис, который наступил в российско-турецких отношениях, заставляет вновь обратиться к данной проблеме. Сегодня режим Черноморских проливов базируется на Конвенции Монтре 1936 г. Незаработанность и противоречивость ряда статей Конвенции позволяют Турции достаточно широко трактовать свои полномочия [1, с.140]. В связи с этим, рассматривая черноморскую проблематику в российско-турецких отношениях, следует выделить следующие направления: вопросы торгового судоходства через Проливы, военные аспекты режима Босфора и Дарданелл и вопросы безопасности Черноморского региона.

В 1952–1992 гг. в зоне Проливов и Мраморного моря было зафиксировано 444 аварии. В 1994 г. произошли две крупные катастрофы: авария российского танкера «Нассия», шедшего из Новороссийска, и столкновение кипрского сухогруза и танкера «Хакассия» с грузом российской нефти. В результате последней катастрофы Стамбулу и его окрестностям был нанесен крупный экологический ущерб. Положение было также осложнено тем фактом, что в 90-е гг. грузопоток через Проливы резко возрос, что было связано с транзитом товаров из Западной и Центральной Европы. Все это, в итоге, заставило турецкое правительство принять меры, обеспечивающие безопасность движения в зоне Босфора и Дарданелл.

Регламент о судоходстве в зоне Проливов вступил в действие 1 июля 1994 г. Внеся изменения в порядок судоходства через Черноморские проливы, турецкие власти ввели ограничения на свободу прохода через Проливы крупнотоннажных судов. Изменения касались в основном кораблей с опасными грузами (нефтью и нефтепродуктами) и вызвали протест со стороны стран, заинтересованных в свободе судоходства через Проливы и, в первую очередь, со стороны России. В результате переговоров Турция приняла часть российских замечаний. Новый Регламент 1998 г. не предусматривает теперь разрешительного порядка прохода через Проливы крупных нефтеналивных танкеров, облегчает правила судоходства (отмена штрафов и наказаний) и четко исключает порядок прохода военных кораблей из сферы своего действия (ранее положения Регламента применялись ко всем кораблям крупного тоннажа) [2, с.24].

Тем не менее, несмотря на некоторую либерализацию режима прохода через Босфор и Дарданеллы, ряд статей нового Регламента позволял турецким властям приостанавливать и препятствовать прохождению через Проливы тех кораблей, которые не удовлетворяли требованиям экологической безопасности. Это по-прежнему вызывало недовольство российской стороны. Однако в мае 1999 г. Турции удалось заблокировать дальнейшее обсуждение в ММО вопроса о режиме Проливов. На этот раз позиция Турции была поддержана США, которым в связи с войной в Югославии было необходимо сохранить солидарность стран-членов НАТО. В 2000-х гг. Россия сделала еще несколько попыток пересмотреть турецкий Регламент, но они также ни к чему не привели [3, с.32].

При принятии правил судоходства в 1994 и 1998 гг., статьи, касающиеся прохода военных кораблей через Проливы, не затрагивались. Турция была заинтересована в сохранении военного режима Проливов, позволяющего ей достаточно свободно толковать правила прохода военных кораблей. Не допускала ревизии военных статей Конвенции и Россия, не желающая усиления военно-морских сил НАТО в Черноморском регионе. По

этой причине Анкара старается соблюдать постановления военных статей Монтре. Об этом говорит политика Турции на Черном море в период грузино-югоосетинского конфликта и та осторожность, с которой Турция отнеслась к пропуску через Проливы кораблей НАТО в августе – сентябре 2008 г. Несмотря на напряженную геополитическую обстановку в регионе, Турция не позволила странам НАТО усилить свое военное присутствие в Черном море, ограничив пребывание флота альянса в соответствии с Конвенцией Монтре [4, с.49].

В 2006 г., участвуя в средиземноморской программе НАТО «Активные усилия» (организована в 2001 г. для борьбы с терроризмом и пр.), РФ и Турция наложили вето на предложение США о распространении этой программы на Черное море. Причиной этого послужило общее желание двух стран не допустить изменений в положениях Конвенции Монтре и усиления позиций США на Черном море.

О том, что турецкая сторона заинтересована в сохранении военного режима Проливов говорит политика Турции на Черном море во время Крымского кризиса. Реакция турецкого руководства на события в Крыму в феврале – марте 2014 г. была сдержанной и в некоторой мере неопределенной. Несмотря на то, что Анкара не признала результаты референдума, она, как и в 2008 г., не позволила странам НАТО усилить свое военное присутствие в Черном море, ограничив пребывание флота альянса в соответствии с Конвенцией Монтре [5, с.18].

Ситуация с крушением российского Су-24 в ноябре 2015 г. привела к росту напряженности и стала причиной нескольких инцидентов в регионе. Кроме того, обострение российско-турецких отношений в ноябре 2015 г. немедленно подняло вопрос о возможности перекрытия Проливов Анкарой. Россия в настоящее время, помимо торговли, осуществляет через Проливы морские поставки в Сирию, которые имеют особое значение для сил, поддерживающих правительство Асада. Однако, даже если Турция в строгом соответствии с Конвенцией Монтре решит закрыть Проливы из подозрений, что ей угрожает опасность, она должна будет привести международному сообществу веские аргументы, поскольку иначе ее обвинят в грубом нарушении международного права. В связи с этим, следует отметить, что на данный момент угроза закрытия проливов со стороны Турции пока сильно преувеличена.

Таким образом, черноморский фактор занимает особое место в российско-турецких отношениях. Нарастающий грузопоток через Проливы в 90-е гг. вынудил турецкое руководство принять меры для минимизации рисков для своей страны, что, в свою очередь, негативно отразилось на экономических интересах России. В 1998 г. странам удалось найти общие

точки соприкосновения и, учитывая взаимные интересы, достигнуть компромисса. Инциденты с задержаниями российских судов, в которых СМИ зачастую усматривали политические мотивы, имели в большинстве случаев обоснование с точки зрения экологической безопасности. Также, несмотря на то, что Турция является членом НАТО, в военных аспектах режима Босфора и Дарданелл, между нашими странами практически не было разногласий, что ярко проявилось во время обострений в регионе в 2008 и 2014 гг. Также, следует отметить, что за этот период накоплен большой опыт российско-турецкого сотрудничества в рамках черноморских организаций («Блэксифор», «Черноморская гармония», ОЧЭС). Все это позволяет говорить о том, что черноморские проливы стали фактором сплочения в российско-турецких отношениях конца XX – начала XXI вв.

Литература

1. Акгюн М. Черноморские проливы: незримые связи (Мраморноморский университет, Стамбул) // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М.: Крафт, 2003. С. 140-162.
2. Бингол Х. Ф. Россия и Турция: энергия сотрудничества. Взаимодействие в сфере энергетической политики. М.: Политическая мысль, 2010.
3. Белякова Н.С. Черноморский регион во внешнеполитической стратегии Турецкой Республики // Дипломатическая служба. 2014. № 6. С. 30-37.
4. Болдырев А. В. Конвенция Монте в прошлом и настоящем российско-турецких отношений // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М.: Крафт+ / ИВ РАН, 2012. С. 48-54.
5. Белякова Н.С. Крым и российско-турецкие отношения // Обозреватель-Observer. 2015. № 1. С. 17-24.

**ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ:
ЖИВОПИСЬ МИХАИЛА АНЧАРОВА**

*Якушева Людмила Алентиновна,
доцент, кандидат культурологии,
доцент Вологодского государственного университета
г. Вологда, Россия
yla03@yandex.ru*

Аннотация: В апреле 2016 г. в вологодском музее «Литература. Искусство. Век XX» состоялась выставка репродукций картин писателя Михаила Анчарова. По ряду причин М. Анчаров ушел из профессии, оставив живопись в качестве хобби, которое отражало его подлинные творческие устремления. Работы М. Анчарова–художника рассматривается с искусствоведческой точки зрения впервые.

Ключевые слова: Михаил Анчаров, творчество, живопись, искусствоведческий подход

**PORTRAIT ON BACKGROUND OF THE ERA:
PAINTING MICHAEL ANCHAROV**

*Liudmila Alentinovna Yakusheva
Associate Professor, cultural studies PhD
Associate Professor of the Vologda State University
Vologda, Russia
yla03@yandex.ru*

Abstract: In April 2016, Vologda museum "Literature. Art. XX Century" held an exhibition of reproductions of paintings by the writer Michael Ancharov. For several reasons, M. Ancharov left the profession, leaving the painting as a hobby, which reflected his genuine creative aspirations. Works M. Ancharova artist considered from the point of view of art for the first time.

Keywords: Michael Ancharov, creativity, painting, art history approach

Михаил Анчаров (1923–1990) – писатель, сценарист, бард – по роду своей профессиональной выучки был переводчиком и художником. Об этом свидетельствуют факты его биографии: в детстве он посещал детскую изостудию при ВЦСПС, в 1940 г. поступил в Московский архитектурный институт, окончить который ему помешала война: «Демобилизовался я осенью сорок седьмого года. Не отпускали, а я просто смертельно хотел

учиться живописи. По ночам краски снились, стонал»[3]. Обратим внимание, что даже постфактум Михаил Леонидович диагностировал в себе неудержимую, постоянную любовь к живописи. Далее последовало недолгое пребывание во ВГИКЕ на отделении живописи (1948) и, наконец, с 1948 по 1954 – обучение в Московском государственном институте им. В. Сурикова. Перед нами – классический вариант приобретения искомой специальности «станковая живопись» в советскую эпоху. Какой могла быть следующая ступень? Позволим себе небольшое отступление, представив фрагмент типичной творческой биографии послевоенного поколения шестидесятников.

Младший современник М. Анчарова, засл. художник РФ Евгений Соколов (1937 г.р.), после окончания художественного училища в Ярославле, скрываясь от возможных последствий «дезертирства» с места распределения, разрисовывал ящики для одежды в детсадах, работал в новооткрытой художественной мастерской Череповца, где «в основном писали портреты политбюро для демонстраций. <...> Три года занимался соцреализмом для того, чтобы стать членом Союза художников [1]. И действительно, жизненная программа художника того времени вписывалась в схему: распределение, участие в коллективных выставках, получение госзаказа, вступление в творческий Союз для приобретения относительной творческой свободы. Е.Соколов со временем стал официально признанным художником, уйдя от официоза и индустриальной тематики в нейтральный пейзаж. Судьба М. Анчарова сложилась иначе. Он имел право на свободу выбора, оплаченную по счетам военного времени. Как представляется, у него не было идеологической ангажированности и утопических иллюзий (чего стоит данная им корректировка мечты молоденькой студентки Галины Щекиной и его мудрый совет: «Строить коммунизм не в стране, а в отдельно взятом человеке»), при этом мера личной ответственности за результат у этого человека была очень высока.

С 1966 г. Михаил Анчаров стал членом другого союза – Союза писателей СССР. Что помешало ему в полной мере реализовать себя в живописи? Являются ли признание критиков и персональные выставки мерилем таланта художника? Состоялся ли Анчаров–художник? Эти и другие вопросы возникают при погружении в анчаровскую живописную Атлантиду.

У каждого большого художника есть свое программное произведение, картина – напутствие, предостережение, завещание. Та, по которой вспоминают, судят, та, на которую откликаются первой ассоциацией с именем. У М. Анчарова все важное, значимое и лично пережитое было заявлено решительно и сразу ранней работой «Леонардо» (1947). Действие картины происходит в мастерской. По сюжету это разговор художников разных времен – Леонардо и Анчарова. Старший из них, словно сошедший с рисунка-автопортрета эпохи Возрождения – седеющий, дряхлый старик, с

огромными длинными пальцами, пышной бородой и пристальным, скорбным взглядом. Властным жестом он поворачивает/приближает к себе холст в подрамнике, упираясь другой рукой в подлокотник деревянного кресла. В этой фигуре все балансирует на грани: сила и немощь, дух и телесное, ускользающее и основательное. Из-за плеча художника выступает другая фигура. Молодой красавец в военной форме, с неподдельным интересом (восхищением?) следящий за мастером. Между участниками сцены нет прямого диалога, но в том, как рифмуются их позы, читается единение и расположение.

Многие великие художники собственному появлению на портретах уделяли особое внимание. Рубенс предьявлял себя зрителям в качестве галантного кавалера. Роскошь, богатство, окружение – все это выдавало его высокий статус, положение придворного художника. Он всегда запечатлевал себя в роскошных шляпах, лишь однажды обнажив голову во время философской беседы (картина «Четыре философа»). Веласкес только единожды написал самого себя. И это – его великая картина «Менины», где он предстал в своем высшем предназначении – в мастерской художника, за своим любимым занятием.

В анализируемой картине «Леонардо» Анчаров – персонаж наблюдает, созерцает, беседует. Он не участвует в непосредственном создании картины. Он стоит чуть в стороне от своего собеседника, кумира, учителя. Что скрыто в этом символическом знаке? То, что Леонардо – не достижим? Наверное. Одно мы можем сказать точно: это была сознательно выбранная величина, мерило и мера ответственности за результат. (Из воспоминаний «суриковца» (выпуск 1951 г.), академика живописи В. Карбакова : «Вырвав листок из альбома <...> написали такое послание: Люди, знайте, сильнее нас никто Врубеля, Серова, Коровина не любит. Подписались: Корбаков, Баскаков. Свернули наше письмо трубочкой, опустили в пустую бутылку, крепко закупорили и зарыли под корнями ивы. Спустя 5 лет мы вновь приехали в Абрамцево, нашли наше спрятанное письмо, <...> прочитали и обрадовались. Долго это письмо хранилось у меня» [4, с. 15]). Вот так безапелляционно, раз и навсегда присягнув классике, начинало свой путь послевоенное поколение художников.

Другим увлечением Михаила Анчарова – человека и художника – были женщины. В его частной биографии «женская тема» претендовала скорее на романную прозу, нежели на воплощение на полотне советского художника. Уж очень естественны и прекрасны его героини в своих мимолетных состояниях сна, ожидания, полуулыбки. И, как в эпоху Возрождения, все они схожи с каким-то одним идеальным образом. Реальные женщины этот выбор предопределяли, дополняли, и, подчас исключали. Татьяна Сельвинская (дочь известного поэта) поспособствовала смене вуза и направлению художественного развития, Джоя Афиногенова (дочь американской

танцовщицы и советского драматурга) утвердила Анчарова в статусе представителя советской элиты (квартира в центре Москвы, благословление на брак от А. Фадеева). Речь идет о пятнадцатилетнем времени «романтических случайностей» (1947–1963), которое ознаменовалось взлетами (вроде знакомства с Джоей во время «велосипедной аварии») и очередным разрывом-расставанием. Эта непростая жизненная мелодрама Анчарова отсылает аллюзиями к другим историям, в которых женщины выделяли из толпы их обладателя, вроде биографической триады Сергея Есенина (красавица З. Райх, знаменитость А. Дункан, С. Толстая – внучка Льва Николаевича). К сожалению, выбор между женщинами и творчеством не всегда был оправдан в судьбе художника, вызывая физические и душевные скитания. Но как знать? Нужно ли знать?

На картинах М. Анчарова Джоя Афиногенова возвышенна и совершенна. Для нее художник избирает рембрандтовскую мягкость освещения («Обнаженная-1»), жесткую эскизность экспрессионистов («Портрет Джои Афиногеновой-2») и чуть влажный «ренуаровский взгляд» («Портрет Джои Афиногеновой-1»). Откровенно-чувственная нагота Джои («Обнаженная – 1») прекрасна теплотой и мягкостью светотеневого освещения. Стоит сравнить изображения с фотографиями, чтобы ощутить ту одухотворенность, которой наделял художник свою натурщицу и возлюбленную. Все другие женские портреты – от сольных («Портрета мамы», «Портрета старушки») до ансамблевого «Разговора» – взаимодополняемы, объединены, как уже отмечалось выше, едва уловимым образом-идеалом с его мягкостью человеческой повадки и тягучестью линий воплощения.

Знакомясь с работами Анчарова-художника понимаешь, как изменилось время, как изменились мы сами, и что остается спасительно отрадным, благодаря его творчеству. Находясь в идеологически заданном пространстве ожидания светлого будущего с убогим коммунальным настоящим, художник искал проявления индивидуальности. Личность интересовала его прежде всего остального. Художник пристально всматривался в чужие лица и еще чаще – в свое. В произведениях М. Анчарова человек предельно конкретно выражен в своих мыслях и плоти. Он центричен, статуарен и не суетлив (красивы повороты головы, позы, жесты). Это не персонаж, почти всегда – герой, как бы пафосно это не звучало, останавливающий взгляд и внешней самодостаточностью, и глубиной внутреннего, сущностного проявления личности. Анчарову-художнику важен и человек, и то, что находится рядом с ним, на что он смотрит, что осязает. Обычные книжные полки в сочетании с каким-то невероятным вихрем акварельно-радостных пятен радуют взгляд, ни на что не претендуя («Акварель»). Окно, футбольные ворота, шкатулка (см. работы с одноименными названиями) у Анчарова не менее портретны, чем люди, которые на его картинах все же преобладают.

М. Анчаров – реалист, предпочитающий новизне приема «масштабирование детали». Он лепит мазком форму (дань экспрессионизму), в его портретах отсутствуют валёры, переходы (примером здесь могут быть автопортреты, портреты брата и матери). В городских сценах, напротив, художник более свободен в работе с фактурой и материалом. Фантазийность образов и впечатлений находит отражение в эскизности и импрессионистичности. Фигуры влюбленных истончаются («Гуляющие - 1», «Гуляющие-2»), становятся почти по-шагаловски бесплотными. В этих картинах несколько мрачноватый урбанистический фон жизни существует сам по себе, не нарушая гармонию мира камерного, закрытого от посторонних, оттого предельно светлого и эмоционально-приподнятого.

Картины М. Анчарова литературны. В них есть «короткое замыкание» изменившихся состояний, драматургичность остановившегося кадра. «Разговор» передает зрителю недоверчивое ворчание старшей и кокетливое уклонение от вопросов младшей собеседницы, картина «Елка» кажется иронично-намеренной: мать вдохновлено что-то читает старшим детям, в это время младшая девочка залиvisto смеется. Несмотря на контраст реакции, комната светлая, просторная. Чувствуется уют дома и оеобая атмосфера праздника. само представление о котором рождалась в моем зрительском сознании картинами, взятыми из какого-то букваря простых жизненных ценностей.

В целом, при просмотре картин Анчарова складывается впечатление, что художник избегал показного приема, эффектной живописной метафоры, настаивая на уникальности того, что происходит рядом, в ритме повседневности, скоротечности будней. Прописное, знакомое до банальности, получает у него право на существование в жизни, а вслед за этим – в искусстве, а значит, на какой-то срок и в вечности. Кто же он, художник-шестидесятник, при всей сюжетной простоте (мир людей) со всей страстью расплескивающий свои эмоции на картоне, бумаге, реже – холсте? С уверенностью можно сказать: талант, обладающий способностью улавливать всполохи случайного, и запечатлевший значимое в масштабе отдельной человеческой личности – каждый раз неповторимой и уникальной.

Литература

1. Евгений Соколов: Беседа с художником Андрея Кульбы [Электронный ресурс] // А. Кульба. <http://www.neskuch.ru/index.php?issue=13&ion=10009&article=790&print=1>
2. Михаил Анчаров: картинная галерея [Электронный ресурс] <http://ancharov.lib.ru/PICTURE/galereya.htm>
3. Михаил Леонидович Анчаров: подготовка текста Андрея Гончарова [Электронный ресурс] // Чтобы помнили <http://chtoby-pomnili.com/page.php?id=192>
4. Николай Баскаков: Альбом. Автор-составитель Г. Дементьева. Галерея «Красный мост» // Г. Дементьева. – Вологда: Полиграф-Книга. – 2008. – 111 с.

Секция № 5

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ»

УДК 94(47)

НОВАЯ ЭЛИТА В БЕЛОЗЕРЬЕ В XV – НАЧАЛЕ XVI В.*

*Грязнов Анатолий Леонидович,
научный сотрудник НП НИЦ «Древности»
г. Вологда, Россия
rubicon-2@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются источники пополнения региональной элиты в период существования Белозерского княжества.

Ключевые слова: элита; Белозерье; акты.

**THE NEW ELITE BELOZERYE IN THE XV – BEGINNING
OF XVI CENTURY**

*Gryaznov Anatoly Leonidovich
Non-commercial partnership "Research Center
"Drevnosti" ("The antiquities")
Vologda, Russia
rubicon-2@yandex.ru*

Abstract. The article examines the sources of replenishment of the regional elite in the period of the Belozersk principality.

Keywords: elite; Belozerye; acts.

Процесс формирования региональных элит в средневековой Руси относительно слабо отражен в источниках. Для Древнерусского периода фактически мы можем говорить только о персональном составе высшей прослойки общества – боярства. Имена бояр фиксируются летописями, а часть бояр XIV в. можно связать с позднейшими боярскими родами XV–XVI вв. К этим же древним боярским родам возводило свое происхождение и зна-

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФНФ № 16-11-35002.

чительное число дворянских родов XV–XVI вв. Эти люди составляли ближний круг княжеских советников и ядро армии. Служба их была наследственной и место в обществе каждой отдельной персоналии вполне определено еще при рождении. Конечно, личные способности или удача помогали занять более высокое место в окружении князя, однако, происхождение гораздо чаще играло решающую роль [1; 2].

Тем не менее, нельзя исключать, что место в системе управления мог занять и человек незнатного происхождения. Другое дело, что из-за лапидарности источников XV, а особенно XIV в., мы практически никогда не можем быть уверены, что появление в источниках той или иной персоналии связано именно с ее возвышением, а отсутствие упоминаний его предков не вызвано утратой источников. Уникальным в этом отношении является Белозерье, к территории которого относятся почти 400 сохранившихся текстуально актов XIV – начала XVI в. Это самое большое количество для всех регионов Северо-Восточной Руси. Еще большее число сохранившихся актов относится к XVI в. Практически все из них касаются сферы землевладения и дают наглядную, а в ряде случаев и детальную картину развития не только монастырского, но и светского землевладения. Благодаря этому мы можем проследить генеалогию и землевладение не только местных князей [3, с.410-430] и боярства, но выявить ряд новых фамилий, возвышение которых приходится на XV – начало XVI в.

Виднейшим боярским родом на Белоозере был род Монастыревых, представители которого в XV и XVI вв. являлись самыми крупными белоозерскими землевладельцами после собственно белоозерских князей. Благодаря этому они занимали ведущие позиции в управлении Белозерьем при дворе белоозерских князей Андрея Дмитриевича и Михаила Андреевича [4, с.169-176; 1, с.374-396; 5, с.29-31,50]. Соседями Монастыревых были Лихаревы, владения которых тоже достигали значительных размеров. Самое раннее упоминание Лихаревых относится к первой четверти XV в. [4, с.176-177]. К выходцам из боярской среды относились такие белоозерские фамилии XVI в., как Горбовы, Онтонидины и Медведевы. Их предки действовали в 1360-70-х гг. и принадлежали к боярскому сословию еще при белоозерском князе Федоре Романовиче [6, с.38-47]. В середине XVI в. представители этих фамилий продолжали владеть своими родовыми вотчинами и составляли среднюю прослойку белоозерских вотчинников. Представители всех этих фамилий постоянно встречаются в источниках и без особого труда можно проследить их родственные связи. Тем не менее, во второй половине XV в. – первой половине XVI в. среди землевладельцев и администраторов встречаются новые фамилии.

Самым выразительным примером возвышения является фамилия Гневашевых. В первой половине – середине XVI в. представители этой фамилии занимали ведущие позиции – в управлении Белозерским уездом. На протяжении многих лет представители рода занимали различные должности в местном управлении, были городскими приказчиками, судьей, дворским, губным старостой. Многократно привлекаются в качестве послухов при различных земельных операциях на территории уезда. В середине XVI в. вотчины Гневашевых локализируются по берегам среднего течения Шексны, крупная вотчина им принадлежала в ближайшей округе Белоозера – в Заболотской волости и село Куность на южном берегу Белого озера [7, с.52-63].

Основатель рода Гневашевых Михаил Гневаш Микулин сын Стогинина в 1500/01 г. купил вотчину в Вашпане у потомка белозерских бояр Андрея Григорьева сына Степанова. Брат Михаила Гневаша Михаил Губа владел в Череповской волости куплей своего отца Микулы. Еще раньше, в 1493 г. братья Михаил Гневаш и Михаил Губа претендовали на вотчину в Южской волости, заявляя, что эту вотчину они получили от своего деда Ивана Щоки (возможно, эта вотчина была приданым их матери, иначе бы она должна была бы перейти к ним от отца). Отец братьев Микула Стогинин упоминается как посельский князя Михаила Андреевича на Ирдме. На примере этой семьи мы можем видеть, как княжеский управляющий пополняет свой земельный фонд с помощью покупок, а его дети продолжают приобретения. Удачной оказалась стратегия Гневашевых, направленная не на службу при великокняжеском дворе, а на занятие должностей в местном управлении.

Основатель другого известного белозерского рода – Афансий Внуков был посельским на Вогнеме княгини Елены, жены белозерского князя Михаила Андреевича. Позднее Афанасий переходит на службу уже к самому Михаилу Андреевичу и становится одним из его приближенных. В одном из актов Афанасия называют слугой князя Михаила Андреевича. Близость к князю самым благотворным образом сказалась на благосостоянии Афанасия. Сначала он купил половину Ворбозома, а затем обменял ее на Липник Боярский и Марозеро. Получив эти земли, Афанасий смог выиграть суд у местных землевладельцев Горбовых. Часть своих вотчин Афанасий передал Кирилло-Белозерскому монастырю, постриженником которого он стал. Сын Афанасия Алеша (Александр) Внуков получил в приданое жеребий Ухтомы, а значит, породнился с местным боярским родом Ильиных. Свою долю Ухтомы Алеша Внуков променял князю Михаилу Андреевичу на вотчину в Карголоме. Этой вотчиной вплоть до 1567 г. продолжали владеть его сын и внуки. Таким образом, этот род, как и Гневашевы, сохранил свои вотчины до опричнины и вошел в число заметных феодальных семейств региона [4, с.179].

Еще один пример перехода из слоев администраторов в разряд землевладельцев мы видим на примере Есипа Пикина. В первой трети XV в. он был тиуном белозерского наместника князя Юрия Васильевича Белосельского. Затем, по рассказам старожильцев, Есип перешел на службу к белозерскому князю Андрею Дмитриевичу и стал жить при его дворе, т.е. стал приближенным князя. Князь пожаловал Есипу одну древнюю, затем бывший тиун купил еще одну, потом поставил починок с половниками, а затем начал освоение близлежащих земель. Так, через пару десятилетий возникла целая волость Колкач, целиком принадлежавшая бывшему княжескому слуге и получившая от князя судебный иммунитет. Эту вотчину Есип завещал своим сыновьям и жене. Правда ее большая часть через некоторое время перешла в Кирилло-Белозерский монастырь, но потомки Есипа упоминаются вплоть до конца XV в.

В одной из грамот упоминается еще один посельский князь Михаила Андреевича – Костя Бирилев. Позднее он стал кирилловским старцем Касьяном Бирилевым. И в этом случае мы наблюдаем появление личных земельных владений. Очень вероятно, что близким родственником Кости Бирилева был Михаил Бирилев, который обоярил черносошные земли в Лоскомской волости Вологодского уезда, а затем перебрался на поместье в Новгород. В Городском стане Вологодского уезда было село Бирилевское.

Приведенные выше примеры показывают как «в люди» выбивались приближенные князя, занятые в княжеском хозяйстве. Но источники дают еще одно уникальное свидетельство, показывающее, что такой путь был не единственным. В конце XV в. вотчиной вблизи Кирилло-Белозерского монастыря владели братья Алешка и Гридя Маурины. Одна линия их потомков сохранила фамилию Маурины, а другая получила фамилию Зайцевы. Это были землевладельцы средней руки, владевшие родовыми вотчинами вплоть до опричнины. Акты первой половины XV в. раскрывают происхождение этой семьи. Оказывается, отцом братьев Мауриных был Никита Андреев сын Каргободский, а дедом Андрей Кормилицын, владения которых располагались не только в районе села Маурина, но и в соседнем Каргободе, на правом берегу Шексны вблизи вотчин Монастыревых и, даже, в расположенной на северном берегу Белого озера Киснеме. Андрей Кормилицын участвует в земельных операциях с белозерским князем Андреем Дмитриевичем, и получает судебный и финансовый иммунитет на свою киснемскую вотчину, т.е. становится привилегированным землевладельцем. Именно с приобретением киснемской вотчины связана одна очень важная деталь. Эту вотчину в конце XIV в. приобрела мать Андрея Кормилицына Офимья. Здесь мы видим самое раннее свидетельство земельной сделки, совершенной женщиной. Весь комплекс сведений о семье Корми-

лицыных (основной массив вотчин Андрея Кормилицына и его сына Никиты располагался в Федосьином Городке, на территории вдовьего удела белозерской княгини Федосьи, сам Андрей носит прозвище Кормилицын, т.е. сын кормилицы, а жил он в конце XIV – первой четверти XV в. (умер еще при жизни князя Андрея Дмитриевича, т.е. до 1432 г.)) свидетельствует, что эта семья была связана с белозерской княгиней Федосьей, а Андрей Кормилицын был ровесником княжича Ивана Федоровича, погибшего вместе с отцом в Куликовской битве. Это делает очень вероятным предположение о том, что Офимья была кормилицей княжича Ивана Федоровича, а Андрей Кормилицын – его молочным братом. Отсюда и довольно необычное прозвище Андрея и крепкая связь его семьи с Федосьиным Городком. Каких-либо высоких должностей при новой княжеской династии Кормилицыны уже не занимали, но сохранили свои земельные владения в Федосьином Городке и статус землевладельцев.

История этих семей показывает, насколько сильно близость к князю того или иного лица могла повлиять на дальнейшие успехи нескольких поколений его потомков. Значительную часть прослойки служилых землевладельцев средней руки составляли выходцы из среды дворцового управления и личного княжеского хозяйства. Но, на примере Белозерья мы можем выявить тенденцию, при которой роль близости к князю со временем ослабевала, а увеличивалось влияние выходцев из среды дворцового управления. Для конца XIV – первой половины XV в. среди «новых людей» мы видим княжеских приближенных: Офимья и Андрей Кормилицын – княгини Федосьи, Есип Пикин – жил во дворе князя Андрея Дмитриевича. Вторая половина XV в. выдвигает на первый план посельских – Микулу Стогинина и Касьяна Бирилева. Афанасий Внуков, действовавший в середине XV в., захватил обе эти тенденции, был и посельским и приближенным князя. Возможно, выявленная тенденция свидетельствует о росте значения личного княжеского хозяйства во второй половине XV в. Это же мы видим по духовной грамоте князя Михаила Андреевича, который расширил свои дворцовые владения за счет приобретения боярских сел.

Литература

1. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
2. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
3. Грязнов А.Л. Белозерские Рюриковичи в XV – начале XVI в. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Материалы международной научной конференции «Иван III и истоки российской государственности». СПб., 2006.

4. Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. М.:Л., 1951.

5. Грязнов А.Л. Двор Верейско-Белозерских князей в 1389-1486 гг. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 4.

6. Грязнов А.Л. Купчая Павла Харитоновна: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №2.

7. Гневашев Д. Е. Белозерский род Гневашевых-Стогининых в XV – XVII вв. // Кириллов. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2001.

УДК 94(47)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОРГОВЫХ ИНОЗЕМЦАХ В ВОЛОГДЕ В XVII ВЕКЕ

Черкасова Марина Сергеевна,

профессор, кафедра теории, истории культуры и этнологии,

Вологодский государственный университет,

доктор исторических наук, профессор,

г. Вологда, Россия

mscherkasova@mail.ru

Аннотация: В статье приведены новые факты о деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII в. Информация выявлена в документах Гос. архива Вологодской области, не введенных ещё в научный оборот. Она характеризует взаимодействие европейских и местных купцов в сфере торговли, финансов и кредита. Указано также на контакты иностранных купцов с Вологодским архиерейским домом.

Ключевые слова: Россия; Европа; Вологда; иностранные и русские купцы.

NEW DATA ON TRADE MERCHANTS IN VOLOGDA IN THE SEVENTEENTH CENTURY

Cherkasova Marina Sergeevna

Professor, Department of Theory, Culture history and Ethnology,

Vologda State University, doctor of historical sciences, professor

Vologda, Russia

mscherkasova@mail.ru

Abstract. This article discusses the new facts about the activities of trade in Vologda in foreigners in XVII-th century. Information was revealed in

documents from the State archive of the Vologda region, not even entered into scientific circulation. It characterizes the interaction of European and local merchants in the area of trade, finance and credit. Also includes information about contacts of the foreign merchants with Vologda's archbishop Home.

Keywords: Russia; Europe, Vologda; Foreign and Russian merchants.

За последние 15-20 лет заметно активизировалась разработка вопросов о деятельности торговых иноземцев (главным образом выходцев из Западной Европы) на русском рынке в XVII – первой четверти XVIII в. В ходе её тесно взаимодействовали зарубежные и отечественные купцы в торгово-промышленной и кредитной областях. Проблема плодотворно рассматривается как в общероссийском [6; 7; 9; 10], так и в региональном плане [1, с.22-37; 8, с.97-132]. Авторов интересуют не только социально-экономические, но и правовые, социокультурные её аспекты. [11, с.213-222; 14, с.327-339]. При этом возможности расширения документальной базы федеральных и региональных архивохранилищ для дальнейшего изучения этих сюжетов ещё далеко не исчерпаны. Об этом свидетельствует недавняя находка А.Л.Грязновым таможенной выписи 1662/63 г. [4, с.368-380; 5, с.76-85].

В предлагаемой статье приведены новые факты о предпринимательской деятельности иностранных купцов в Вологде, почерпнутые из документов двух видов: 1) актовых источников из Коллекции столбцов в ГАВО и 2) приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома. Укажем на грамоту царя Фёдора Алексеевича от июня 1680 г. вологодским воеводе И.М. Колычеву и дьяку В. Андрееву. В ней речь шла о челобитной, поданной в 1678 г. голландским купцом Юстром Ивановым, представлявшим интересы своей тещи, голландской вдовы Марии Виниус, на торгового человека из Вологды И.В.Комарова в невозвращении им долга ей по заёмной кабале в 688 руб. [2, оп.8. № 338]. На суде в Посольском приказе И.В. Комаров признавался, что он «оскудал и одолжал» из-за утонувших в Двине своих товаров и «от торговых больших накладов». Согласно тогдашним русским законам, И.В. Комаров как неоплатный должник был отдан со своей семьёй Юстру Иванову «в зажив головою», то есть в полную личную зависимость для отработки суммы долга. Одновременно всё его имущество на Вологде (дворы, лавки, товары и прочие «животы»), оценённые «лучшими» (наиболее состоятельными) посадскими людьми, также должны быть отданы иноземцу в уплату долга.

И.В. Комаров был не единственным из торговых вологжан, кто отказался должником Марии Виниус, сестры известного в России голландского предпринимателя Андрея Андреевича Виниуса и жены голландского купца

Владимира Иванова. Крупнейший вологодский гость Г.М. Фетиев занял у него крупную сумму в 800 руб. Интересы Вл. Иванова в Посольском приказе и представлял как раз А.А. Виниус. Часть долга Фетиев сумел выплатить ещё при жизни Андрея, а другую часть он рассчитывал погасить передачей А. Виниусу на продажу 40 ведёр вина. После смерти Андрея Фетиеву пришлось иметь дело с его сестрой Марией. В 1674 г. на основании вынесенного в Посольском приказе судебного решения Фетиев выплатил ей 300 руб., а окончательный расчёт между ними был произведён уже незадолго до смерти Фетиева, 28 ноября 1683 г. в Архангельске [13, с.144-145; 2, оп.8. № 298]. Одновременно М.А. Виниус продала («и поступилась») Фетиеву свой двор в Вологде на посаде со всеми хоромами, комплексом хозяйственных и производственных помещений (баня, амбар, колодец, поварня, кожевня), дворовой и огородной землей за 100 руб. [12, № 110]. Прежде он был куплен ею за такую же сумму у старца Спасо-Прилуцкого монастыря Сергия Белоусова, в миру Самсона Лукьянова с., известного в начале 1650-1660-е гг. приказчика и компаньона Фетиева, головы вологодского кружечного двора. Следовательно, некоторые голландские купцы вкладывали капиталы в приобретение городской недвижимости и разных хозяйственных объектов, от которой в случае ненадобности могли избавляться. После пострижения в Спасо-Прилуцком монастыре старец Сергей Белоусов вынужден был занять у Марии Виниус 603,5 руб. на необходимые расходы корпорации. В январе 1680 г. в архиерейском судном приказе она пыталась с него эти деньги взыскать [2, оп.2. № 2271].

Что же касается упомянутого выше И.В.Комарова, то, судя по позднейшим документам, ему удалось-таки выпутаться из долговой кабалы, он стал гостем и в 1690 г. известен как вологодский таможенный голова. В 1690 г. он подал развёрнутую челобитную царям Ивану и Петру Алексеевичам, в которой жаловался на неправомерные действия торговых иноземцев. Дело касалось приобретения и продажи ими такого ценного природного материала, как еловая сера. Они «утайкою, неправдою и подставом» покупали её по дешёвым ценам, не взвешивали на таможене, не записывали вес в «важенных книгах», складировали на «своих немецких дворах», не платили соответствующих пошлин, а затем препровождали к г. Архангельску, намереваясь везти далее за море [2, оп.12. № 10]. Данная челобитная отразила конкурентную борьбу между И.В.Комаровым, взявшим на откуп поставку серы за 6 денег с пуда (с уплатой в казну ефимками) и иноземным купцами (конкретные имена которых не указаны). В челобитной И.Комаров приводил конкретный расчёт государевой прибыли: если бы не нарушалось его право на покупку соли у Архангельска, иноземцы платили бы пошлин 7 алт. 1 ден. с рубля (21,5 коп.), а не 16 коп.

В расходных книгах архиерейской кафедры отражены частые покупки её слугами (при Варламе II, Маркелле) драгоценных тканей на церковные облачения и убранство икон. В 1648 г. у англичанина Венедикта Ульянова было куплено 17 аршин индийской цветной камки «на стихари в соборную церковь и к образом на пелены» и 16 аршин 3 четверти черного атласа и тафты на шубы и рясы [3, кн.7987, л.179-об., 180]. В 1662/63 г. у голландца Михаила Гаврилова было куплено на ризы и ризную утварь в соборную церковь «алтабасу золотного по белой земле», стоимостью 155 серебряных рублей и 8 аршин «бархату травчатого по серебряной земле» за 32 руб. [3, кн.8573, л.179об., 213]. На позолоту иконных окладов, предназначенных к «плодосу государеву» в Москве, и на «сусальное дело» у иноземца Ив. Иванова в 1661/62 г. было куплено 50 золотых монет по 8 руб., всего на 400 руб. [3, кн.8573, л.198]. У иноземных купцов для архиерейского дома в 1663 г. было приобретены «кружева немецкие кованые серебряные», измеряемые в фунтах и золотниках [3, кн.8571, л.119об.]. Для обеспечения оружием своих служилых людей при архиеп. Маркелле в 1663 г. у голландца Вл. Иевлева купили 13 «пар пистолей с ольстрами», а у Мих. Гаврилова – 8 пар [3, кн.8571, л.180об., 190об.].

О дружественных отношениях между архиереями и жившими на Вологде торговыми иноземцами (несмотря на конфессиональные различия) свидетельствуют записи об отнесении им «в почесть», «в поднос» различных продуктов. В октябре 1648 г. архиерейский целовальник отнес «Галанской земли торговому человеку» Петру Деладалу и «аглеченину» В.Ульянову «два гуся да два утенка» [3, кн. 7987.Л.177об., 182об.]. У П.П. Деладала было занято 230 руб., а затем ему же дано взаймы 100 руб., у Ивана Еремеева было взято взаймы 27 руб. [3, кн.7987, л.222, 228об.]. Крупный займ – 500 руб.- был сделан в 1696 г. в Москве архиерейским стряпчим Ив. Сечиным «на домовый расход» у торгового иноземца М.Л. Поппе. Возвращены они были уже в августе 1696 г. его представителю (или компаньону) в Вологде Владимиру Иевлеву, он же Вл. Эвоц, он же ван Гевер, он же Volkert van Iever [3, кн.2930, л.99об.]. В отличие от частных купцов, архиерейская кафедра старалась (и могла) не задерживать иностранцам возвращение долгов.

Но особенно трудно было расплатиться рядовым посадским людям. Помимо суммы кабального долга, тяжелым бременем на них ложились всякие «проести и волокиты», в результате чего они оказывались порой в безвыходном положении. В июле-августе 1700 г. посадский человек И.А.Букин с тремя сыновьями были поставлены на правёж в земской избе за невыплату гамбургскому купцу А.Ременникову по заемной кабале 15 руб. (плюс 54 руб. судебных издержек), но всё равно «того долгу не за-

платили» – [2, оп.10. № 9]. В таких случаях использовался институт поручительства посадских людей по своим «сочленам» по тяглой общине, чтобы коллективной ответственностью разрешить проблему кабальных долгов русских людей перед иностранцами.

Иногда требовалась настоящая экспертиза подписей на заёмной кабале, чтобы доказать действительное взятие долга. В феврале 1702 г. вологжанин А.А. Башаровцов, не признававший иск к нему по заёмной кабале в 40 руб. от торгового иноземца и «табашного промышленника» Ив. Фандорта (van Dort), был вызван в Оружейную палату вместе с расписавшимся на той кабале торговым крестьянином из села Турунтаева Козьмой Лукиным. [2, оп.10. № 17].

Ещё выразительнее коллективные займы всей посадской общиной Вологды у торговых иноземцев для выплаты государственных налогов, как это было в 1680 г. с А. Дебосом «для скорого государева платежу стрелецких денег» 400 руб. [12, № 50], или всем крестьянским миром вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря в 1704 г., когда у И.А.Гутмана пришлось занять огромную сумму 1200 руб. [8, Приложение. № 7, с. 25-127].

Литература

1. Булгаков М.Б. Деятельность западноевропейского купечества в г. Вологде в первой половине XVII в. // Вологда. Красведческий альманах. Вып.4. Вологда, 2003.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.1260 (Коллекция столбцов).
3. ГАВО. Научно-справочная библиотека.
4. Грязнов А.Л. Документы вологодской таможни 1663 г. // Очерки феодальной России. Вып.18. М.; СПб., 2015.
5. Грязнов А.Л. Представительства западноевропейских торговых компаний в Вологде в 1663 г. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Чтения к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Ю.К.Некрасова (1935-2006). Вологда, 2016.
6. Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып.1-2. М., 1994.
7. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра 1. М., 1996.
8. Захаров В.Н., Черкасова М.С. Иностранцы купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII в. // Вологда. Красведческий альманах. Вып.3. Вологда, 2000.
9. Захаров В.Н. Западные европейские купцы в российской торговле XVIII в. М., 2005.
10. История предпринимательства в России. Кн.1. От Средневековья до середины XIX в. М., 1999.
11. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. Правовой статус и реальное положение. М., 2004.

12. Старая Вологда XII – начало XX в. Сборник документов и материалов. Вологда, 2004.

13. Челобитная посадского человека Г. Фетиева царю Алексею Михайловичу о своих денежных расчётах с А. Виниусом (публ. Н.Суворова) // Вологодские губернские ведомости. 1861. № 20. Часть неофиц.

14. *Черкасова М.С.* О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII – начале XVIII в. // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сб.ст. Вологда, 2002.

УДК 94(47)

ГЕНЕАЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОЙ КУПЕЧЕСКОЙ СЕМЬИ МИТРОПОЛОВЫХ В XVII – XIX вв.*

*Гуслистова Анна Николаевна,
научный сотрудник НП НИЦ «Древности»
г. Вологда, Россия
annavalentina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена генеалогии семьи Митрополовых, вологодских торговых людей XVII и крупных промышленников XVIII в.

Ключевые слова: купечество; генеалогия; фамилия; семья; I гильдия; торговля; промышленность; дворы; лавки.

GENEALOGY VOLOGDA MITROPOLOVYH MERCHANT FAMILY IN XVII-XIX

*Guslistova Anna Nikolaevna
Researcher NP SIC «Drevnosti»
Vologda, Russia
annavalentina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the genealogy of the names of people and merchants trade Vologda - Mitropolovyh during the XVII-XIX centuries

Keywords: merchants; genealogy; surname; a family; I guild; trade; industry; courtyards; shops.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта 15-11-35002 а(р)

Значительный комплекс разнообразных исторических источников позволяет с большой долей детализации изучать генеалогию и масштаб торговой деятельности вологодских купцов XVII – XVIII вв. [1; 2; 3]. К числу крупных посадских торговых династий Вологды этого периода относился род Митрополовых. Члены этой семьи вели оптовую и розничную торговлю, владели коммерческой недвижимостью и речными судами уже с последней четверти XVII в., а в XVIII в. являлись крупнейшими промышленниками Вологды и Вологодского уезда. В конце XVIII – начале XIX в. два представителя рода Митрополовых занимали должность городского головы [4].

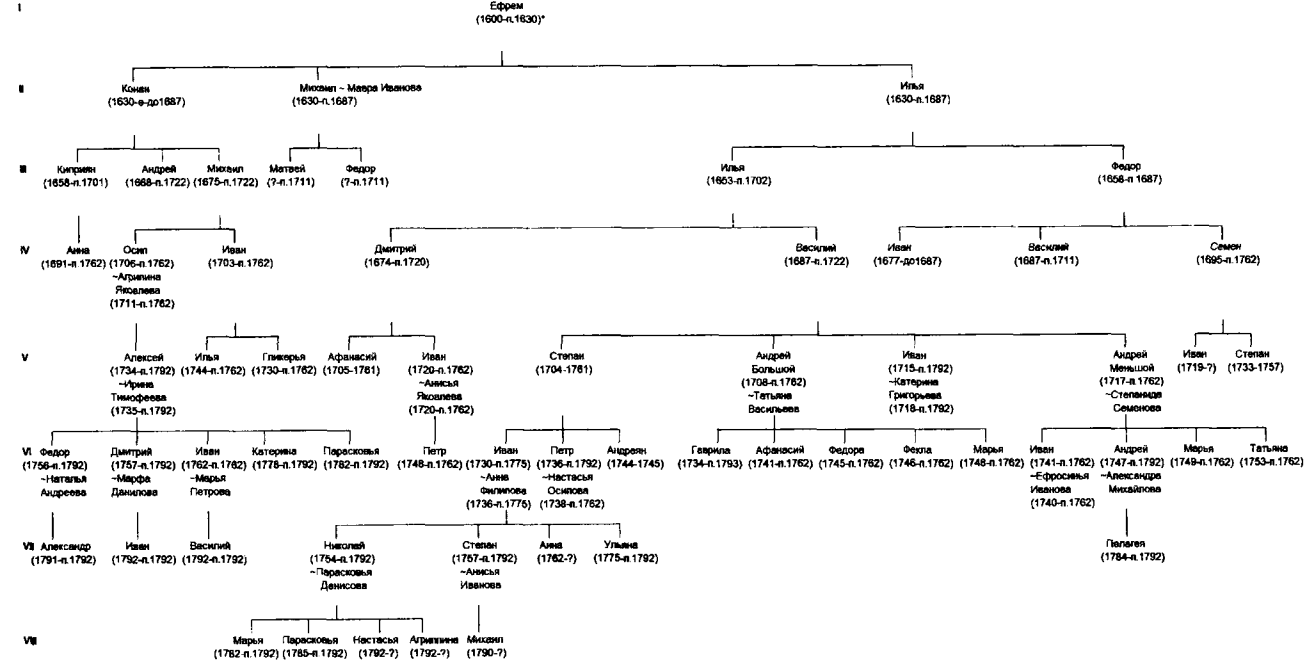
Впервые фамилия Митрополовых упоминается в переписной книге Вологды 1678 г. Братья Конон, Мишка и Илюшка Ефремовы дети Митрополовы живут своими дворами и имеют детей в возрасте от 1 года до 25 лет [5, с.102,103,105,106]. Вероятно, фамилия произошла от прозвища «митрополов», т.е. относящийся к митрополиту, а исходя из рода занятий первых вологодских Митрополовых, можно предположить, что их отец Ефрем мог быть митрополичьим кузнецом, переселившимся в Вологду в середине XVII в. В 1650-х гг. братья Митрополовы начинают расширять свое ремесленное производство. Дети Конана в 1711 г. предъявили закладную и купчую 1650/51 и 1651/52 гг. на две кузницы, а от 1660/61 г. сохранилась купчая на двор Ильи Ефремова сына кузнеца [6, с.45, 81, 82]. По переписной книге 1678 г. у Михаила и Ильи Ефремовых д. Митрополовых на дворах живут работники и даже купленные люди. В предыдущем году Илья Митрополов выступил партнером крупных вологодских купцов Тимофея Кодовина и Максима Рыбникова в торговой экспедиции к Архангельску. В снаряженной тогда флотилии было две барки и три дощаника (14, с.614).

Переписная книга 1685 г. фиксирует во владении Ильи Митрополова две пол-лавки, а сам он записан как «старожил посацкий выборный» [5, с.187, 236]. Роспись судов, которыми владели вологжане в 1702 г., показала расширение торговой флотилии семьи Митрополовых и специализацию на дальней торговле отдельных представителей семьи. У Ильи Ильина сына в этом году было 4 судна, а у его двоюродного брата Киприана Конова сына – 5 [7, с.12, 24-25; 8, с.102].

По переписной книге 1711 г. два поколения Митрополовых – Андрей и Михаил Конановы дети, Матвей и Федор Михайловы дети, Василий Ильин сын, Семен и Василий Федоровы дети владели, в общей сложности, 6 дворами, 4 пустыми дворами и местами дворовыми, 4 кузницами и 3 лавками [6, с.35, 36, 45, 80-82, 308, 321]. Представители разросшегося рода вели оптовую торговлю по Сухоно-Двинскому пути, розничную торговлю в

Митрополиты

поколение

* п. - дата рождения или смерти наступила после указанного года

городе, владели кузницами и другой городской недвижимостью. О том, что это было именно многоотраслевое семейное предприятие, свидетельствует распределение сфер деятельности. Илья и Киприан были связаны с транспортировкой товаров, Матвей владел лавками, Андрей и Михаил – кузницами, а Матвей и Федор – порозжими местами. Кроме того, на дворах Андрея и Матвея были сосредоточены различные производственные и складские помещения.

Прочная экономическая основа, заложенная Митрополовыми на рубеже XVII-XVIII вв., позволила разросшемуся роду играть значительную роль в городском управлении. В первых трех ревизиях 1722 г., 1743 г. и 1762 г. упоминается около 60 Митрополовых (включая жен, вдов и дочерей) [9, 10, 11]. По Обывательской книге 1792 г. Митрополовы владели 7 дворами, лавками, и свечным заводом в разных частях города. Там же указаны городские службы представителей фамилии во второй половине XVIII в. [12].

Городские службы представителей рода Митрополовых

1753	Иван Васильев	кабацкого сбора целовальник
1754	Иван Васильев	слоботчик
1756	Иван Васильев	кватермейстер
1763	Иван Васильев	кватермейстер
1763	Алексей Осипов	в Вологде у продажи соли целовальник
1767	Алексей Осипов	слоботчик
1770	Иван Васильев	оценщик
1772	Алексей Осипов	слоботчик
1772	Петр Степанов	у купеческого сбора денег сборщик
1772	Афанасий Андреев	в Тотьме у соляной продажи головою
1774	Петр Степанов	у данного вологодского купеческого окладу окладчик
1774	Алексей Осипов	слоботчик
1776	Алексей Осипов	окладчик
1776	Петр Степанов	в вологодском Словесном суде – выборный
1777	Гаврила Андреев	купецкий староста
1779	Андрей Андреев	слоботчик
1777-1779	Иван Васильев	слоботчик
1778-1780	Алексей Осипов	у исправления мостов смотритель
1783-1792	Петр Степанов	заседатель вологодского губернского магистрата
1780-1783	Гаврила Андреев	бургомистр Вологодского городского магистрата
1784	Алексей Осипов	в Словесном суде судья

В конце XVIII в. 11 представителей разных ветвей Митрополовых состояли в I гильдии купечества – Гаврил Андреев с. Митрополов с сыном Иваном; Афанасий Андреев с. Митрополов с сыновьями Иваном, Александром, Павлом; Николай и Степан Ивановы д. Митрополы с сыновьями Денисом, Михаилом, Иваном [13].

После издания Грамоты на права и выгоды городам Российской империи 1785 г. Гаврил Андреевич Митрополов (1735-1809), потомок Ильи Ефремова с. Митрополова, становится третьим городским головой (в 1793-96 гг.). Через три года городским головой был избран его двоюродный племянник Степан Иванович Митрополов, занимавший должность в 1799-1807 гг.

В общей сложности род Митрополовых в XVII – XVIII вв. насчитывает около 85 человек обоего пола. Представители семьи за полтора века сумели подняться по социальной лестнице от ремесленников до первогильдейского купечества и главы местного самоуправления.

Литература

1. Гуслистова А.Н. Торговые люди Вологды: опыт историко-генеалогической характеристики // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. М., 2008. С. 84-93.

2. Гуслистова А.Н. Занятие государственных и земских должностей посадскими людьми Вологды во второй половине XVII – XVIII в. (на примере семьи Рыбниковых) // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: материалы всероссийской научно-практической конференции 26 июня 2015 года, г. Ярославль. Ярославль, 2016. С. 209-218.

3. Гуслистова А.Н. Коммерческое дворовладение Чадовых в Вологде (по переписной книге 1711 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. М., 2013. С. 284-286.

4. Мясникова Л.Н., Якунина О.В. От первого городского головы до современного главы города Вологды (1785-1999 годы). Список руководителей города // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 160-188.

5. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 2-х томах. Т.1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII в. / Подготовка к изданию – И.В. Пугач, М.С. Черкасова. М., 2008.

6. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века. В 2-х томах. Т. 2. Писцовые и переписные книги Вологды XVIII в. / Подготовка к изданию – И.В. Пугач, М.С. Черкасова. М., 2008.

7. Роспись судов и товаров на Вологде 1702 г. // Вологда в период Петровских реформ: Сборник документов и материалов / сост. М.С. Черкасова, А.Н. Гуслистова. Вологда, 2007.

8. Гуслистова А.Н. Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы: материалы межрегиональной научной конференции. Выпуск 11. Вологда, 2004. С. 92-102.

9. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. 676. Книга переписная Вологды дворов и душ мужского пола по 9 слободам 1722 г.

10. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 689. Книга переписная купцов, цеховых, разночинцев, крестьян приписанных к соляному заводу 1748 г.
11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2ч. 1. Д. 699. Сказки о купцах и цеховых посадских людях г. Вологды 1763 г.
12. ГАВО Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Обывательская книга купцов г. Вологды 1792 г.
13. ГАВО Ф. 476. Оп. 2. Д. 3. Ведомости о количестве капитала купцов г. Вологды 1792.
14. Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. III. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1675-1680 гг. / по ред. проф. А.И. Яковлева. М., Л., 1951.

УДК 93/94

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС СОСЛОВИЯ ПОЧЕТНЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Брызгалова Ирина Викторовна,

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИН России
г. Вологда, Россия
pingvin1977@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления сословия почетных граждан в Российской империи. Анализируются основания для приобретения, лишения и ограничения звания почетного гражданина. Опираясь на нормы Манифеста «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» и Свода законов Российской империи, исследуется правовой статус личных и потомственных почетных граждан.

Ключевые слова: Российская империя, Манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан», правовой статус, именитые граждане, почетные граждане, потомственное почетное гражданство, личное почетное гражданство.

FORMATION AND LEGAL STATUS BAR OF HONORARY CITIZENS IN THE RUSSIAN EMPIRE

Bryzgalova Irina Victorovna

*Lecturer at the Department of State and legal disciplines, Vologda
Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia
pingvin1977@mail.ru*

Abstract. The article considers the process of formation of a class of honorary citizens in the Russian Empire. Analyzes the reasons for the

acquisition, deprivation and limitations the title of honorary citizen. Based on the rules of the Manifesto "On the establishment of a new estate of Honorary citizens" and the code of laws of the Russian Empire, examines the legal status of personal and hereditary honorary citizens

Keywords: Russian Empire, the Manifest "About the establishment of a new estate of Honorary citizens," legal status, eminent citizens, distinguished citizens, a hereditary honorary citizenship, personal honourable citizenship.

К началу XX века общество Российской империи состояло из четырех сословий: дворянства, духовенства, городского населения и сельских обывателей (крестьян). В первой четверти XIX века в результате ликвидации привилегированного разряда городского населения – именитых граждан и для того чтобы поднять социальный и правовой статус обеспеченных и знатных горожан, появляется новое сословие городского населения – почетные граждане. Правовой основой положения почетных граждан стал принятый в 1832 году Манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» [1, с.193].

Отметим, что принадлежность к сословию почетных граждан не следует путать с почетным гражданством городов, которое было введено также в 1832 году и присваивалось по ходатайству Городской думы. В соответствии с Манифестом 1832 года почетное гражданство как сословная принадлежность разделялось на два рода: личное (распространявшееся только на данное лицо и его жену) и потомственное (принадлежавшее всем нисходящим членам семьи – супруге и детям). Как потомственное, так и личное почетное гражданство, приобреталось по праву рождения или усыновления, или могло быть высочайше пожаловано по ходатайству самого просителя либо приобретено по службе или по особым представлениям соответствующих министров. На протяжении всего XIX века расширялся круг лиц, которые могли претендовать на присвоение почетного гражданства. Среди них можно выделить детей личных дворян, детей православных церковнослужителей, коммерц- и мануфактур-советников, купцов, состоявших в течение 20 лет в первой гильдии или получивших ордена Святого Владимира и Святой Анны, лиц, закончивших один из русских университетов в степени доктора или магистра (напр., Лазаревского института), врачей, фармацевтов и ветеринаров, евреев, состоящих по особым поручениям при генерал-губернаторах в черте оседлости, инженеров-технологов, окончивших Санкт-Петербургский технологический институт. Таким образом, к концу XIX века в Российской империи оформилось новое сословие - почетные граждане, которые стали фактически представлять прослойку зажиточного городского населения, так называемый «средний класс».

Кроме того, с формированием нового сословия государство стремилось поднять культурный и образовательный уровень подданных Российской империи, так как одним из главных требований причисления к почетным гражданам было наличие высокого уровня образования.

Почетные граждане не являлись многочисленным сословием, тем не менее их количество постоянно увеличивалось. В 1840 году в стране проживало 4800 почетных граждан. В 1860-х годах их насчитывалось уже свыше 20 тысяч. К 1897 году число почетных граждан (вместе с членами семей) еще возросло – до 342900 человек, что составляло 0,3% от общей массы населения Империи. В 1910-1912 годах численность почетных граждан с членами семей составляла 372400 человек (0,5% от всего населения) [2]. Определенный процент почетных граждан проживал в городах, в том числе губернских. Например, в г. Омске в 1858 году из 18 тыс. населения было 1489 почетных граждан обоего пола, как личных и потомственных (8 % от общего количества населения) [3].

На первый взгляд может показаться, что статус почетного гражданина в Российской империи получить было достаточно просто, однако это далеко не так. Причины для отказа могли быть различными: не исполненные долговые обязательства, обвинительный приговор суда, «опороченность перед судом», объявление купца банкротом, и др. Так, в 1897 году лихвинский мещанин Подсалихин лично испрашивал у губернатора разрешение о причислении себя к почетному гражданству. Губернатор запросил рапорт уездного исправника. В этом рапорте было отмечено, что Подсалихин при увольнении с должности городского головы города Лихвина имел долг перед Городской Думой в сумме 680 рублей 60 копеек. Дума простила ему этот долг. В то же время калужский губернатор, имея данные сведения, отказал Подсалихину в предоставлении его почетного гражданства [4].

Кроме того, данный статус необходимо было заработать, заслужить, занимаясь благотворительностью, меценатством и др. В соответствии со ст. 513 Тома IX Свода законов «награждение званием личного почетного гражданства может быть испрашиваемо лицами, которые на протяжении 10 лет оказывали на различных поприщах полезную деятельность». Для получения потомственного почетного гражданства такой срок составлял 20 лет. Так, в 1891 году императором Александром III было присвоено звание потомственного почетного гражданина купцу 1-й гильдии Бельтихину Василию Федоровичу, проживавшим в городе Бологое Тверской губернии. Главной причиной такого пожалования стала меценатская деятельность В.Ф. Бельтихина. Еще в 70-е годы XIX века в Бологом началась перестройка Покровского собора из деревянного в каменный. На протяжении всего строительства В.Ф. Бельтихин принимал в этом активное участие. Он жа-

ловал на строительство храма собственные денежные средства, всего 13 тысяч рублей. За эту деятельность Василий Федорович Бельтихин в 1889 году был пожалован в Кавалеры Императорского ордена Святой Анны 3-й степени. Эта государственная награда стала главным доводом для присвоения купцу В.Ф. Бельтихину звания потомственного почетного гражданина, которое автоматически перешло супруге и сыновьям [5, с. 1-13, 15-18].

Личное и потомственное почетное гражданство предусматривало для лица, его получившего, ряд прав и привилегий. Среди привилегий почетных граждан можно отметить освобождение от подушного оклада, рекрутской повинности, телесных наказаний в случае совершения преступления.

Для купечества привилегии, даваемые почетным гражданством, не связывались с членством в гильдии, что устраняло опасность опуститься вниз в социальной иерархии в случае невозможности по каким-либо причинам приобрести гильдейское свидетельство. Тем самым купеческой верхушке обеспечивалось стабильное общественное положение, не зависящее от возможных неудач в делах.

К правам почетных граждан относились: право участвовать в выборах (при условии владения в городе недвижимой собственностью) и быть избираемым на городские общественные должности не ниже тех, которые занимали купцы первых двух гильдий, право именоваться во всех актах почетными гражданами, право на обращение как к дворянам, не имеющим чинов – «ваше благородие».

Уже к середине XIX века почетные граждане успешно реализовали свое право на участие в выборах, они избирались на различные посты в губернском и городском управлении. Так, потомственный почетный гражданин купец Павел Александрович Белозеров был городским головой г. Вологды в период с 1861 по 1864 гг. Христофор Семенович Леденцов – личный почетный гражданин, купец, в 1871 году был избран гласным в Вологодскую городскую думу [6, с.168,171,173]. Подобные примеры можно привести и по другим губерниям Российской империи. Так, потомственные почетные граждане Афанасий Акимович Горбунов и Афанасий Андреевич Кожевников, проживавшие в Калуге, были гласными Калужской городской Думы в 1884 году [4].

Причисление к почетному гражданству осуществлялось решением Правительствующего Сената или – в специально оговоренных случаях – Императорским указом. Потомственным почетным гражданам Сенат выдавал соответствующие грамоты, а личным – свидетельства установленной формы [7, с. 10]. За оформление документов взималась пошлина от 50 до 800 рублей (п.3 Указа «О пошлинах с грамот на Почетное гражданство» от 10 апреля 1832 года) [8, с. 196].

Почётные граждане (как потомственные, так и личные) в случае неблагоприятного поведения, могли навсегда утратить свои права и привилегии. Закон различал потерю прав почётного гражданства и их ограничение. Потеря прав почетного гражданства наступала, во-первых, по приговору суда, за преступления, влекущие за собой лишение всех прав состояния или тюремное заключение. Во-вторых, в случае лишения почетного гражданина его доброго имени – также по судебному приговору. В-третьих, за злостное банкротство, т.е. когда купец или торговец, являясь почетным гражданином, преднамеренно объявлял себя несостоятельным, искусственно занижал свои доходы, скрывал свои бухгалтерские документы либо подтасовывал в них данные.

Ограничение прав почётного гражданина могло наступить в случаях записи почетного гражданина в ремесленные цехи, при переходе детей личных дворян из купечества в мещанство, вступлении в услужение для домашних работ. В этих случаях почетные граждане лишались преимуществ своего состояния, например, теряли право именоваться во всех актах почетными гражданами. В то же время они сохраняли свои личные права, такие как свобода от телесных наказаний, рекрутской повинности и подушной подати. Если же в правах ограничивали потомственного почетного гражданина, то его дети сохраняли все права и привилегии потомственного почётного гражданина.

Таким образом, в начале XIX века в Российской империи зародилось и законодательно оформилось новое сословие – почетные граждане, которые стали связующим звеном между мещанами, купцами, с одной стороны, и дворянами, с другой. Основными законодательными актами, регулиующими правовой статус почетных граждан, являлись Манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» от 10 апреля 1832 года и Свод законов Российской империи (Том IX «О состояниях», в ред. 1835, 1876, 1899 гг.). Во второй половине XIX века состав почетных граждан Российской империи существенно расширился. Это было связано с возрастанием роли образования в обществе, повышением социального статуса купечества и духовенства, увеличением среди государственных служащих лиц недворянского происхождения. К началу XX столетия сословие почетных граждан стало ядром «среднего» класса в общественном строе Российской империи.

Почетное гражданство в Российской империи просуществовало до Октябрьской революции 1917 года, и было упразднено Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [9].

Литература

1. Манифест «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» от 10 апреля 1832 года / Полное собрание законов Российской империи. В 55-ти т. Т. VII. № 5284. С. 193. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 12.03.2016).
2. Белокрыс А. Почетное гражданство в дореволюционной России // Московский журнал. 2005. № 3. URL: <http://wayback.archive.org/web/20100914085034/http://mj.rusk.ru/show.php?idar=801037> (дата обращения 12.03.2016).
3. Елизарова Н. Почетные граждане города Омска / Официальный портал Администрации города Омска. URL: <http://www.admomsk.ru/web/guest/city/history/honorary-freemen> (дата обращения 15.03.2016).
4. Максимов А.В. Три очерка истории родного края. О сословии почетных граждан в России. URL: <http://www.kalugakrai.com/forums/topic/2708-o-soslovii-pochetnykh-grazhdan-v-rossii/> (дата обращения 12.03.2016).
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 431. Л. 1-13, 15-18.
6. Мясникова Л.Н., Якунина О.В. От первого городского главы до современно-го главы города Вологды (1785-1999 годы). Список руководителей города Вологды (1785-1999 гг.) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Выпуск 3. / под ред. М.А.Безнина. Вологда: «Легия». 2000.
7. Васильева М.В. Институт почетного гражданства в Вологде // Вологда в минувшем тысячелетии: Человек в истории города. Вологда: «Древности Севера». 2007.
8. Именной Указ «О пошлинах с грамот на Почетное гражданство» от 10 апреля 1832 года // Полное собрание законов Российской империи. В 55-ти т. Т. VII. № 5285. С. 196. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения 22.03.2016).
9. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 11 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // СУ РСФСР, 1917, N 3, ст. 31. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3942> (дата обращения 27.03.2016).

**РОЛЬ УСТЮЖСКОГО КУПЦА М.М. БУЛДАКОВА
В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ**

*Егорова Юлия Сергеевна,
старший преподаватель кафедры всеобщей истории и
социально-экономических дисциплин,
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
ysegorova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена деятельности купца Михаила Матвеевича Булдакова в период, когда он являлся Первенствующим директором Российско-американской компании. Автор приходит к выводу, что именно благодаря авторитету и умелому руководству этого человека компания сумела справиться с экономическими проблемами в первые годы своего существования.

Ключевые слова: Первенствующий директор; Русская Америка; Российско-американская компания; промышленники.

**THE ROLE OF THE USTYUG MERCHANT M. BULDAKOV
IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY**

*Egorova Yuliya Sergeevna
The Senior Lecturer of the Department of World History and
socio-economic disciplines, Vologda State University
Vologda, Russia
ysegorova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the activities of the merchant Mikhail Matveevich Buldakov when he was Pervenstvuyushchi Director (CEO) of the Russian-American company. The author comes to the conclusion that the company managed to cope with the economic problems in the first years of its existence by the authority and leadership of Buldakov.

Keywords: Pervenstvuyushchi Director (CEO); Russian America; Russian-American company; promyshlenniki.

История образования первой монопольной Российско-американской компании (РАК) становилась предметом исследования многих ученых [1].

В 1798 г. началась работа по подготовке устава РАК. Клан Шелиховых начал последовательную борьбу за лидерство. Историк А.Н. Ермолаев установил, что Шелиховы к этой борьбе привлекли высокопоставленных чиновников [2, с. 124–125]. В конечном итоге император Павел I удовлетворил просьбу, издав указ, в соответствии с которым до совершеннолетия сына Шелиховых «со стороны семейства их находился опекун или поверенный в числе четырех директоров, положенных для управления делами, под Высочайшим покровительством Российско-американской компании...» [цит. по: 2, с. 125]. Опекуном, а позднее Первенствующим директором стал М.М. Булдаков. Остальные три места достались иркутским купцам братьям Я.Н. и Д.Н. Мыльниковым, а также С.А. Старцеву (Старцову) [3, с. 54].

Любопытно, что сам Михаил Матвеевич не испытывал сильного желания брать на себя такую ответственность даже будучи зятем Шелиховых. Его свояку Николаю Петровичу Резанову пришлось даже уговаривать своего родственника, обещая ему различные выгоды, которые появятся после того, как тот примет на себя обязанности Первенствующего директора [цит. по: 3, с. 142].

Сам же Н.П. Резанов 2 декабря 1799 г. был назначен членом-корреспондентом РАК, став, таким образом, главным ходатаем компании перед престолом [3, с. 119]. По мнению исследователей, между родственниками сложились хорошие дружеские отношения [3, с. 119]. Не раз М.М. Булдаков пользовался связями Н.П. Резанова с целью оказания содействия некоторым работникам компании. Например, 22 ноября 1799 г. некие Антипины направили Михаилу Матвеевичу благодарственное письмо за «содеянную вами [М.М. Булдаковым – Ю.С. Егорова] отеческую милость» [4, л. 1].

8 июля 1799 года были приняты «Правила и привилегии» Российско-американской компании. Особый интерес для нас представляет § 20 «О распоряжении директоров». В нем говорилось о полномочиях директоров компании. В частности, что они должны выносить решения по какому-либо вопросу только в том случае, если это «определено самой компанией» [5]. В уставе не были четко прописаны права и обязанности Первенствующего директора. По мнению историка А.Н. Ермолаева, «сами акционеры РАК не считали уставные документы компании абсолютными нормами, которые невозможно отменить. Держатели акций рассматривали принятые документы лишь основой будущей компании, при необходимости их можно изменить в соответствии с интересами компании» [2, с. 28].

Финансово-хозяйственное состояние РАК в первые годы ее деятельности можно охарактеризовать как кризисное. От угрозы краха компанию в этот период спасло правительство, выделив кредит на погашение долгов [2, с. 62]. А.Н. Ермолаев полагает, что Булдаков всегда стремился установить тесные контакты с государственной властью. На наш взгляд, это было закономерным шагом, потому что даже «Правила и привилегии» РАК утверждались на Высочайшем уровне. М.М. Булдаков по объективным причинам не мог полностью устраниваться от контактов с правительственными кругами. Однако именно чиновный мир стал большой проблемой для купцов, стоявших у истоков РАК. Дело в том, что с образованием компании в Главном правлении началась борьба отдельных купеческих группировок и акционеров за лидерство [2, с.144]. Чиновники стремились отстранить купечество не только от руководящих должностей компании в столице, но и захватить бразды правления в колониях. М.М. Булдаков нередко получал письма с жалобами на чиновников. 29 октября 1799 г. пришло письмо от служащего компании Петра Вонифатьева: «О себе ж я ничто другое могу сказать, как ныне здесь живу в аде, со всех сторон обижают нагло, но ко времени дам им почувствовать, не так-то легко и им может будет; сие я говорю о пограничных здешних чиновниках, кои вам довольно известны!» [6, л. 1].

С 1806 г. РАК начала постепенно выходить из кризисного состояния [цит. по: 7, с. 72]. Особенно благоприятно на ее финансовом положении в эти годы сказалась торговля с иностранцами, которая стала «благотворнейшим событием для компании и существенною эпохою скорого ее поправления» [цит. по: 7, с. 72]. После известного вояжа Н.П. Резанова в Калифорнию открылись перспективы установления торговых отношений с этой страной [8]. Первенствующий директор воспользовался этой возможностью и 28 января (9 февраля) 1808 г. он доложил императору Александру I о перспективах развития торговли с Калифорнией и просил начать переговоры с правительством Испании для получения разрешения на взаимовыгодную торговлю [9].

Для повышения эффективности деятельности РАК М.М. Булдаков старался поощрять некоторых сотрудников компании. 2 декабря 1809 г. он направил записку министру иностранных дел Н.П. Румянцеву о заслугах промышленника Сыся Слободчикова в исследовании побережья Калифорнии и Гавайских островов [9]. За «гавайский вояж» Слободчиков вскоре был награжден императором золотой медалью [10, с. 496]. В то же время ходатайство Булдакова о присвоении государственных наград некоторым особо отличившимся деятелям так и осталось без удовлетворения [11, с. 75].

С 1819 года, по мнению исследователя Н.М. Кудрина, М.М. Булдаков из-за болезни практически не оказывал серьезного влияния на дела Российско-американской компании [12, с. 57].

Таким образом, на наш взгляд, взаимодействие М.М. Булдакова с государственной властью, скорее всего, было вынужденной мерой, так как компания нуждалась в государственных дотациях в период финансовых кризисов из которых не имела возможности выйти самостоятельно. В то же время, следует отметить личностные качества М.М. Булдакова, позволившие ему в самый тяжелый для РАК период успешно справляться с возникшими трудностями.

Литература

1. Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М.: Наука, 2000.
2. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания и императорское правительство: Государственный контроль за деятельностью акционерной монополистической организации, 1799-1867 гг.: дис... канд. истор. Наук. Кемерово, 2000.
3. Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.: Весь мир, 2012.
4. БУК Вологодской области «Вологодский государственный музей-заповедник». Ф.10. Оп.1. Д.40. Л.1.
5. Правила для учреждаемой компании // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799-1815 (Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Том 3). М., Наука, 1994. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/17801800/RAK_izucenie_severa/1-20/2.phtml?id=6441.
6. БУК Вологодской области «Вологодский государственный музей-заповедник». Ф.10. Оп.1. Д. 37. Л. 1.
7. Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799-1867). М., 2006.
8. Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое кругосветное плавание россиян (1803-1806)// История Русской Америки (1732-1867): В 3 т. Т.2: Деятельность Российско-американской компании (1799-1825). – Электронный ресурс. Режим доступа: http://militera.lib.ru/explo/ira/2_03.html.
9. Записка М.М. Булдакова Н.П. Румянцеву о заслугах промышленника С. Слободчикова в исследовании побережья Калифорнии и Гавайских островов [Электронный ресурс] // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799-1815 (Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Том 3). М. Наука, 1994. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/17801800/RAK_izucenie_severa/121-140/131.phtml?id=6569.
10. Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. академика Н.Н. Болховитинова. М.: Academia, 2009.
11. Ермолаев А.Н. Первенствующий директор М.М. Булдаков и становление Российско-американской компании // Вологжане в истории Русской Америки / гл. ред. Ф.Я. Коновалов. Вологда: «Древности Севера», 2012. С.68–77.
12. Кудрин Н. Устюжской земли Михаил Матвеевич Булдаков и другие. Великий Устюг, 1993.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЗАНСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1930-е ГОДЫ

*Сыченкова Анна Владимировна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и связей с общественностью,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева,
г. Казань, Россия
asychenkova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена созданию обобщённой характеристики казанского студенчества в 1930-е годы по архивным материалам.

Ключевые слова: высшее образование; Казанский университет; студенты; «коренизация».

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF KAZAN STUDENTS IN THE 1930-S

*Sychenkova Anna Vladimirovna
PhD in History, Assistant Professor of the History and PR Department,
Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev
Kazan, Russia
asychenkova@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the creation of generalized characteristics of students of Kazan in the 1930-s on the archival materials.

Keywords: higher education; Kazan University; students; «korenizacija».

Первые два десятилетия после революции 1917 года ознаменовались кардинальными реформами в сфере высшего образования. Высшей школе предстояло стать одним из инструментов функционирования планово-директивной экономики, проведения идеологической политики и формирования новой социально-классовой структуры. С 1917 года был взят курс на «пролетаризацию» высшего образования, «коренизацию» социального состава студентов и преподавателей вузов в национальных республиках, и, в конечном счете, формирование «советского студента».

В Татарии высшее образование имело богатые традиции, первый провинциальный университет был открыт в Казани в 1804 году. Именно ка-

факультеты Казанского университета стали базой для создания новых отраслевых институтов. За период с 1918 по 1931 гг. из Казанского государственного университета выделилось 7 новых учебных заведений. В 1919 в Казани был создан политехнический институт, за ним последовала организация института сельского хозяйства и лесоводства. На базе Казанского учительского института был организован педагогический. С учетом многонациональной специфики края в нем были открыты татарское, чувашское, марийское и удмуртское отделения [1]. Однако пик активной организации вузов пришелся на конец 1920-х-начало 1930-х гг., когда потребность в инженерно – технических кадрах стала ощущаться особенно остро в связи с набирающей темп индустриализацией. Согласно ряду постановлений правительства 1930 г. из состава университетов выделялись отдельные факультеты (в первую очередь медицинские, химические, геологические), которые затем преобразуются в самостоятельные учебные заведения. В мае-июне 1931 г. от КГУ были отделены два факультета – экономический и советского строительства и права, на основе которых появились три самостоятельных института – Институт советского строительства, Институт советского права и Финансово-экономический. В 1932 на базе аэродинамического отделения КГУ организован Казанский авиационный институт совместным постановлением Главного управления авиационной промышленности Наркомата тяжелой промышленности и секретариата Татарского обкома ВКП(б). «К концу рассматриваемого периода (1940 г.) в Татарской автономной республике уже имелось 12 высших учебных заведений, в которых обучалось 10757 студентов» [2].

Анализ партийных документов, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ)[3], а также личных дел студентов архива КАИ [4], привлечение работ, исследующих историю высшего образования в 1920-е годы [1;2], позволили создать обобщенный портрет казанского студенчества 1930-х годов.

Октябрьская революция внесла определенные коррективы в социальный состав российского студенчества. По сравнению с дореволюционной Россией, реалии жизни в Советской России требовали более широкого привлечения женского труда. Согласно статистике Бауманского райкома ВЛКСМ о качественном составе студентов вузов, на октябрь 1934 года соотношение мужчин и женщин в целом по 12 вузам Казани было следующим: 54,8% и 45,2% от общего числа студентов. Конечно, это соотношение менялось применительно к отдельно взятому вузу. Так в КГМИ (медицинский институт) женщин обучалось больше чем мужчин: 1276 против 410 (человек); почти поровну – в КГУ. В технических институтах женщины в меньшинстве [3. Л.21].

Средний возраст студентов-первокурсников составлял 21-25 лет: 48% от 21-23 лет, 37,4 – 24 и старше, 17-20 – 14,2 %. [3. Л.21.] Общее количество студентов в 1934 году 9000, по количеству студентов: КГМИ – 1686, КГУ – 1441, КХТИ (химико-технологический институт) – 1074, КАИ (авиационный институт) – 708, ТПИ (педагогический институт) – 660 и т.п. На протяжении 1930-х годов существовала тенденция к постоянному увеличению набора студентов. Заявленный курс на создание национальных научно-технических кадров (так называемая «коренизация») оказался трудновыполним. Этот вопрос постоянно поднимается на партсобраниях в вузах при обсуждении как плана приема, так и итогов работы вступительной кампании. На 1935 год татар (а именно на них делался акцент в республике) в вузах – 25% от общего числа студентов, больше всего в КГМИ (367) и ТПИ (350), чуваш (4,4%), мари (0,5%), удмуртов (0,4%). Большинство составляют русские, указываются в статистических отчетах также «прочие» (среди них много было украинцев и белорусов) – 11,7% [3]. Заявленная цель – не менее 40 % от общего числа студентов должны быть представители коренной национальности (татары). Главной проблемой было плохое владение русским языком, как следствие – плохая подготовка. Хотя надо указать, что касается поступления в технические вузы, то здесь до половины абитуриентов проходили через рабфак, так как школьное образование не позволяло осваивать вузовскую программу в равной степени большинству поступающих. Так в КАИ большинство студентов окончили рабфак (52%), но встречаются абитуриенты, которые имели только общее образование (11%). Некоторые студенты успели пройти военную службу перед тем, как поступать в ВУЗ (39%, по данным 1932-1934 гг.) [4, с.262]. Неоднократно в учебном году поднимался вопрос о повышении грамотности обучающихся, анализ дипломов выпускников из личных дел студентов КАИ показывает низкий средний балл по большинству предметов (3,8) [4, с.265].

Определенную роль здесь играло и «социальное происхождение»: из рабочих 31,4 %; из крестьян – 37,1%; из служащих – 21%; специалистов – 10,5%. Выходцев из деревни было больше в КГМИ и КГУ, выходцы из рабочих преобладали в КХТИ и КАИ, также много было «специалистов» в КГУ, КХТИ, КАИ. Чем выше были требования к базовому образованию (естественно на инженерных специальностях), тем сложнее там было учиться бывшим крестьянам.

Большинство студентов были беспартийными 49,7%, членами ВЛКСМ 38,3%, членов ВКП (б) 12% (по данным 1934 г.) [3]. Многие студенты были членами профсоюзов: РАТАП (профсоюза, который объединял работников автомобильной, тракторной и авиационной промышленности),

профсоюз строительных рабочих, РАБПРОС (Всероссийский профсоюз работников просвещения) и ВРСМ (Всероссийский Союз Молодежи).

Материальное положение большинства студентов оставляло желать лучшего. Так большинство КАИстов жили за счет государственной стипендии, и лишь несколько человек – на свою заработную плату [4]. В личных делах хранятся заявления с просьбой восстановить или назначить стипендию в связи с тяжелым материальным положением своей семьи. Из-за зрелого возраста у некоторых студентов родители находились на иждивении, некоторые уже сами имели семью.

Таким образом, провозглашённый советской властью курс на демократизацию и создание национальных научно-технических кадров находит свое подтверждение в анализируемых документах. В целом эти показатели отвечали основным требованиям государства по формированию рабоче-крестьянской прослойки студенчества.

Литература

1. Миннахметов И.Д. Исторический опыт и традиции организации высшего образования в Татарстане // Вестник КазГУКИ. 2015. №2-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-opyt-i-traditsii-organizatsii-vysshego-obrazovaniya-v-tatarstane> (дата обращения: 01.05.2016).

2. Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920 - 1930 г. Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Саратов, 2007 // <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-sovetskoi-vysshei-shkoly-v-1920-1930-gg#ixzz4ALxoUsZo> (дата обращения: 31.05.2016).

3. ЦГА ИПД РТ. Ф. 181. Бауманский райком ВЛКСМ. Оп.1. Ед.хр.247.

4. Сыченкова А.В., Баранцева А.С., Криворучко А.В. Коллективный портрет первых студентов КАИ (по материалам личных дел) // Проблемы изучения истории XX века в высшей школе в условиях перехода на Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 260 – 266.

**ДОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ:
ПРАКТИКА БРАКОРАЗВОДНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ
В СОВЕТСКИХ ГАЗЕТАХ
40-60 ГОДОВ XX ВЕКА**

*Красильникова Елена Валерьевна,
доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук,
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
skrivelse-kev@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен анализ объявлений о расторжении брака, публиковавшихся в советских газетах с 1944 по 1965 годы.

Ключевые слова: газета; расторжение брака; объявление; СССР; частная жизнь.

**PUBLIC DOMAIN: PRACTICES OF ANNOUNCEMENT
OF THE DIVORCE IN SOVIET NEWSPAPERS
OF 40-60 YEARS OF XX CENTURY**

*Krasilnikova Elena Valerievna
Candidate of juridical Sciences, Associate Professor of Criminal
Law, Vologda State University,
Vologda, Russia
skrivelse-kev@yandex.ru*

Abstract. The article presents an analysis announcement of the divorce which were published in the soviet newspapers from 1944 to 1965 years.

Keywords: newspaper; divorce; announcement of the divorce; USSR; private life.

История свидетельствует о том, что наиболее действенным каналом распространения информации среди населения были и остаются средства массовой информации (далее – СМИ). Воздействие СМИ велико в любой сфере человеческого бытия, особенно значительна их роль в деле воспитания законопослушного поведения и укрепления морально-нравственного климата в обществе. Для решения этих задач, а также с целью восполнения людских потерь и укрепления семейно-родственных связей, прерванных войной, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 8 июля

1944 г. [1], ввел некоторые новшества в брачно-семейное законодательство. В частности, существенно усложнялась процедура расторжения брака – развод в упрощенном порядке исключался, предусматривался лишь его судебный порядок. Сама процедура развода становилась двухступенчатой: народный суд – областной или иной вышестоящий суд (причем, первая инстанция не разрешала спор по существу, а должна была примирить супругов). Кроме того, повышалась пошлина за выдачу свидетельства о расторжении брака до 500-2000 рублей (против ранее установленных 100-200 руб.). Наконец, вводилась обязательная публикация в местной газете объявления о возбуждении дела о разводе.

Как показывает статистика, в первое время действия Указа удалось решить основную задачу – снизить количество разводов как в пределах всего СССР, так и в отдельных регионах. К примеру, если за 1943 год в Вологодской области состоялось 486 разводов, то через год после новеллизации законодательства, в 1945г., цифра упала до 27 [2, с. 32]. Во многом, таким показателям способствовал тот факт, что сугубо личное дело – расторжение брака – выносилось на суд общественности, становилось ее достоянием. Не многие супруги, находившиеся на грани развода, хотели выносить сор из избы, большинство просто боялось огласки.

В ходе исследования нами было выявлено и проанализировано 3343 бракоразводных объявления (далее – БО), опубликованных в вологодской областной газете «Красный Север» за 1944 – 1965 гг. В этот период «подвал» 4-й страницы редко обходился без подобного брачного извещения. Первое объявление было помещено в номере за 9 сентября 1944 г., а последнее извещение напечатано через несколько дней после отмены такой практики, 19 декабря 1965 г.

О чем же свидетельствует анализ массива таких объявлений?

Годовое количество объявлений колебалось от 9 в 1944 г. до 247 в 1965 г. и в среднем составляло 152 объявления в год. Наивысший совокупный показатель наблюдался в 50-е годы (1515 штук). Хотя, если бы такая практика продолжалась и дальше, то эти цифры были бы перекрыты уже в следующем десятилетии, ведь за неполные 6 лет, с 1960 по 1965 гг., напечатано 1338 БО. 57% всех имеющихся номеров газеты содержат хотя бы одно объявление о разводе. Наибольший показатель достигнут в 1965 г. – 80 % номеров.

Чаще всего инициаторами развода становились мужчины (51%); на момент подачи иска подавляющее большинство супругов проживали раздельно: цифры колеблются от 20 таких пар в 1945 г. до 171 пары в 1965 г. При этом 23% разводящихся проживали в разных регионах СССР.

Количество супругов, проживавших совместно на момент развода невелико, и составляет от 4 пар в 1944 г. и 6 в 1951 г. до 55 пар в 1964-1965 гг.

С 1946 г. по 1949 г. в случае, если один из супругов был осужден за преступление на срок более 3-х лет лишения свободы, в БО делалась отметка «находится в заключении». Однако с 1950 г. она исчезает, а в объявлении указано лишь ФИО ответчика.

Бракоразводное объявление обладало несколькими признаками: 1) оно выполняло роль процессуального документа (в обязательном порядке приобщалось к делу) [3, с. 233]; 2) носило официальный характер (исходило от суда, в который было подано заявление о расторжении брака и публиковалось на основании нормативно-правового акта); 3) содержание его было формализовано. Форма объявления о разводе регламентировалась п. 7 раздела I Инструкции НКЮ СССР от 27.11.1944 г. [4, с. 26]. Публикация в газете должна была содержать объявление о возбуждении таким-то (ФИО и местожительство заявителя) дела о разводе с его супругом (ФИО и местожительство последнего), которое подлежало рассмотрению в таком-то народном суде.

Однако данные требования соблюдались не всегда. По полноте отражения необходимых сведений в газетном сообщении, все БО можно разделить условно на 3 группы: 1) Объявления, содержащие все необходимые сведения; 2) Объявления, не содержащие все необходимых сведений. Так, нам встретились объявления, содержащие лишь инициалы супругов; не содержащие отчеств и мест жительства одного или обоих супругов, а также наименования суда, где дело должно было слушаться; 3) Объявления, содержащие также не предусмотренные сведения. Например, 13 БО за все время упоминают дату рождения супругов, 2 БО указывают на место работы и учебы ответчика (в 1947 и в 1954 г. соответственно), а отдельные БО за 1944 и 1962 г. сообщают дату слушания дела.

При этом самым оригинальным и информативным в этом плане остается первое БО о разводе супругов Р. Оно содержит все необходимые сведения, а также «лишние» данные: год рождения, место слушания дела и название нормативно-правового акта, в соответствии с которым напечатано БО.

Супруг – инициатор развода при подаче иска должен был уплатить госпошлину в размере 100 рублей и сумму за публикацию БО. Последняя законодательно не регламентировалась. Тарифы на печатание объявлений в каждой газете были разные: так, в «Вечерней Москве» стоимость была равна 40 рублям [5], а опубликование такого БО в Ковжинской районной газете обходилось заявителю в 10 рублей [6, л. 12].

Подача иска и публикация БО вовсе не гарантировали супругам расторжение брака. Миссия народного суда сводилась к выяснению истинных мотивов развода и примирению супругов. По нашим подсчетам, через нар-

суды прошло 87% всех возбужденных дел. Остальные 13% были поданы сразу в вышестоящий суд по правилам п. 16-а упомянутой выше Инструкции НКЮ.

Вышестоящий суд, рассматривая дело по существу, если супругам не удалось примириться, мог также отказать в удовлетворении иска, не усмотрев достаточных оснований к расторжению брака. Однако это не мешало заинтересованному лицу обратиться с иском вновь, обосновав его новыми мотивами и пройдя процедуру заново. Так, анализ БО свидетельствует, что супруги нередко прибегали к такой возможности. Например, супруги К. пытались расстаться с 1949 по 1954 годы (подав первое объявление в январе 1949 г. супруг повторно обратился в нарсуд в августе 1954 г., т.е. спустя 5,5 лет). А супруги У. инициировали развод трижды за период с августа 1950 г. по апрель 1952 г. Таков беглый анализ бракоразводных объявлений за период с 1944 по 1965 годы.

Литература

1. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37 (16 июля). С. 1.

2. Костоусов С.Е. Регистрация актов гражданского состояния в период Великой Отечественной войны // Историческое краеведение и архивы: материалы областной научно-практической конференции 18.03. 2010 г. Выпуск 17. Вологда, 2010. С. 31 – 35.

3. Советский гражданский процесс / Под ред. А.Ф. Клеймана. М: Изд-во МГУ, 1964.

4. О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака: Инструкция НКЮ СССР от 27.11.1944 г. № 1622 // Сборник нормативных материалов по советскому семейному праву / Отв. ред. В.А. Рясенцев. Москва: Б.и., 1965. С. 25 – 28.

5. Сырокомский В. Загадка патриарха [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gotanbook.ru/book/2053813/?page=4> (дата обращения – 18.05.2016).

6. Дело № 354 / 47 // Архив Вологодского областного суда за 1947 год.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА ОТ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ ФРГ

Попов Иван Дмитриевич,
кандидат исторических наук,
Вологодский государственный университет, доцент
г. Вологда, Россия
E-mail: idpopov@outlook.com

Аннотация. В статье рассматриваются этапы политики властей ФРГ по компенсации ущерба, понесённого в результате Второй мировой войны. Прослеживаются изменения характера и приоритетов компенсации.

Ключевые слова: компенсация ущерба от войны, история ФРГ, валютная реформа в Западной Германии, социальная политика, вынужденные переселенцы.

EVOLUTION OF THE BURDENS EQUALIZATION POLICY IN THE HISTORY OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Popov Ivan Dmitrievich
Candidate of historical sciences, Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: idpopov@outlook.com

Abstract. The article deals with the stages of the burdens equalization policy in the FRG. The changes of character and priorities of the equalization are reviewed.

Keywords: equalization of burdens, history of the Federal Republic of Germany, currency reform in the West Germany, social policy, refugees.

Компенсация ущерба, понесённого в результате Второй мировой войны, была беспрецедентным для Западной Германии социальным мероприятием, охватывавшим миллионы немцев. Среди них инвалиды, сироты и вдовы войны; люди, лишившиеся имущества и средств к существованию в результате разрушений; и особенно стоит выделить огромное количество вынужденных переселенцев из отторгнутых провинций рейха (около 8 млн. чел.) и советской оккупационной зоны (впоследствии ГДР – до 3,7 млн. чел.) [1, S. 19]. Программы помощи всем этим людям требовали

многомиллиардных затрат. В условиях постоянного недостатка бюджетных средств, компенсация ущерба от войны неизбежно становилась не только проблемой социальной и экономической политики, но и предметом острого политического противостояния. Столь огромные суммы не могли быть выплачены одновременно всем гражданам, поэтому компенсация ущерба растянулась на годы, а её характер и приоритеты менялись. На наш взгляд, можно выделить следующие этапы возмещения ущерба, причинённого войной.

Первый этап (май 1945 – июнь 1948 гг.) характеризовался, с одной стороны, общим пониманием необходимости компенсации ущерба и разработкой первых планов её реализации как самими немцами (план Г. Кайзера 1945 г., обсуждения в Совете земель американской зоны 1946 г.), так и союзниками (план Кольма-Доджа-Смита 1946 г.) [2, S. 334-335]. Основным источником компенсации предполагалось, прежде всего, имущество активистов НСДАП. Однако осуществление этих планов стало невозможным уже в ближайшие месяцы, в связи со стремительно меняющейся демографической ситуацией, проблемами с избытком денежной массы, трудностями в осуществлении единой экономической политики во всех зонах оккупации и нарастающим обострением отношений с Москвой. В таких условиях, сложно было говорить не только о выработке единой, чёткой и долгосрочной стратегии компенсации, но и об определении даже примерного количества адресатов помощи и необходимых денежных средств.

Второй этап (июнь 1948 – август 1952 гг.) начался с проведения валютной реформы 21 июня 1948 г., которая и дала старт реальному решению проблемы возмещения ущерба. С одной стороны, появилась крепкая валюта, что позволило создать устойчивую модель экономического развития и осуществлять долгосрочные социальные проекты. С другой стороны, появились социальные группы, понесшие убытки уже в результате самой валютной реформы (владельцы вкладов, ремесленники, крестьяне, лишившиеся «чёрных рынков»), и также претендовавшие на компенсацию своих потерь [3, с. 64].

8 августа 1949 г. был принят *«Закон о смягчении острой социальной нужды»* (Soforthilfegesetz), который стал первым серьёзным шагом к компенсации ущерба от войны и базовым нормативным документом, регулировавшим этот вопрос. Он предусматривал меры по включению в экономическую жизнь наиболее пострадавших категорий населения (прежде всего, переселенцев), не устанавливая сумму ущерба. Из 6,2 млрд. марок, направленных на исполнение этого закона, 37% выплат пошли на помощь по постройке съёмного жилья, 35% – на пенсии по старости тем переселенцам, у которых не было другого страхования по старости, 12% – на де-

шёвые кредиты для создания самостоятельных источников существования и 9% – на частичное восстановление движимого имущества (9%) [5, S. 277].

Другим базовым нормативным актом являлся принятый 1 октября 1950 г. «Закон о снабжении жертв войны» (Bundesversorgungsgesetz). Он регулировал положение и материальную помощь инвалидам войны (порядка 2,5 млн. чел.) и вдовам (1,5–2,5 млн. чел.). Вводились пенсии по 6 степеням инвалидности, составлявшие от 10 до 75 марок ежемесячно (для тяжелораненых – от 40 до 90 марок) и пенсии по потере кормильца (от 80 до 130 марок ежемесячно). На 1 января 1958 г. число получателей этих пенсий составило 3,787 млн. чел., для содержания которых бюджет выделял 3,5 млрд. марок [6, с. 182].

Третий этап (август 1952 г. – конец 1950-х гг.) был связан с принятием «Закона о компенсациях ущерба, причинённого войной» (Lastenausgleichsgesetz) от 14 августа 1952 г., который поставил компенсации ущерба на прочную юридическую основу. Вместе с ним в тот же день были приняты закон об установлении ущерба от войны и переселений и закон о возмещении потерь от валютной реформы, а 14 июля 1953 г. – закон о компенсации довоенных вкладов. Концепция Закона о компенсациях соединила в себе *котируемый* (учёт потерянного имущества, индивидуальное возмещение понесённого ущерба в соответствии с его величиной и восстановление ранее существовавшей структуры собственности) и *социальный* (социальное обеспечение и пособия для скорейшего включения в экономическую жизнь) принципы компенсации [3, с. 65]. При этом в условиях недостатка бюджетных средств было решено, что собственники уцелевшего имущества будут делиться с неимущими. Для этого 50-процентным налогом облагалось всё имущество, стоимость которого превышала 5000 немецких марок. В расчёт налога был взят доход от имеющегося имущества. Вместе с бюджетными дотациями эти выплаты шли в специальный Фонд компенсации, из средств которого и проводилось возмещение ущерба. В 1950-е гг. 2/3 доходов фонда формировались именно за счёт выплат граждан, в то время как доля бюджетных дотаций составила лишь 21,1% [5, S. 290].

Анализ структуры производившихся выплат позволяет говорить о том, что до конца 1950-х гг. компенсация ущерба была нацелена на приобщение беженцев. Поэтому основная часть помощи котируемых компенсаций шла на возмещение потерь домашнего имущества (порядка 20% Фонда компенсаций), а социальные компенсации были направлены, в первую очередь, на помощь при устройстве на работу и приобретении жилья, пенсии пострадавшим от войны и помощь в профессиональной подготовке.

Это было также связано с тем, что федеральное правительство, в условиях острого недостатка финансовых средств, в качестве приоритетных задач ставило включение как можно большего числа пострадавших от войны в экономику и накопление капиталов для дальнейшего расширения налоговой базы. Впервые компенсации потерянному недвижимому имуществу стали производиться лишь в 1957 г. и то в отношении лиц старше 70 лет и суммами не более 5000 марок [3, с. 65-66].

Четвёртый этап (конец 1950-х – 1979) был отмечен значительным усилением государственных расходов на компенсацию ущерба от войны, что было связано с бурным экономическим ростом в 1950-е гг., улучшением ситуации с бюджетными поступлениями и отказом от курса бюджетной экономии с уходом Ф. Шеффера с поста министра финансов. В структуре доходов Фонда компенсации отмечается постепенное снижение доли выплат с имущества граждан (в 1970-е гг. они составили лишь треть доходов) и увеличение доли федеральных и земельных дотаций (в 1970-е гг. – 42,6%). Всего в общей сложности к концу данного этапа пострадавшим было выплачено 110,4 млрд. марок [5, S. 278, 290].

Меняется и структура расходов Фонда компенсации. Возмещаются, прежде всего, имущественные потери: порядка 80% компенсационных выплат было направлено на эти цели. Значительно была расширена и компенсация потерянных вкладов, которая на предыдущем этапе почти не осуществлялась. Перестали подвергаться жёстким ограничениям пенсионные выплаты. А с 1969 г. стали выплачиваться компенсации переселенцам из ГДР [3, с. 65].

Пятый этап (с 1979 г.) стал заключительной фазой компенсации потерь пострадавшим от войны. Граждане уже не осуществляли выплаты в Фонд компенсаций, а доля федеральных и земельных дотаций в 1980-е гг. составила 86,2%. Кроме того, завершается как компенсация имущественных утрат, так и включение в экономическую жизнь. Приоритетными становятся долгосрочные программы помощи, в частности пенсионное обеспечение беженцев. В 1986 г. эти программы составили свыше 70% общей помощи [5, S. 277-278, 290].

Таким образом, компенсация ущерба, причинённого войной, представляла для ФРГ долгосрочную и самую масштабную программу социальных выплат, характер которой менялся в зависимости от экономического положения и наличия бюджетных средств: если первоначально приоритетом компенсации было включение пострадавших в экономическую жизнь, то уже с 1960-х гг., благодаря более широкому государственному финансированию, власти ФРГ делали акцент на восстановлении имущественных прав. Кроме того, компенсация ущерба была также своего рода механизмом со-

циальной солидарности, создавая некий общественный компромисс между имущими и неимущими слоями, что в конечном счёте и обеспечивало стабильное социальное развитие.

Литература

1. Jung Mathias. Ausländer und Migranten im Spiegel der Presse: ein diskurshistorisches Wörterbuch zur Einwanderung seit 1945. Wiesbaden: Westdt. Verl., 2000.
2. Henzler Christoph. Fritz Schäffer, 1945-1967: Eine biographische Studie zum ersten bayerischen Nachkriegs-Ministerpräsidenten und ersten Finanzminister der Bundesrepublik Deutschland. München: Hanns Seidel Stiftung eV, 1994.
3. Попов И.Д. Проблема компенсации ущерба от войны в период становления ФРГ // Вестник Брестского государственного технического университета. 2015. № 6(96): Гуманитарные науки. С.64-66.
4. Albers Willi. Der Lastenausgleich Rückblick und Beurteilung // FinanzArchiv / Public Finance Analysis. 1989. Bd . 47. H. 2. S. 272-298.
5. Терехов О.Э. Основные направления социальной политики ФРГ в 1949–1963 гг. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы IV Всероссийской научно-практич. конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года) / Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. Ч. I. С. 181-186.

УДК 94(481).084
94(47).084.8

СССР И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (1947–1950 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Минкова Кристина Владимировна,

кандидат исторических наук, заведующая научным отделом журнала

«Клио», ООО «ПолтораК»

г. Санкт-Петербург, Россия

kristina_minkova@mail.ru

Аннотация. Международная торговая организация (МТО), предложенная Соединенными Штатами Америки после окончания Второй мировой войны как один из инструментов укрепления международных связей и либерализации торговли, так и не родилась на свет. Однако процессы, происходившие в советско-американских отношениях и непосредственно связанные с переговорами относительно создания МТО, были чрезвычайно важными и заслуживают пристального внимания историков. Между тем, в отечественной историографии практически отсутствуют какие бы то ни

было упоминания даже о самой МТО и тем более об отношении к ней советского руководства. В настоящей статье рассматриваются немногие существующие исследования и статьи в советской прессе, относящиеся к указанной тематике и дающие представление о важности вопроса о создании МТО для правительства СССР.

Ключевые слова: Международная торговая организация; СССР; США; ООН; «Правда»; «Известия».

USSR AND INTERNATIONAL TRADE ORGANIZATION (1947–1950) IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Minkova Kristina Vladimirovna

*PhD in History, Head of the Scientific Department of the journal "Klio",
ООО "Poltorak"*

*St. Petersburg, Russia
kristina_minkova@mail.ru*

Abstract. The International Trade Organization (ITO), proposed by the United States after the Second World War as a tool to strengthen international relations and trade liberalization, did not come into being. However, the processes taking place in the Soviet-American relations and directly related to the negotiations on the creation of ITO were extremely important and deserve close attention of historians. Meanwhile, in the national historiography there is even almost no mentioning the ITO itself and especially the attitude of the Soviet leadership to it. This article discusses the few existing studies and articles in the Soviet press related to this issue and giving the idea of the importance of ITO for the Soviet government.

Keywords: International Trade Organization; USSR: USA; UNO; «Pravda», «Izvestiya».

Международная торговая организация, предложенная Соединенными Штатами Америки после окончания Второй мировой войны не только как институт для регулирования международной многосторонней торговли, но и как глобальная концепция послевоенного устройства мира, так и не была создана, однако сама инициатива ее создания, советско-американские переговоры, касающиеся этой организации, и отношение к этому проекту советского руководства представляют огромный научный интерес.

В связи с тем, что до настоящего времени практически все документы, имеющие прямое отношение к рассматриваемому вопросу, были засекречены, посвященных МТО специальных исследований и глав в более общих

работах в советской и российской историографии просто не существует. Так, попыткам СССР в области создания Международной торговой организации посвящен всего один труд советского автора – это кандидатская диссертация известного дипломата и сотрудника ООН В.А. Юлина [1] и небольшая статья другого ученого, В. В. Фомина, «К вопросу о создании международной торговой организации» [2], обе 1965 г. Работа Юлина не носит исторического характера, основана на чрезвычайно ограниченном круге источников и не рассматривает инициативы СССР в контексте международной политической ситуации конца 1940-х – начала 1950-х гг. Работа Фомина чрезвычайно поверхностна, носит исключительно описательный характер и практически не затрагивает позицию СССР. Кроме того, обе статьи посвящены, по сути, уже совсем другой международной торговой организации, идея создания которой возникла в абсолютно отличной от послевоенной ситуации на Международной конференции ООН по торговле и развитию 1964 г.

Непосредственно к 1947–1950 гг. относится несколько статей в советских газетах и журналах, в которых достаточно подробно излагается инициатива США по созданию МТО, зачастую преподносимая читателю в соответствующем идеологическом ключе. Самая подробная из таких статей – публикация советского экономиста Л. Фрея под названием «Международная торговая организация» в №№ 2 и 3 журнала «Внешняя торговля» за 1948 г. [3]. В №6 за этот же год содержится статья «Об итогах Гаванской конференции» автора Н. Ч. [4]. Статья выдержана в очень нейтральной для этого времени риторике и носит в основном информативный характер, однако основной упор делается на разочарование США результатами конференции. В доказательство автор приводит выдержки из американских газет, высказываний конгрессменов и задержку в представлении Устава МТО на ратификацию Конгрессу.

Интересно, что больше ни один из важнейших советских журналов по экономической тематике – ни «Новое время», ни «Советские финансы», ни «Вопросы экономики» статей, посвященных МТО в рассматриваемые годы не публиковал.

Что касается ведущих советских газет, то в газете «Правда» за 1947–1950 гг. было опубликовано всего 3 статьи с упоминанием МТО [5, 6], причем только в одной из них название этой организации вынесено в заголовок – «Аргентина отказывается подписать проект Устава Международной торговой организации» [7]. В газете «Известия» за указанные годы таких статей было тоже три, причем одна из них полностью повторяет статью в «Правде» от 13 июня 1948 г. Более пристального внимания заслуживает статья «Проблемы международной торговли после войны», которая

принадлежит перу С. Вишнева и занимает почти половину третьей страницы «Известий» от 16 мая 1947 г. [8]. В этой статье довольно доступным для рядового читателя, но сухим языком описывается состояние международной торговли в первые послевоенные годы, выявляются сильнейшие игроки (США и Канада), указывается на бедственное положение европейских стран. Далее автор переходит к описанию международной торговой конференции (Второй сессии Подготовительного комитета ООН по торговле и занятости), открывшейся 10 апреля 1947 г. Перечисляя страны, участвующие в переговорах, Вишнев вскользь упоминает, что «Советский Союз, как известно, не участвует в переговорах».

Принимая во внимание приведенные выше свидетельства можно было бы заключить, что практически полное отсутствие в советской прессе рассматриваемого периода как упоминаний о самой Международной торговой организации, так и свидетельств о позиции советского руководства в ее отношении, говорит о том, что этот вопрос не вызывает у правительства СССР никакого интереса.

Это далеко не так. Даже оставив за рамками уникальные документы, отложившиеся в московских архивах и прямо говорящие об отношении советского руководства к МТО, в доказательство этого утверждения можно привести цитату из речи А. Я. Вышинского по вопросу о мире на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 18 ноября 1950 г., опубликованной в «Известиях» от 21 и 22 ноября 1950 г. [9]: «Что же касается ратификации устава международной торговой организации, то делегация Советского Союза считает, что при внесении в этот устав поправок *Советский Союз мог бы присоединиться к этому уставу* (курсив мой – К.М.). В нынешнем своем виде устав международной торговой организации ущемляет жизненные экономические интересы многих стран и является неудовлетворительным».

Эта цитата из речи Вышинского, а также дальнейшие инициативы СССР по созданию международного торгового института уже после провала ратификации Гаванской хартии в американском конгрессе, позволяют с большой долей уверенности предположить, что советское руководство придавало чрезвычайно важное значение как самой идее международной торговой организации, так и участию в ней СССР. Тематика МТО не была, в отличие от «плана Маршалла» включена в перечень вопросов, содержащихся в «Плане мероприятия по усилению антиамериканской пропаганды в ближайшее время» от 01.03.1949 г. [10]. В прессе же этот вопрос не муссировался по той причине, что советское руководство решило дожидаться результатов работы Женевской конференции по торговле и занято-

сти и какого-либо решения о дальнейшей судьбе МТО, чтобы лишь после этого начать формировать общественное мнение по данной проблеме.

Литература

1. Юлин В.А. Международная торговая организация: предпосылки и практика ее создания. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1965.
2. Фомин В.В. К вопросу о создании международной торговой организации // Советское государство и право. 1965. №5. С. 125–130.
3. Фрей Л. Международная торговая организация // Внешняя торговля. 1948. №2.
4. Н. Ч. Об итогах Гаванской конференции // Внешняя торговля. 1948. № 6. С. 21–25.
5. Заявление Государственного департамента по поводу ответов И. В. Сталина Уоллесу // Правда. 1948. 23 мая. № 144. С. 4.
6. «Ньюс кроникл» о политических условиях «плана Маршалла» // Правда. 1948. 13 июня. № 165. С. 3.
7. Аргентина отказывается подписать проект Устава Международной торговой организации // Правда. 1948. 25 марта. № 85. С. 4.
8. Вишнев С. «Проблемы международной торговли после войны» // Известия. 1947. 16 мая. С. 3.
9. Речь А.Я. Вышинского по вопросу о мире на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 18 ноября 1950 г. // Известия. 1950. 22 ноября. С. 2.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 224. Л. 51.

Секция № 6

«ДИПЛОМАТИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»

УДК 94:327

МОДЕЛЬ ДИПЛОМАТИИ, ОБРАЗ ДИПЛОМАТА И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПЕРИОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI-XVIII ВВ.): ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Циватый Вячеслав Григорьевич,

кандидат исторических наук, доцент

Заслуженный работник образования Украины

Ректор Дипломатической академии Украины при МИД Украины

г. Киев, Украина

e-mail: tsivatyy@i.com.ua tsivatyi@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств раннего Нового времени (XVI-XVIII веков) на примере дипломатических практик Речи Посполитой. Особое внимание уделяется институциональному развитию общественно-политической мысли и институционально-дипломатической практики в межгосударственных отношениях стран Запада и Востока. Определены направления эволюции теории и практики дипломатии Речи Посполитой в исторической ретроспективе и международно-политическом контексте. Проанализированы профессиональные требования к дипломатам Речи Посполитой в контексте особенностей исторического периода их деятельности и преемственности европейских дипломатических практик.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, модели дипломатии, институционализация, Европа, Речь Посполитая, раннее Новое время (XVI-XVIII вв.).

MODEL OF DIPLOMACY, IMAGE OF DIPLOMAT AND DIPLOMATIC TRADITIONS OF THE RZECZPOSPOLITA OF THE EARLY MODERN PERIOD (XVI-XVIII CENTURIES): INSTITUTIONAL ASPECT

Tsivatyi Viacheslav

Ph.D., Associate Professor, Honored Worker of Education of Ukraine,

Rector Diplomatic Academy of Ukraine

of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine

Kyiv, Ukraine

e-mail: tsivatyiy@i.com.ua tsivatyiy@gmail.com

Abstract. At the article is analysed the foreign policy and diplomacy of the European states of the early Modern period (XVI-XVIII centuries) in the example of the diplomatic practices of the Rzeczpospolita. Particular attention is given to the institutional development of public and political opinion and institutional and diplomatic practice in relations between the West and the East. The directions of the evolution of the theory and practice of diplomacy of the Rzeczpospolita in the historical retrospective and international political context. The professional demands to the diplomats of the Rzeczpospolita in the context of particular historical period of their activities and continuity of the European diplomatic practice are analyzed.

Keywords: foreign policy, diplomacy, models of diplomacy, institutionalization, the Europe, the Rzeczpospolita, early Modern period (XVI-XVIII centuries).

В истории институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн [1, с. 268-274].

Исследуя институциональные процессы в европейской внешней политике и дипломатии раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.), автор исследования стремится показать не только историю развития внешней политики и дипломатии Речи Посполитой в общеевропейском и институционально-цивилизационном контексте, которая уже была предметом исследования ученых, а выделить ее функциональный аспект именно в контексте влияния общественно-политической мысли на процесс формирования внешнеполитической стратегии Речи Посполитой, на развитие и институционализацию дипломатических служб в государствах Европы в временно-

пространственном измерении, и формирование ментальных установок, внешнеполитических и дипломатических идеологем в политико-психологической конструкции идей относительно формирования и трансформации европейской системы государств в XVI-XVIII веках.

В конце XV века Европа вступает в новый период межгосударственных отношений, особенно по диагонали Запад – Восток. Эти тенденции и новые правила дипломатической игры нашли чёткое отражение в событиях и перипетиях Итальянских войн (1494-1559) и продолжали бытовать в дипломатических практиках в течение всего периода раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.). В новых политических условиях формируются и новые взгляды на внешнюю политику и дипломатию, её инструментарий, действия дипломатов.

Цель статьи – проанализировать особенности институционального развития дипломатической службы, формирования дипломатического инструментария, техники переговорного процесса, норм протокола, этикета и церемониала Речи Посполитой в исследуемый период.

Среди войн раннего Нового времени особое место занимают Итальянские войны (1494-1559) и Тридцатилетняя война (1618-1648). В ходе этих войн, в теории и практике дипломатии, формировались концепты «война» и «мир», усовершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата раннего Нового времени и Нового времени [2]. Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XVI-XVIII веков [3; 4].

Дипломатический инструментарий – это совокупность средств и способов, применяемых для достижения или осуществления поставленных целей. Трудности дипломатической практики связаны с целым рядом факторов и условий, которые могут или благоприятствовать или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач или задач переговорного процесса. Дипломаты раннего Нового времени проводили прелиминарные переговоры, готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов. Уже в конце XV – начале XVI веков в Западной Европе начался быстрый переход к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим представительствам. Было заложено основы институционализации внешней политики каждого отдельного государства и европейской внешней политики в целом [5; 6].

Речь Посполитая в период раннего Нового времени пребывала в общеевропейской орбите международных дел и формировала свои институты

дипломатии и дипломатическую службу. В центре внимания находился Посол как собирательный образ представителя государства, и который наделялся определёнными качествами, и которому делегировались особые функции. В Речи Посполитой в этот период уже чётко прослеживается в представлениях теоретиков дипломатии и в практических инструкциях послам следовавших из Речи Посполитой к государям стран как Европы, так и Востока, в частности – Османской империи – чётко сформулированные императивы [7].

Вопросы институционального развития дипломатии Речи Посполитой раннего Нового времени изложены в дипломатических трактатах и, в частности, в работе Криштофа Варшевицкого. При этом следует сразу акцентировать внимание на том, что хотя дипломатическая практика Речи Посполитой была практически близка к аналогичным практикам Московии, дипломатическая теория всё больше тяготела к европейским образцам (европейским моделям дипломатии).

Речепосполитовские «учебники по дипломатии» составлялись в соответствии с принципами, которых придерживались во всей Европе. Общие правила ведения дел здесь были сформулированы в такой способ, чтобы новички в этой сфере (молодые дипломаты) имели бы возможность быстро и эффективно использовать их в конкретных ситуациях. К наиболее известным европейским трактатам принадлежат труды: Альберико Джентили «De legationibus libri tres.» (1585) и «De jure belli libri tres» (1598), Жана Готмана «The Ambassador» (1603), Абрахама Викфорта «L'Ambassadeur et ses Fonctions» (1681), и Франсуа де Кальереса «De la Maniere de Negocier» (1697). В целом в Европе трактаты такого качества начали появляться в начале XV века, и первым из наиболее известных трудов по дипломатии считается труд *Ambaxiator Brevilogus* («Лаконичное изложение функций и правил поведения посла» (1436)) Бернарда де Розьера.

В Речи Посполитой самым известным «учебником по дипломатии» принято считать трактат Криштофа Варшевицкого «О послах и посольствах» (*De Legato et Legatione*), впервые изданный в 1591 году. Сам автор – Криштоф Варшевицкий (1543-1603) был дипломатом, переводчиком и политическим публицистом. Указанный выше трактат содержит детальные инструкции и рекомендации как для дипломатов, так и для тех, кто их назначает для той или иной миссии. Так, например, Варшевицкий обращает внимание на происхождение, образование, внешний вид, моральность потенциального дипломата. Он даёт множество советов относительно составления дипломатической инструкции. Наибольшее же внимание, конечно, уделяется тому, как должен себя вести посол в дороге, при чужеземном дворе и во время официальных аудиенций. В этот период происходит сме-

шение акцентов в специальной дипломатической литературе от описаний качеств дипломатов к более важному – систематизации функциональных обязанностей и всех видов деятельности дипломатов.

Очень важным источником информации о дипломатических практиках Речи Посполитой исследуемого периода являются – дипломатические инструкции [8]. Они содержат исчерпывающий материал и информацию о деятельности, функциях и образе дипломата Речи Посполитой эпохи раннего Нового времени [9]. В работах современников исследуемого периода мы можем проследить зачатки классификации инструментов внешней политики государства: мирные инструменты внешней политики (многосторонние и односторонние) и силовые (военные) инструменты внешней политики. В своих трудах они описывают плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; дипломатия – как средство; медиация (посредничество); переговорный процесс; портрет дипломата (личные качества, требования к профессиональным качествам, образование) [10; 11]. В эпоху раннего Нового времени в Европе уже сформировался традиционно европейский образ дипломата. Интеллектуальная Европа раннего Нового времени создала новую институциональную модель и новый образ дипломата, с дипломатическим иммунитетом, моральными качествами и формальным статусом [12; 13; 14].

Можно констатировать, что важными составляющими характеристики дипломатических практик раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) являются внешние силы, воздействующие на дипломата извне или проникающие в его душу. Рациональные и иррациональные эмоции – их сочетание и составляет особенности дипломатических практик и деятельности дипломатов Речи Посполитой раннего Нового времени, и в этот период уже ставится вопрос о требованиях контроля над эмоциями, хотя взгляды на пределы такого контроля различаются в дипломатических и ментальных установках системы ментальных координат в международно-политическом контексте.

В период раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) в дипломатических практиках всегда присутствовала эмоциональная дилемма, главным образом влияющая на образ дипломата раннего Нового времени – дилемма социального и индивидуального. Она не утратила актуальности и сегодня.

Приёмы и методы дипломатии раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства и формирование его институтов дипломатии и в военное, и в мирное время. В XVI-XVII веках в модели дипломатии Речи Посполитой приоритетной становится тенденция к повышению формального значения практических

полномочий дипломата вместе с сохранением важности функции репрезентации и коммуникации. Речепосполитовский посол раннего Нового времени должен был проявлять все свои лучшие качества и в целом уже соответствовал общеевропейским канонам дипломатического искусства.

Литература

1. Циватий В.Г. Європейська зовнішня політика доби раннього Нового і Нового часу: проблеми інституціоналізації (теоретико-методологічний аспект) // Науковий вісник Дипломатичної академії України. К.: «ДЕМІД», 2000. Вип. 4. С. 268-274.
2. Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. Paris: Presses Universitaires de France, 2012.
3. Lentz T. Le congrès de Vienne. Une refondation de l'Europe, 1814-1815. Paris: Perrin, 2013.
4. Ziesenis Ch.J. Le congress de Vienn et l'Europe des prince. Paris, 1984.
5. Kolodziejczyk D. The Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Centuries). Leiden: Boston: Brill, 2000.
6. Mowat Robert Balmain. A History of European Diplomacy (1451-1789). London: Hamden-Connecticut, 1971.
7. Anderson M. S. The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. New York: Longman Publishing, 1993.
8. Instrukcja W. Hieronimowi Radziejowskiemu // Świącki T. Historyczne pamiątki znamienitych rodzin i osób. Warszawa, 1858. T. 2. S. 386.
9. Warszewicki K. O posle i poselstwach / Wyd. J. Życki. Warszawa, 1935.
10. Historia Dyplomacji Polskiej. Red. Zbigniew Wójcik. T. 2. Warszawa, 1982.
11. Собираательство и меценатство в эпоху Возрождения / ред.-сост. А.В. Доронин, О.Ф. Кудрявцев. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
12. Mattingly G. Renaissance diplomacy. Boston, 1955.
13. Livet G. L'équilibre européen de la fin du XVe à la fin du XVIII e siècle. Paris: PUF, 1976.
14. Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени: Сборник трудов в честь Всеволода Матвеевича Володарского. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЙ ДОГОВОР О НАТУРАЛИЗАЦИИ (1870)

Киселева Ольга Анатольевна,

доцент, кандидат исторических наук, доцент

Вологодский государственный университет

г. Вологда, Россия

olgakiseleva03@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание миграционных процессов в отношениях между США и Великобританией после гражданской войны. Определяются причины обострения проблем экспатриации и натурализации в двусторонних контактах, анализируется ход их урегулирования.

Ключевые слова: англо-американские отношения; договор о натурализации; миграция; фении; экспатриация.

THE MIGRATION PROCESS AND ANGLO-AMERICAN NATURLISATION TREATY (1870)

Kiseleva Olga Anatolievna

Associate Professor of the Department of World History

and Social-Economic disciplines, Candidate of History

Vologda State University, Vologda, Russia

olgakiseleva03@mail.ru

Abstract. The article is devoted to researching of the migration process in the anglo-american relations after the Civil War. The author characterises the problems of expatriation and naturalization in mutual contacts. Settlement of these items is described too.

Keywords: anglo-american relations; Naturalization treaty; migration; fenians; expatriation.

Миграция населения вызывается сложным комплексом экономических, социально-политических, религиозных, этнических и иных факторов, с одной стороны, и оказывает своеобразное «давление» на них – с другой. Особое место в миграционных потоках занимает перемещение трудовых ресурсов, которое при правильной организации может стать дополнительным стимулом экономического роста государства-реципента. Хорошо

известно, что одним из таких государств в Новое время были США, заинтересованные в притоке эмигрантов из Европы, в первую очередь, из Англии. По мнению ряда зарубежных исследователей, на протяжении большей части XIX века существовала так называемая «атлантическая экономика», базировавшаяся на взаимодополняемости национальных хозяйств Великобритании и США. Основой ее было пересекающееся движение и взаимодействие двух потоков – промышленной продукции, капиталов и рабочей силы – с Британских островов, сырья и продовольствия – из США [1, с. 103].

После гражданской войны (1861-1865) значительно возросла потребность американского хозяйства в трудовых ресурсах. Согласно данным Министерства финансов, за годы конфликта промышленность Севера лишилась 500 – 750 тыс. чел. в результате гибели части населения, переезда в другие районы, возвращения в Европу [2, с. 352 – 354]. С целью восполнения трудовых резервов Конгресс США принял «Акт о поощрении иммиграции» (1864), которым предполагалось возобновить традиционную для Североамериканской республики контрактную систему ввоза работников. Эта архаичная система оказалась неэффективной, и Национальное иммиграционное бюро было закрыто в 1868 году. Вопросами иммиграции стали заниматься консулы, специальные агентства штатов и частные вербовочные бюро. Все чаще владельцы американских предприятий действовали самостоятельно, без посредников, и направляли в Англию своих представителей, как правило, британцев по рождению, хорошо знакомых как с ситуацией на исторической родине, так и с потребностями фирмы. В результате миграция в США превысила выезд из Великобритании во все остальные страны, доминионы и колонии, вместе взятые, составив в 1865 – 1877 г. 1 млн. 618 тыс. из общего числа эмигрантов в 2 млн. 274 тыс. чел. [3, с. 204]. Это актуализировало необходимость урегулирования старого англо-американского спора о гражданстве и статусе натурализованных лиц.

Особую остроту вопросу придал политический фактор – активизация в США деятельности ирландских революционеров – фениев, направивших летом 1867 г. специальную экспедицию для подготовки восстания в Ирландии. Английский парламент, приостановив действие Акта о неприкосновенности личности (1679), санкционировал арест экспедиционеров в соответствии с лежавшим в основе английского законодательства принципом: "однажды англичанин – всегда англичанин", по которому возвращавшиеся мигранты воспринимались как подданные английской короны. Это вызвало массовые акции протеста в США, участники которых требовали немедленного вмешательства президента, так как среди задержанных было значительное число лиц, приобретших гражданство США и, по американ-

скому закону, имевших равные права с урожденными американцами, в том числе право на защиту со стороны государства. Противоположность доктрин гражданства была обусловлена различиями в историческом и этническом развитии двух стран. США, население которых в значительной степени состояло из иммигрантов, с большой настойчивостью добивались признания европейскими государствами принципа экспатриации. В Конгресс был внесен билль "О правах американских граждан за границей" ("Билль возмездия"), гласивший, что «в случае ареста натурализовавшегося американца на том основании, что натурализация в США не означает утраты прежнего гражданства, президент имеет право на арест любого подданного этого иностранного государства, находящегося в данный момент в пределах юрисдикции США» [4, с. 783].

К счастью, данный законопроект был отклонен, и на рубеже 1867-1868 г. начались поиски конструктивного урегулирования проблемы. Известный английский юрист В. Харкорт высказался за пересмотр «доктрины неизменного гражданства, уходящей корнями в феодальное право», и внес предложение о создании двусторонней комиссии из юристов и государственных деятелей. Министр иностранных дел Великобритании лорд Стенли предложил создать более авторитетную комиссию из представителей США, Пруссии, Франции и Англии, призванную разработать и рекомендовать к реализации общую систему регулирования вопросов гражданства, закрепленную многосторонним соглашением [5, с. 258]. Данный вариант урегулирования, несомненно, явился отражением усилившейся тенденции к интернационализации хозяйственной жизни, в том числе в сфере миграции рабочей силы. Он мог бы стать важным шагом в кодификации норм международного права, но создать такую комиссию не удалось.

Позиция США в двусторонней комиссии заключалась в том, что любому лицу, не совершившему преступления, должно быть предоставлено право покинуть родину и, отказавшись от своего прежнего подданства, приобрести новое гражданство. Натурализовавшемуся таким образом гражданину предоставлялась защита со стороны государства, чье подданство он приобрел, наравне с урожденными гражданами этого государства. Таким образом, США выступили за признание абсолютного права экспатриации и натурализации.

Именно эти принципы и легли в основу подписанного 9 октября 1868 г. двустороннего протокола о натурализации [6, с.354]. После принятия английским парламентом 12 мая 1870 г. Закона о натурализации изменившего английское законодательство, были ликвидированы все препятствия для заключения соответствующего договора. Он был подписан 13 мая 1870 г. и по содержанию полностью совпадал с протоколом 1868 г. 10 августа 200

1870 г. стороны обменялись ратификационными грамотами, и договор вступил в силу.

Таким образом, договор о натурализации закрепил важную уступку со стороны Великобритании, признавшей принципы экспатриации и натурализации, что явилось серьезным приобретением США, принимавших огромное число мигрантов в условиях бурного экономического роста в эпоху Реконструкции. С подписанием этого документа получила разрешение проблема, осложнявшая двусторонние отношения с момента возникновения США. Тот факт, что она была урегулирована на основе принципов, выдвинутых последними, явилось свидетельством усиления Соединенных Штатов, преодолевших болезненные последствия раскола и достигших консолидации в рамках единого государства, с чем не могла не считаться Великобритания. В то же время договор стал результатом осознания английским правительством несоответствия концепции «неизменного гражданства» новым историческим условиям.

Литература

1. Bagwell Ph.S., Mingay G .E. Britain and America 1850 – 1939. A Study of Economic Change. / Ph. S . Bagwell, G.E. Mingay. London, Routledge & Kegan Paul, 1970.
2. Historical Aspects of the Immigration Problem. Select Documents / Ed. by Abbott F. Chicago, the Univ. of Chicago Press, 1926.
3. English Historical Documents / General ed. Douglas D.C. Vol. 12 (1). London, Eyre & Spottiswoode, 1970.
4. USA. Congress. Congressional Globe, 1865 -1873. W., G.P.O., 1865 -1873.
5. Morrow R.L .The Negotiation of the Anglo-American Treaty of 1870 / R.L. Morrow // The American Historical Review. 1934. Vol.39. P. 663 – 681.
6. U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1868 – 1869. W.: Government Printing Office, 1870.

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ГРЕЧЕСКИЙ КРИЗИС 1945–1949 гг.*

*Калинин Александр Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Россия
lepse@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается советская политика в отношении Греции накануне и в годы гражданской войны 1946–1949 гг. Дипломатическое противостояние СССР и США по греческому вопросу являлось одним из первых проявлений холодной войны.

Ключевые слова: советская внешняя политика; холодная война; Организация Объединенных Наций; Балканы; греческая гражданская война; И. Сталин.

SOVIET DIPLOMACY AND THE GREEK CRISIS, 1945–1949

*Kalinin Alexander Alexandrovich
PhD (history), Associate Professor, Senior Research Fellow,
Chair of World History and Political Science, Vyatka State University
Kirov, Russia
lepse@yandex.ru*

Abstract. The article examines Soviet policy towards Greece before and during the Civil War of 1946–1949. Diplomatic confrontation between the USSR and the USA on the Greek question was one of the first manifestations of the Cold War.

Keywords: Soviet foreign policy; Cold War; United Nations; Balkans; Greek Civil War; J. Stalin.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-01-50066.

В 2016 г. исполняется 70 лет с начала гражданской войны в Греции 1946–1949 гг. Греческий кризис стал первым локальным конфликтом холодной войны, в котором косвенно принимали участие два складывающихся блока – страны народной демократии во главе с Советским Союзом и государства «свободного мира», ведомые Соединенными Штатами. Именно ситуация в Греции подтолкнула в 1947 г. американскую администрацию к провозглашению доктрины Трумэна.

В 1941–1942 гг. в Греции развернулось движение Сопrotивления. Ведущую роль в нем играли левые силы и, в частности, Коммунистическая партия Греции (КПГ). Последняя была не прочь реализовать в Греции «югославский сценарий» и установить коммунистический режим, однако этот вариант совершенно не устраивал Великобританию. Поэтому Лондон еще в 1944 г. поспешил договориться с Москвой о сферах влияния. В ходе советско-британских переговоров, которые завершились «процентным соглашением», СССР дал понять, что не претендует на заметное влияние в Греции [4]. В период восстания левых в Афинах в декабре 1944 г. СССР придерживался нейтралитета.

Однако уже в начале 1945 г. между СССР и западными державами обозначились разногласия по греческому вопросу. На Ялтинской конференции (февраль 1945 г.) И. В. Сталин дал понять, что в обмен на невмешательство в греческие дела он ожидает гарантий «свободы рук» для Москвы в Болгарии, Румынии и Польше. Но Лондон и Вашингтон явно не были готовы к сделкам со Сталиным по сферам влияния в Европе. В ответ СССР развернул информационную кампанию критики «монархо-фашистского» террора в Греции и потребовал вывода британских войск из страны [2]. В американском посольстве в Греции отмечали, что приводимые в советской прессе отдельные выдержки из британских и американских печатных изданий тщательно подобраны и отредактированы, чтобы нарисовать самыми черными красками внутреннюю ситуацию в стране и подкрепить «сказки» греческих коммунистов о «фашистском терроре» в освобожденной Греции. По версии дипломатов, Москва пыталась «ловить рыбу в мутной воде» в надежде добиться каких-либо уступок от западных союзников [9, р. 12–15].

К середине 1945 г. проблема «реакционного» греческого правительства стала для Советского Союза важным аргументом в спорах с западными державами по вопросу о политических режимах стран Восточной Европы на Потсдамской конференции (июль – август 1945 г.) и Лондонской сессии Совета министров иностранных дел (сентябрь – октябрь 1945 г.). Во время обеда с У. Черчиллем 18 июля Сталин сказал, что очень уязвлен американским требованием сменить правительства Румынии и Болгарии. «Он не

вмешивается в греческие дела, и поэтому американцы поступают несправедливо», – вспоминал Черчилль логику советского вождя [8, с. 361].

Следующим шагом советской дипломатии стала постановка греческого вопроса в ООН. 21 января 1946 г. исполняющий обязанности главы делегации СССР в ООН А. А. Громыко направил в Совет Безопасности официальный протест против присутствия британских войск в Греции, считая их угрозой миру и безопасности [5, с. 38]. Однако позиция Москвы не нашла поддержки, вопрос не ставился на голосование и был исключен из повестки дня [10, р. 337–338].

В августе 1946 г. представитель Украинской ССР в ООН Д. З. Мануильский 24 августа выступил с жалобой по поводу ситуации в Греции и прямого вмешательства англичан во внутренние дела страны [10, р. 351]. Однако и на этот раз Совет Безопасности не смог принять никакого решения по греческому вопросу.

Дискуссии в ООН возобновились в декабре 1946 г. на фоне эскалации гражданской войны в Греции. 19 декабря Совет Безопасности единогласно принял резолюцию о создании Комиссии по расследованию греческих пограничных инцидентов [10, р. 360–362]. Сразу после начала работы греческой комиссии (январь 1947 г.) обозначились серьезные разногласия между советским и польским представителями и остальными участниками. К августу 1947 г. обсуждение греческого вопроса в Совете Безопасности из-за бескомпромиссной позиции Москвы окончательно зашло в тупик.

Американцы, твердо настроенные вовлечь ООН в решение греческого вопроса, решили передать его в Генеральную Ассамблею, где у СССР не было права вето. 21 октября 1947 г. Генассамблея 40 голосами «за» при 6 «против» и 11 воздержавшихся приняла резолюцию 109 (II) «Угроза политической независимости и территориальной целостности Греции», которая предусматривала создание Специального комитета ООН по Балканам. СССР и Польша отказались в нем участвовать [1; 3].

«Рубиконом» в советской греческой политике стал 1947 г. Выдвижение Г. Трумэнэ программы помощи Греции и Турции в Москве было воспринято, с одной стороны, как переход США к открыто антисоветскому курсу, а с другой, как симптом слабости позиций Запада в Греции, банкротства британской политики на Балканах и успеха борьбы греческих коммунистов. Поверив утверждениям лидера греческих коммунистов Н. Захариадиса о широчайшей поддержке КПГ греками, Сталин решил попробовать «прощупать» штыком позиции империалистов в Греции. С мая 1947 г. по апрель 1949 г. Кремль придерживался «наступательной» тактики в греческой политике. Из стран народной демократии, включая СССР, греческим

партизанам тайно осуществлялись поставки трофейного оружия, боеприпасов, продовольствия, обмундирования и других материалов.

В дипломатических отношениях с греческим правительством до 1947 г. СССР проявлял сдержанность. Только в апреле 1947 г. советский посол К. К. Родионов и 13 сотрудников посольства выехали из Греции. В Афинах остались лишь временный поверенный в делах Н. П. Чернышев и несколько работников аппарата посольства. В ответ греческое правительство через несколько месяцев отозвало из Москвы своего посла А. Политиса. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) от 24 июля Родионов был освобожден от обязанностей посла СССР в Греции. Новый посол не был назначен [7, л. 87]. Отношения между странами на уровне послов были, таким образом, прерваны и не возобновлялись до 1953 г.

Следующим шагом в советском давлении на Афины стала угроза разрыва дипломатических отношений. В начале августа 1947 г. Чернышев предпринял новый демарш: сославшись на случаи установления тайного полицейского наблюдения за советскими официальными лицами и репрессии в отношении греческих граждан, посещающих советское посольство, он заявил греческим властям, что такие действия «несовместимы с наличием дипломатических отношений между Грецией и Советским Союзом» [6, с. 4]. Однако эта угроза не была реализована.

Неудачи повстанческого движения в Греции и нежелание дальнейшего нагнетания напряженности в отношениях сверхдержав привели к разочарованию Кремля. В военном отношении уже к осени 1948 г. положение повстанцев было безнадежным. В 1949 г. и советское руководство осознало, что без масштабной помощи СССР борьба греческих коммунистов бесперспективна. Москва ни в коем случае не была готова к эскалации вооруженного конфликта в Греции и его расширению на весь Балканский полуостров. В апреле греческим коммунистам было дано указание прекратить вооруженную борьбу. СССР предпринял попытку дипломатическими методами добиться «почетного мира» для КПГ, однако встретил жесткий отпор США и Великобритании. Вашингтон счел попытку Москвы перейти к конструктивному обсуждению греческого вопроса неискренней, считая этот шаг лишь некоторым изменением тактики, но не советской цели подчинения Греции своему контролю. Поражение повстанческого движения в Греции в конце августа 1949 г. означало и утрату Советским Союзом основного инструмента влияния на ситуацию в стране. Греческий эпизод холодной войны завершился поражением Москвы.

Литература

1. Калинин А. А. Греческий вопрос в ООН в 1946–1947 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 39–47.

2. Калинин А. А. Греческий кризис 1945–1949 гг. в оценках советской прессы // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). 2014. № 4. С. 107–111.

3. Калинин А. А. Соперничество США и СССР в ООН в период холодной войны: дискуссии по греческому вопросу в 1947–1951 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 59–68.

4. Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36.

5. Организация Объединенных Наций. Совет безопасности. Официальные отчеты. Первый год. Первая серия. Дополнение № 1. Лондон, 1946.

6. Правда. 1947. 15 августа.

7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1502.

8. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 6. М., 1998.

9. L. MacVeagh to the Secretary of State. Political Developments in Greece: May 15 – June 1, 1945. Athens. June 1, 1945. U. S. National Archive and Records Administration, College Park, Maryland, USA. Record Group 59. General Records. Central Decimal File, 1945–1949. 868.00/6-145.

10. United Nations. Yearbook of the United Nations, 1946–1947. N. Y., 1947.

УДК 94(73) "1940/1950"

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОГО ИЗОЛЯЦИОНИЗМА В 1940 – 1950-Х ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ А. ВАНДЕНБЕРГА И Р. ТАФТА)*

Ильин Дмитрий Владимирович,

доцент кафедры всеобщей истории и политических наук,

кандидат исторических наук,

Вятский государственный университет

г. Киров, Россия

dimahist@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция внешнеполитических взглядов двух влиятельных сенаторов-республиканцев в середине XX в. Автор показывает на примере Ванденберга и Тафта, что изоляционизм как идейное течение не исчез после Пёрл-Харбора, отдельные постулаты были органично включены в теорию и практику глобалистской политики США в послевоенном мире.

Ключевые слова: Конгресс США; изоляционизм; Республиканская партия; НАТО; ООН.

* Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6

EVOLUTION OF AMERICAN ISOLATIONISM IN 1940 – 1950-S (BY THE EXAMPLE OF A. VANDENBERG'S AND R. TAFT'S VIEWS)

Ilyin Dmitriy Vladimirovich

Ph.D (History), chair of World History and Political Sciences

Vyatka State University

Kirov, Russia

dimahist@mail.ru

Abstract. The evolution of the foreign policy views of two influential Republican senators in the middle of the XX century are considered in the article. The author shows by the example of Vandenberg and Taft, that isolationism as an ideological trend has not disappeared after Pearl Harbor, some postulates were organically included in the theory and practice of the U.S. globalist policy in the postwar world.

Keywords: U.S. Congress; isolationism; Republican Party; NATO; UN.

Изоляционизм, несомненно, принадлежит к числу значительнейших явлений в истории внешней политики США. Достаточно часто в историографии верхнюю хронологическую границу изоляционизма проводят по 1941 г., в работах по американской внешней политике периода Второй мировой войны и послевоенного периода он изображается в качестве проигравшей стороны, безальтернативно уходящей в прошлое [1–5]. Связь между нападением на Пёрл-Харбор и «гибелью» изоляционизма не вызывает возражений, если под изоляционизмом подразумевать только военный нейтралитет и многолетнюю внешнеполитическую практику. Однако за полтора столетия своего существования изоляционизм оформился в целую систему принципов, идей и доктрин, которые не могли в одночасье уйти в небытие только из-за одного факта вступления Америки в мировую войну, что можно продемонстрировать на примере эволюции взглядов сенаторов-республиканцев Артура Ванденберга (штат Мичиган) и Роберта Тафта (штат Огайо).

В предвоенное двухлетие (1939 – 1941 гг.) Ванденберг и Тафт зарекомендовали себя как противники вовлечения США в разгорающийся европейский конфликт. Их аргументация была достаточно типична для представителей консервативного крыла изоляционизма: военное невмешательство соответствовало интересам безопасности, видевшееся неизбежным взаимное ослабление Германии, Британии, СССР должно было сыграть на руку американскому бизнесу в мировой торговле, а также минимизировать угрозу распространения коммунизма [6, p.2–10; 7, P. A2557–2559, A3178; 8, p. 255–256].

Вступление Америки в мировую войну не заставило сенаторов публично отречься от своих взглядов, более того, при удобном случае они подчеркивали патриотический характер своих довоенных взглядов и лозунгов [9; р. 28; 10, р. 9505]. Однако в новых условиях они уже не могли опираться на старый «багаж» и достаточно быстро начали адаптировать принцип «свободы рук» к возможному международному сотрудничеству после войны.

В 1942 – 1943 гг. оба сенатора открыто поддерживали идею международного сотрудничества в вопросах обеспечения мира и безопасности, полагая при этом, что детализированные международные обязательства со стороны Соединённых Штатов и остальных союзников преждевременны [11 р. 8665, 9221–9222; 7. р. 364.]. И Ванденберг, и Тафт считали, что механизмы будущей международной организации должны быть запущены лишь после справедливого урегулирования территориальных, внутривнутриполитических и иных спорных вопросов между государствами-участниками. Обратный порядок, по оценкам обоих политиков, грозил превращением организации в орудие доминирования великих держав (Великобритании и, особенно, Советского Союза) над малыми государствами [12, р. 287; 6, р. 96–98].

Позиции сенаторов впервые серьёзно разошлись в 1944 г. при оценке американского проекта ООН, в частности – права вето великих держав в Совете безопасности. Ванденберг считал вето важнейшим средством отстаивания американских интересов, в понимании же Тафта вето выхолащивало суть организации безопасности, делая ООН беспомощной в случае агрессии со стороны любой из великих держав. Сенатор из Огайо идеалистически полагал, что основой послевоенного мира должен быть не баланс сил или федеративное сверхгосударство, а верховенство принципов международного права [6, р. 95–96; 7, р. 605; 8, р. 9097–9101].

Идеализм Тафта в области военно-политических вопросов парадоксальным образом сочетался с холодным рационализмом, даже прижизненностью сенатора в вопросах финансово-экономических. Признавая необходимость американской помощи пострадавшим от войны странам, сенатор из Огайо единственной основой такой помощи считал прямые американские кредиты без посредничества Международного валютного фонда и Международного банка, учрежденных Бреттон-Вудскими соглашениями 1944 г. Тафт крайне скептически оценивал будущую эффективность использования американских денег новыми финансовыми институтами и видел в последних не более чем площадки для консультаций и обмена мнениями [7, р. 57; 13, р. 3218, A220].

Ванденберг, в отличие от своего коллеги, предпочитал не вмешиваться в финансовые аспекты послевоенного планирования и по «кирпичику» вы-

страивал конструктивные отношения с Белым Домом и Государственным Департаментом. В апреле – июне 1945 г. мичиганский сенатор в рядах американской делегации принял активнейшее участие в конференции Объединённых наций в Сан-Франциско, рассматривавшей Устав ООН. При непосредственном участии сенатора, инициировавшего рассмотрение вопроса о региональных военных альянсах, в итоговом варианте Устава появились статьи 51 и 53, закрепившие за государствами участниками право на индивидуальную и коллективную самооборону, а также на применение силы до вмешательства ООН [14, с. 132–134]. Тем самым Ванденбергу удалось инкорпорировать идеи регионализма (важного элемента старых изоляционистских конструкций) в новую систему международной безопасности.

Во второй половине 1940-х гг. Ванденберг неоднократно включался в состав американских делегаций на международных форумах и выступал в роли главного «адвоката» внешнеполитических инициатив администрации Г. Трумэна в Сенате, где всё чаще одним из ведущих его оппонентов выступал Тафт.

Выделение помощи Греции и Турции в соответствии с «доктриной Трумэна» Тафт поддержал лишь в виде исключения перед лицом угрозы распространения коммунизма, изрядно сомневаясь в реальности военной угрозы со стороны СССР и недоумевая по поводу игнорирования американцами механизмов ООН [15, р. 264; 16, Р. 3786]. «План Маршалла» и особенно Североатлантический пакт 1949 г. ярко продемонстрировали разницу в подходах двух сенаторов. Программа европейского восстановления (законодательное воплощение «плана Маршалла») была подвергнута Тафтом резкой критике за поощрение неэффективных экономических практик в Западной Европе, а также за создание рисков инфляции и роста бюджетного дефицита в США. Создание НАТО, по мысли сенатора, провоцировало Советский Союз на нанесение превентивного удара по Западу и накладывало излишне продолжительные и конкретные обязательства на Америку в случае вражеского нападения на союзников [16, р.10930–10931; 17, р. 2514, 2641–2643, 2708; 18, р. 61–62]

Ванденберг при оценке «плана Маршалла» ставил во главу угла политическую целесообразность, неоднократно подчёркивая, что «мир дешевле войны». Убедая сенаторов поддержать ратификацию Североатлантического пакта, мичиганец указывал на то, что сам факт наличия альянса важнее, чем формы союзнической поддержки, которые могли быть вариативны и при атаке на американских союзников не подразумевали те же ответные действия, что и при прямом нападении на США [6, р. 386, 387; 17, р. 1918; 19, р. 8893].

Тяжелая болезнь и кончина Ванденберга в 1951 г. на несколько лет оставили за Тафтом статус главного идеолога республиканцев не только по вопросам внутренне, но и внешней политики. В начале 1950-х гг. «мистер

Республиканец» предлагал основой советского сдерживания избрать тотальное господство американских ВВС и ВМФ в океанах и воздушном пространстве при сокращении численности и роли сухопутных сил, а также при избирательной обороне важнейших территорий по периметру коммунистической зоны влияния (Великобритания, Япония, Тайвань, Суэцкий канал и др.) [20, p. 57–60; 21, p. 83–87].

Однако даже такой вариант тафтовского глобализма был слишком консервативен для своего времени и не получил необходимой поддержки американцев. В 1952 г. сенатор не смог добиться выдвижения на должность президента от Республиканской партии, и спустя год скончался от рака.

В качестве вывода отметим единодушие сенаторов-республиканцев относительно таких традиционных ориентиров и принципов американской внешней политики, как приоритет американских интересов, унилатерализм (приверженность принципу «свободы рук» и односторонним действиям), регионализм. Их с разной степенью успешности два политика вплетали в «ткань» послевоенной внешней политики. Унилатерализм Ванденберга оказался не столь прочным и долгоиграющим, однако прагматизм сенатора из Мичигана позволил ему включить идеи регионализма в новые международные структуры – ООН и НАТО. Взгляды же Тафта причудливо сочетали в себе стойкий политический унилатерализм и экономический национализм с почти вильсонистским поклонением идеалам международного права и справедливости. В итоге идеи консервативного тафтовского глобализма так и остались нереализованной альтернативой внешнеполитического курса Соединённых Штатов.

Литература

1. Cole W.S. Roosevelt and Isolationists, 1932–1945. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1983.
2. Divine R.A. The reluctant belligerent. American entry into Second World War. N.Y.: Knopf, 1979.
3. Наджафов Д.Г. Нейтралитет США, 1935 – 1941. М.: Наука, 1990.
4. Коваль В.С. США во Второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики. 1939 – 1941. Киев: Наукова думка, 1976.
5. Миньяр-Белоручев К.В. Американский изоляционизм во Второй мировой войне. Формирование послевоенного внешнеполитического курса США. М.: Московский лицей, 2001.
6. Vandenberg A. The Private Papers of Senator Vandenberg. / Ed. by A. Vandenberg, Jr. Boston: Houghton Mifflin, 1952.
7. Taft R.A. The Papers of Robert A. Taft. Vol. 2. 1939 – 1944 / Ed. by C. Wunderlin. Kent: Kent University press, 2001.
8. Congressional Record. Vol. 86. Wash.: USGPO, 1940.
9. Darilek R. A Loyal Opposition in Time of War: The Republican Party and the Politics of Foreign Policy from Pearl Harbor to Yalta. Westport L.: Greenwood press, 1976.

10. Congressional Record. Vol. 87. Wash.: USGPO, 1941.
11. Congressional Record. Vol. 89. Wash.: USGPO, 1943.
12. Patterson J. Mr. Republican: A Biography of Robert A. Taft. Boston: Mifflin, 1972.
13. Congressional Record. Vol. 91. Wash.: USGPO, 1945.
14. Ильин Д.В. Сенат США и позиция американской дипломатии на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. // История в современном мире: актуальные проблемы изучения и преподавания. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. С. 130 – 136.
15. Taft R.A. The Papers of Robert A. Taft. Vol. 3. 1945 – 1948 / Ed. by C. Wunderlin. Kent: Kent University press, 2003.
16. Congressional Record. Vol. 93. Wash.: USGPO, 1947.
17. Congressional Record. Vol. 94. Wash.: USGPO, 1948.
18. Taft R.A. The Papers of Robert A. Taft. Vol. 4. 1949–1953 / Ed. by C. Wunderlin. Kent: Kent University press, 2005.
19. Congressional Record. Vol. 95. Wash.: USGPO, 1949.
20. Congressional Record. Vol. 97. Wash.: USGPO, 1951.
21. Taft R. A. A Foreign Policy for Americans. N. Y.: Doubleday, 1951.

УДК 9.94

США И СССР НА ПУТИ К ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

*Воробьева Тамара Альбертовна,
доцент, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории и политических наук
Вятский государственный университет, г. Киров, Россия
listak@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется начальный этап формирования холодной войны в Восточной Азии. Автор акцентирует внимание на последствиях прихода к власти КПК в 1949 г. и подписания советско-китайского договора 1950 г., что вносило значительные изменения в расстановку сил на Дальнем Востоке, заставило администрацию Трумэна пересмотреть стратегию США в Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Трумэн; Ачесон; КПК; Тайвань; Индокитай; Сталин; Китай.

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ РФ, НИШ-9803.2016.6.

THE USA AND THE USSR ON A WAY TO COLD WAR IN EAST ASIA

Vorobyova Tamara Albertovna

Docent, the candidate of history

*Associate Professor of the Department of General history and political
Sciences, Vyatka State University, Kirov, Russia*

listak@mail.ru

Abstract. The article analyzes the initial stage of the Cold War in East Asia. The author focuses on the implications of joining the USSR to power in 1949, and the signing of the Sino-Soviet treaty in 1950, which introduced significant changes in the balance of forces in the Far East, made the Truman administration to revise US strategy in the Pacific.

Keywords: Truman; Acheson; China; Taiwan; Stalin; Indochina.

Процесс втягивания Восточной Азии в сферу политики «сдерживания» оказался замедленным по сравнению с Европой и Ближнем Востоком, но зато его последствия оказались более трагическими. Ялтинская система здесь дольше обеспечивала стабильность, что было связано с периферийным положением региона в политике США и СССР.

Действительно в первые послевоенные годы позиции обеих держав совпадали по основным вопросам послевоенной ситуации в Восточной Азии. Однако уже на этом этапе обозначились геополитические противоречия, сыгравшие важную роль в формировании конфликтной ситуации в регионе. Как заметил отечественный исследователь А. Богатуров, «потенциал устойчивого развития не реализовался», каждая сторона вкладывала своё понимание в содержание соглашений [1, с. 85]. По словам американского посла в Москве А. Гарримана, «одни и те же слова для советских людей и для нас имеют разное смысловое значение» [2, с. 255]. Вскоре это стало проявляться на практике. В январе 1949 г., обсуждая перспективы китайской политики, члены Совета национальной безопасности (СНБ) пришли к выводу, что «в настоящее время главная задача для США не допустить превращения Китая в придаток СССР» [3, с. 475-476].

Переформатирование ялтинской системы в Восточной Азии началось после прихода к власти КПК. Белый дом оказался перед выбором – следует ли продолжать политику поддержки Чан Кайши или лучше начать процесс признания новой власти? [4, с. 21]. Наиболее активно выступали республиканцы [5, с. 17]. Так, конгрессмен Уолтер Х. Джэдд и сенатор Р. Тафт настаивали на том, что политику «сдерживания коммунизма» следовало, прежде всего, применить к Китаю [6, с. 75-77; 7, с. 103]. Однако админист-

рация Трумэна отказалась от использования военной силы для подавления коммунистического движения в Китае в 1949 г. В декабре 1949 г. в недрах Совета Национальной Безопасности (СНБ) были разработаны два документа, которые определяли политику США на ближайшую перспективу [8, с. 1215-1220]. С одной стороны, предлагалось предпринять усилия, чтобы не допустить роста влияния СССР в Азии, а с другой – продвигать собственные национальные интересы, в связи с чем следовало укрепить позиции в Японии и Филиппинах, оказывать военную и экономическую помощь ряду стран в борьбе с левыми повстанческими движениями (в Индокитае, Малайе).

Часть американской политической и военной элиты была убеждена, «что экспансионистские усилия Советского Союза в Азии предвещали быть более широкими, чем в Восточной Европе», а Тайвань превращается в «неоценимый стратегический актив в регионе в борьбе с коммунистами» [9, с. 6; 10, с. 291]. В то же время, 5 января 1950 г. президент Трумэн заявил, что «США не будут использовать вооружённые силы для вмешательства в гражданскую войну или оказания военной помощи Тайваню», а спустя несколько дней – 12 января – госсекретарь Д. Ачесон обозначил американскую зону безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (директивы NSC 48/1 и 48/2), за пределами которой оказались Корея и Тайвань [11, с. 256, 259, 264]. А. Богатуров допускает, что администрация Трумэна склонялась к тому, чтобы избежать атмосферы напряжённости в отношениях с Советским Союзом в Азии из-за Китая [1, с. 90]. Однако реакция И. Сталина была другой. Он обратил пристальное внимание на заявление Д. Ачесона о перенесении тихоокеанского периметра. Как пишет Дж. Гэддис, это подтолкнуло советского лидера к разработке глобальной стратегии в отношении Азии, основой которой должен был стать новый договор с Китаем, затем он дал «зелёный свет» Киму, и «призвал Хо Ши Мина активизировать наступление против французов» [12, с. 42]. С 22 января в Москве начались переговоры по выработке советско-китайского договора, который был подписан 14 февраля 1950 г. [13, Док. 575].

Установление советско-китайского альянса в Москве встревожило вашингтонских стратегов, ибо первую статью договора американские аналитики оценили, как оформление военного союза против США [14, с. 22; 15, с. 269]. Мэл Гуртов отмечал, что «в результате исключались нейтралитет в японской внешней политике и возможность нормализации американо-китайских отношений» [16]. Гордон Чэн пишет, что американцы стали рассматривать советско-китайский альянс как «скоординированный международный коммунистический заговор» [9, с. 76]. Несколько другой позиции

придерживался Дж. Кеннан, который обратил внимание на возникшие во время переговоров противоречия между Сталиным и Мао [17, с. 160].

Дж. Даллес, находившийся на Дальнем Востоке по просьбе госсекретаря, в своём обзоре ситуации в Восточной Азии сообщал, что «потеря Китая привела к сдвигу баланса сил в пользу Советской России» и, далее, «если в СССР будут уверены, что из-за риска войны мы не предпримем шагов, чтобы не допустить передачу Тайваня под власть коммунистов, то это приведёт к катастрофе в Азии» [17, с. 314-315]. В Вашингтоне был поставлен вопрос о военной помощи Тайваню [18, с. 117]. По словам Гэддиса, Тайвань стал рассматриваться в свете глобального баланса сил между СССР и США [12, с. 78, 80], а Гарвер считает, что с этого времени изменилась геополитическая роль Тайваня в американской политике [14, с. 24]. Помимо тайваньской проблемы обостряется ситуация в Корее. Одновременно Трумэн дал указание "подготовить в приоритетном порядке программы практических мер, направленных на защиту интересов безопасности Соединенных Штатов в Индокитае" [18, с. 115]. «Из-за страха китайского коммунистического влияния на Индокитай Трумэн вмешивается во Вьетнам», – пишет Р. Донован [6, с. 65]. «Победа коммунистов в Индокитае может привести к потере для Запада всей ЮВА», поэтому следовало не допустить «повторения китайской ситуации» в этом регионе [17, с. 439; 19, с. 202,204].

Тайвань, Корея и Индокитай к лету 1950 г. становились основными зонами противостояния между КНР и СССР, с одной стороны, и США, с другой. Переориентация Вашингтона на Японию, планы «возрождения японского милитаризма» сближали интересы в вопросах укрепления безопасности Москвы и Пекина. В Пекине, анализируя складывавшуюся в Восточной Азии обстановку, пришли к выводу о расширении американской экспансии в трёх направлениях – Тайвань, Вьетнам и Корея. В итоге была принята "концепция трех фронтов" [18, с. 96]. Начавшаяся летом 1950 г. война в Корее окончательно включила регион в американскую политику сдерживания коммунизма. Завершающим этапом этого процесса была серия соглашений США с Японией, подписанных осенью 1951 г., положивших начало американо-японскому военно-политическому союзу.

Литература

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт – МОНФ, 1977.
2. Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.

3. United States Department of State. Foreign relations of the United States (далее FRUS) The Far East: China. 1949. Wash., 1974. V. 9.
4. Choi Wooseon. Structural Explanation of Alliance: U.S.-China Relations 1949-1972. University of Chicago, Department of Political Science, 2005.
5. The Evening Citizen, 1950, 18 January.
6. Donovan, R. J. Tumultuous years. The Presidency of Harry Truman 1949-1953. N. Y.: Norton, 1982.
7. Koen R. Y. The China Lobby in American Politics. N.Y., et. al.: Harper & Row, 1974.
8. FRUS: 1949. The Far East and Australasia (in two parts). Wash., 1976. V. 7(2).
9. Chang G. H. Friends and Enemies: The United States, China, and the Soviet Union, 1948-1972. Stanford: Stanford University Press, 1990.
10. Vestad O. A. Decisive Encounters: the Chinese Civil War, 1946-1950. Stanford: Stanford University Press, 2003.
11. FRUS: 1950. East Asia and the Pacific. Wash., 1976. V. 6.
12. Gaddis, J.L. The Gold War. A new history. Boston: Penguin USA, 2007.
13. Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Т.V: Советско-китайские отношения 1946-февраль 1950. Кн. 2:1949-февраль 1950. / Отв. ред. С.Л.Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2005.
14. Garver J. W. The Sino-American Alliance. Nationalist China and American Gold War Strategy in Asia. N.Y.: M.E.Sharp. Armonk, 1997.
15. Wei H. China and the Soviet Russia. N.Y., D.Van Nostrand Company, INC, 1974.
16. Gurtov Mel. From Korea to Vietman: The Origins and Mindset of Postwar U.S. Interventionism. (Электронный ресурс) URL: <http://www.japanfocus.org/-Mel-Gurtov/3428>. (дата обращения 1 мая 2016 года)
17. FRUS: 1950. National security affairs; foreign economic policy. Wash., 1977. V.1.
18. Chen Jian. China's road to the Korean War: the making of the Sino-American confrontation. New York: Columbia University Press, 1994.
19. Buhite R. Soviet-American relations in Asia, 1945-1954. Norman: University Oklahoma Press, 1981.

**“АТАКУЯ СОВЕТСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ ИЗНУТРИ”:
АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ЮГОСЛАВИИ В УСЛОВИЯХ МАККАРТИЗМА***

*Костин Алексей Александрович,
зав. кафедрой всеобщей истории и политических наук,
кандидат исторических наук, доцент,
Вятский государственный университет
г. Киров, Россия
kaa.doc@mail.ru*

Аннотация. В статье охарактеризована исключительность американской поддержки Югославии, исключённой из Коминтерна, раскрыты трудности внешней политики США, обусловленные действиями маккартистов.

Ключевые слова: США; маккартизм; холодная война; советско-югославский конфликт.

**"PERFORMING THE ATTACK FROM WITHIN ON SOVIET
IMPERIALISM": AMERICAN AID TO COMMUNIST
YUGOSLAVIA IN CONDITIONS MCCARTHYISM**

*Kostin Aleksei Aleksandrovich
Head of Chair of General History and Political Science, Ph.D.,
Associate Professor, Vyatka State University
Kirov, Russia
kaa.doc@mail.ru*

Abstract. The article described the exclusivity of US support for Yugoslavia expelled from the Comintern, are disclosed US foreign policy difficulties caused by the actions of McCarthyists.

Keywords: United States; McCarthyism; Cold War; Tito-Stalin split.

В 1949 г. усилился начавшийся раскол мира на два противостоящих друг другу блока стран. Испытание советской атомной бомбы и образование Китайской Народной Республики многие американцы расценили, по словам В.В. Согрина, как происки советской стороны и проявление слабости позиции США, что послужило толчком праворадикальной популист-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-31-01303.

ской истерии и карьерному росту сенатора Дж. Маккарти. Его сторонники поставили под свой контроль национальный комитет Республиканской партии и ряд ключевых комитетов Конгресса [1, с. 270, 340]. 23 сентября 1950 г. маккартисты добились принятия Закона о внутренней безопасности (Закон Маккарена – Вуда). Было создано Управление по контролю над подрывной или антиамериканской деятельностью, задачей которого было выявление и преследование коммунистов. К 1952 г. были тщательно проверены более 4 млн. американцев, находившихся на государственной службе или претендовавших на неё. Обвинительные заключения были вынесены против 9 с лишним тысяч человек, а дела почти 3 тысяч человек были переданы в суд. Среди подозреваемых в «симпатиях к коммунизму» оказались госсекретарь Д. Ачесон, кандидат на президентский пост от демократов Э. Стивенсон, бывший личный переводчик президентов Ч. Болен, историк А. М. Шлезингер-младший и многие другие [2, с. 269–70, 272–273, 290, 296–297].

Однако в условиях массовой антикоммунистической истерии, используемой республиканцами для дискредитации демократической администрации президента Г. Трумэна, США начали широкомасштабную помощь коммунистической Югославии. Конфликт югославских коммунистов с Москвой, ставший достоянием мировой общественности в июне 1948 г., вынудил Вашингтон закрыть глаза на идеологические разногласия и поддержать режим И. Броза Тито в его противостоянии с Кремлём. За поддержку Тито высказался идейный «отец» политики «сдерживания коммунизма» Дж. Ф. Кеннан. В феврале 1949 г. он предупредил руководство, что крах режима Тито сокрушит надежды националистически настроенных коммунистических лидеров в других странах-сателлитах СССР, и подчеркнул, что «титоизм осуществляет разрушительную эрозию внутри сферы влияния Кремля». «Как бы мы не относились к Тито, – объяснял Кеннан, – он теперь действует в наших интересах, эффективно атакуя советский империализм изнутри коммунистической семьи. Тито, пожалуй, наш самый ценный актив в борьбе за сдерживание и ослабление русской экспансии. Он должен иметь возможность своим самобытным вариантом коммунизма доказать, что восточноевропейская страна может выйти из-под контроля Москвы и при этом успешно развиваться» [3, р. 18–20].

Мнение Кеннана было услышано. 8 сентября 1949 г. Экспортно-импортный банк удовлетворил просьбу Югославии о предоставлении кредита в 20 млн дол., МВФ одобрил кредит на сумму 3 млн дол. [4, р. 946; 5, р. 31; 6, л. 1; 7, р. 71]. С началом Корейской войны Конгресс внёс поправки в Закон о помощи взаимной обороне, и 29 декабря 1950 г. президент подписал Чрезвычайный закон о помощи Югославии [7, р. 88, 94; 8, р. 1439–1440, 1507–1508; 9, л. 268–269; 10, р. 25]. 16 апреля 1951 г. Трумэн объявил о решении предоставить Югославии 29 млн дол. [11, р. 232]. 14 ноября

1951 г. было подписано Соглашение о военной помощи между Соединёнными Штатами и Югославией. На ФНРЮ было распространено действие Закона о взаимной безопасности от 10 октября 1951 г., который санкционировал использование почти 7,5 млрд дол. на оказание помощи американским союзникам [12]. К середине 1955 г. США предоставили Югославии военную и экономическую помощь на сумму почти 1,2 млрд дол. [10, р. 28].

Администрации президента Трумэна было крайне непросто объяснить американским налогоплательщикам, почему США оказывают помощь коммунистической стране. Влиятельный сотрудник Госдепартамента Дж. Кэмпбелл позже скажет, что «для этого требовалось объяснить населению Соединенных Штатов мотивы нашей политики. Неизбежно приходилось сталкиваться с аргументом: “Почему мы должны помогать коммунистам? Мы боремся с коммунизмом, мы сейчас воюем в Корее, и во всем мире уже идёт холодная война. А теперь вы пришли к нам и просите предоставить специальную помощь и отдать нашу пищу, чтобы поддержать коммунистов”» [13]. В условиях борьбы с коммунизмом мысль об оказании поддержки коммунистической стране казалась довольно абсурдной и опасной. Американский посол в ФНРЮ в 1953–1957 гг. Дж. Риддлбергер вспоминал: «Убедить американский Конгресс выделить деньги для коммунистического диктатора ... это довольно неприятное занятие. ... Я считаю, Трумэн был абсолютно прав, и я уверен, в этом деле он проявил ... много мужества» [14]. Говоря об оказании помощи Белграду, помощник и затем заместитель директора Отдела торговой политики Госдепартамента в 1951–1954 гг. У. Армстронг, подчеркнул: «В атмосфере ... маккартизма, это было не так-то просто» [13].

Избрав курс поддержки коммунистической страны, представители администрации Трумэна рисковали подвергнуться преследованиям со стороны маккартистов. Однако внешнеполитические выгоды от усиления раскола в коммунистическом движении были значительны. Ради сдерживания СССР приверженность югославского режима коммунистической идеологии стала иметь второстепенное значение.

Литература

1. Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.
2. Иванян Э.Я. Белый дом: президенты и политика. М., 1975.
3. The State Department Policy Planning Staff Papers. Vol. III: 1949. N. Y., 1983.
4. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1949. Vol. V: Eastern Europe; the Soviet Union. Wash., 1976.
5. Lampe J., Prickett R., Adamović L. Yugoslav-American Economic Relation since World War II. Durham; L., 1990.

6. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0144. Оп. 11. П. 29. Д. 4. Л. 16, 19; Оп. 33. П. 134. Д. 13.
7. Lees L. Keeping Tito Afloat: The United State, Yugoslavia, and the Cold War. Pennsylvania, 1997.
8. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. 1950. Vol. IV: Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Wash., 1980.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1322.
10. Campbell J. Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967.
11. Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the Presidents. Harry S. Truman. January 1 to December 31, 1951. Wash., 1965.
12. Military Assistance Agreement Between the United States and Yugoslavia, November 14, 1951. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/yugo001.asp (дата обращения: 29.05.2016).
13. McKinzie R. Oral History Interview with John C. Campbell, New York, June 24, 1974. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm> (дата обращения: 29.05.2016).
14. Hess J. Oral History Interview with James W. Riddleberger, Washington, April 26, 1972. URL: <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/riddle3.htm> (дата обращения: 29.05.2016).

УДК 327 + 94(44).068 + 94(714)

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИИ ФРАНЦИИ
ПО «КВЕБЕКСКОМУ ВОПРОСУ»:
СЕРЕДИНА 1960-х – НАЧАЛО 2010-х гг.**

*Акимов Юрий Германович,
профессор кафедры американских исследований,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
y.akimov@spbu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается позиция, занимаемая Францией по отношению к канадской франкоязычной провинции Квебек с середины 1960-х гг. до настоящего времени. Прослеживается эволюция подходов официального Парижа к квебекскому сепаратизму. Анализируются различные форматы взаимодействия Франции и Квебека.

Ключевые слова: Франция; Квебек; сепаратизм; парадипломатия; «привилегированное партнерство».

EVOLUTION OF FRANCE POSITION ON «QUEBEC QUESTION» SINCE MID 1960s TILL THE BEGINNING OF 2010s

Akimov Yury Germanovich

Dr. of History, Professor at the Department of American Studies,

St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

y.akimov@spbu.ru

Abstract. The article deals with the French position towards Quebec, Canadian French-speaking Province since mid 1960s till present. It shows the evolution of Paris' official attitude towards Quebec separatist movement. It analyses different formats of France–Quebec relations and interaction.

Keywords: France; Quebec; separatism; paradiplomacy; «special partnership».

«Квебекский вопрос» (или «Квебекская проблема») в современном виде возник в 60-е гг. XX в., когда начался подъем национального движения франко-канадцев, на протяжении почти двух столетий подвергавшихся дискриминации по этно-конфессиональному и языковому признаку. Исторически «ядром» Французской Канады является провинция Квебек – единственная провинция в Канадской федерации, где франко-канадцы составляют подавляющее большинство населения (во всех остальных провинциях доминируют англо-канадцы). Квебек всегда считался «провинцией не как все», однако только с начала «Тихой революции» 1960-х гг. он стал рассматриваться как главный политический инструмент выражения, защиты и продвижения интересов франко-канадского сообщества, причем как внутри Канады, так и за ее пределами.

Именно в это время Квебек начал делать первые самостоятельные шаги на международной арене, став одним из пионеров парадипломатии (субъектно-территориальной дипломатии) в мире. Тогда же важнейшим зарубежным партнером франкоязычной провинции стала Франция. В 1961 г. в Париже был открыт «Дом Квебека», позднее преобразованный в Генеральную делегацию, а в 1965 г. – заключено первое квебекско-французское соглашение о сотрудничестве в сфере образования.

На первый взгляд ориентация международной деятельности Квебека на Францию кажется очевидной (учитывая общее историческое прошлое, общность языка, культуры и т.п.). Однако следует учитывать, что после английского завоевания Новой Франции в ходе Семилетней войны (1756–1763) контакты между Францией и жителями ее бывшей колонии практически прекратились. На протяжении почти двухсот лет франко-канадское

сообщество было предоставлено само себе и развивалось в отрыве от бывшей метрополии, которая, в свою очередь, почти не вспоминала о его существовании (отдельные контакты осуществлялись только на уровне религиозных и просветительских организаций). Ситуация кардинально изменилась, когда президентом Франции стал генерал Шарль де Голль – выдающийся государственный деятель, ревностный поборник возрождения французского «величия», стремившийся (насколько это позволяли условия «холодной войны») к проведению активной и независимой внешней политики. Де Голль был первым французским политиком, проявлявшим большой интерес к «заокеанской ветви французского народа» (так он называл франко-канадцев). Естественно он обратил пристальное внимание на события, происходившие в Квебеке. Генерал всерьез рассчитывал, что национальное движение франко-канадцев приведет их к идее образования собственного государства – «Французской республики Канады». Он неоднократно заявлял об этом, как минимум с 1963 г. Тогда же де Голль подчеркнул, что необходимо не просто поддерживать контакты с Квебеком, но вывести отношения с ним на уровень «особого», «привилегированного» партнерства [1].

Таким образом, в середине 1960-х гг. сложилась исключительно благоприятная обстановка для становления и развития квебекско-французских отношений, поскольку обе стороны были в этом заинтересованы. Немаловажную роль играло и то обстоятельство, что канадское федеральное правительство на первых порах заняло по отношению к этому в целом нейтральную позицию.

В 1967 г. состоялся визит де Голля в Квебек, во время которого он неоднократно заявлял о поддержке, которую Франция готова оказать «канадским французам». 24 июля с балкона Монреальской ратуши он произнес вошедшую в историю речь, заканчивавшуюся словами «Да здравствует свободный Квебек!». В последующие полтора года генерал пытался оказывать давление на квебекское руководство, надеясь направить его на путь достижения независимости [2]. Показательно, что именно с этого времени квебекских премьеров во время из визитов во Францию стали принимать с почестями, обычно полагающимися только главам суверенных государств (и эта традиция сохраняется до наших дней) [3, р. 81]. Однако тогдашние лидеры Квебека стремились не к суверенитету, а к реформе канадской федерации, и использовали внешнеполитические акции (в том числе «голлистскую атаку») для усиления своих позиций на переговорах с Оттавой.

Уход де Голля и смена руководства в Квебеке и Канаде создали новую ситуацию. С одной стороны, в провинции с конца 1960-х гг. постепенно

стали расти сепаратистские настроения, выразителем которых стала Квебекская партия (PQ, «пекисты»), с другой – в 1968 г. к власти в Оттаве пришел Пьер Элиот Трюдо – яркий лидер и убежденный противник квебекского национализма и сепаратизма. Оттава стала с большой настороженностью относиться к контактам Парижа и Квебека, что привело к росту напряженности в канадско-французских отношениях. В частности, Трюдо все время своего пребывания у власти (то есть до 1984 г.) блокировал идею проведения Саммита Франкофонии, поскольку французская сторона настаивала на участии в нем Квебека, а канадский премьер не хотел, чтобы одна из провинций (тем более самая проблемная) участвовала в международном форуме, наравне с суверенными государствами.

Наиболее острой ситуация стала после того, как в 1976 г. пекисты выиграли выборы в Квебеке, а их харизматичный лидер Рене Левек стал провинциальным премьером. Центральным пунктом его предвыборной программы было проведение референдума о политическом суверенитете Квебека (при сохранении экономической ассоциации с «Остальной» Канадой). Естественно, что в свете этого Левек и его соратники стремились заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом со стороны международного сообщества. Особые надежды он возлагали на Францию. Президент Валери Жискар д'Эстен не был готов пойти так далеко, как де Голль, однако он также относился с сочувствием и симпатией к Квебеку. Принимая Левека в Париже в ноябре 1977 г., он заявил, что со стороны Франции Квебек может рассчитывать на «понимание», «доверие» и «поддержку» [4]. Именно тогда была сформулирована позиция, которой в целом придерживались все французские лидеры (за исключением Николая Саркози). Она получила название «*ni-ni*» – «невмешательство и безразличие» («*non ingérence, non indifférence*»), и с одной стороны, подразумевала невмешательство Франции во внутренние дела Канады, а с другой – подчеркивала заинтересованность Парижа в судьбе Квебека. Такой подход вполне устраивал Левека и его соратников, однако всерьез беспокоил федеральные власти, которые были прекрасно осведомлены о том, что значительная часть французской политической элиты явно симпатизирует пекистам.

На референдуме о суверенитете Квебека, проведенном 20 мая 1980 г., «за» высказалось 40% жителей провинции, а 60% проголосовало «против». Этот результат вызвал большое разочарование во Франции – газеты писали о «крушении надежд» целого поколения [5, р. 133]. Однако официальный Париж не изменил своей позиции и продолжал оказывать поддержку Левеку, что было продемонстрировано в ходе очередного визита квебекского премьера во французскую столицу в декабре 1980 г.

Произошедшая в 1981 г. смена лидера во Франции также не повлияла на ее отношения с Квебеком. В этом вопросе социалист Франсуа Миттеран не стал отказываться от «голлистского» наследства. Уже в июле 1981 г. он заявил Левеку, что настроен на продолжение политики «братства и дружбы» с франкоязычной провинцией Канады. В апреле 1982 г. премьер-министр Франции Пьер Маруа, выступая в Национальной Ассамблее Квебека, подтвердил, что народ его страны «твердо находится» на стороне квебекцев и со «страстным вниманием» следит за происходящими у них событиями [6, р. 137]. В первой половине 1980-х гг. в Квебеке было реализовано несколько крупных французских инвестиционных проектов. Именно тогда к развивавшемуся еще с 1960-х гг. и ставшему традиционным сотрудничеством Франции и Квебека в сфере образования, науки и культуры, добавилась заметная экономическая составляющая.

Приход к власти в Оттаве в конце 1984 г. консервативного кабинета Брайана Малруни вкупе с отставкой Левека и победой либералов-федералистов на провинциальных выборах в Квебеке в конце 1985 г. способствовали снижению напряженности в французско-квебекско-канадском треугольнике. Знаковым событием стало проведение в 1986 г. долгожданного Первого саммита Франкофонии и участие в нем канадского и квебекского премьеров. Следует иметь в виду, что во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. в Канаде предпринимались попытки решить «квебекскую проблему» путем предоставления франкоязычной провинции «особого статуса» в федерации (Мич-лейкское и Шарлоттаунское соглашения). Ответственно этой ситуации Франция оставалась сторонним наблюдателем.

Провал этих попыток привел к новому всплеску сепаратистских настроений в провинции. В 1994 г. к власти в Квебеке вновь пришли пекисты во главе с новым лидером Жаком Паризо. На октябрь 1995 г. был назначен второй референдум о суверенитете. На сей раз позиция, занятая Францией, была, пожалуй, еще более благоприятной для «пекистов», чем пятнадцатью годами ранее. Их были готовы поддержать и социалисты, и голлисты. Еще в июле 1994 г. министр иностранных дел Ален Жюппе заявил о том, что Франция «не оставит Квебек». В январе 1995 г. в аналогичном ключе высказались премьер-министр Эдуард Балладюр и мэр Парижа Жак Ширак (несколько месяцев спустя ставший президентом) [5, р. 198–200]. Хотя второй референдум также не принес победы сторонникам суверенитета, его результат (49,42% «за» и 50,58 % «против») показал, что поставленная ими цель вполне достижима. Напряженная ситуация сохранялась до конца 1990-х гг.; лишь на рубеже XX–XXI в. страсти понемногу улеглись. В это же время произошла нормализация отношений Парижа и Оттавы, что продемонстрировал Саммит Франкофонии в Монктоне, провинция Нью-

Брансиук в 1999 г. Тем не менее, и в последующие годы Франция продолжала демонстрировать свое явное «небезразличие» по отношению к Квебеку. Единственным исключением можно назвать период президентства Николя Саркози (2007–2012), который неоднократно заявлял, что Франция «не хочет выбирать между Канадой и Квебеком» и заинтересована в сохранении провинции в составе федерации [7]. Однако нынешний президент Франции Франсуа Олланд вернулся к «традиционной» политике по отношению к Квебеку и подтвердил свою приверженность формуле «ni-ni» [8].

Литература

1. Акимов Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник С.-Петербург. ун-та. 2014. Сер. 6. Вып. 2. С. 146–152.
2. Акимов Ю.Г. «Да здравствует свободный Квебек!» – Шарль де Голль и Французская Канада // КЛИО, 2015. № 3. С. 241–249.
3. Boshier J.F. The Gaullist Attack on Canada, 1967–1997. Montreal & Kingston: London: Ithaka: McGill–Queen’s University Press, 2000.
4. Le Devoir. 1977. Le 5 novembre.
5. Histoire des relations internationales du Québec / Sous la dir. de S. Paquin avec la coll. de L. Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006.
6. Le Devoir. 1982. Le 28 avril.
7. Toronto Star. 2008. May, 9 // URL: <https://www.thestar.com/news/canada/2008/05/09/sarkozys_quebec_comments_stir_anger.html> (дата обращения 14.05.2016)
8. The Globe and Mail. 2012. October, 15 // URL: <<http://www.theglobeandmail.com/news/politics/french-president-reinstates-historic-policy-toward-quebec-sovereignty/article4612810/>> (дата обращения 14.05.2016)

ДИНАМИКА АМЕРИКАНО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1945-1970-е гг.*

*Росина Марина Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
и политических наук Вятского государственного университета
г. Киров, Россия
marina_rosina@mail.ru*

Аннотация. В статье выявляется динамика американо-румынских отношений в 1945–1970-е гг. Выделяются их основные этапы и факторы, повлиявшие на формирование внешнеполитических курсов двух стран.

Ключевые слова: внешняя политика США; Румыния; холодная война; международные отношения.

THE DYNAMICS OF US–ROMANIAN RELATIONS IN 1945–1970s.

*Rosina Marina
Candidate of Historical sciences, Associate Professor of the Department
of General History and Political Sciences of Vyatka State University
Kirov, Russia
marina_rosina@mail.ru*

Abstract. The article discusses the dynamics of US–Romanian relations in 1945–1970s. Discloses its main stages and factors, that influenced on the formation of foreign policies of these states.

Keywords: foreign policy of the United States; Romania; the Cold War; international relations.

Выявление динамики американо-румынских отношений в 1945–1970-е гг. необходимо для того, чтобы глубже понять процесс эволюции холодной войны и механизмы американского проникновения в Восточную Европу. Во взаимоотношениях Вашингтона и Бухареста можно выделить ряд этапов, каждый из которых отличался своей спецификой.

Период с августа 1944 г. по март 1945 г. характеризовался желанием румынского руководства, получить от американской стороны гарантии

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303.

того, что после войны страна будет защищена от возможного советского произвола. Вашингтон стремился не нарушать конструктивный диалог с Москвой и весьма лояльно относился к усилению советских позиций [1, р. 197-198, 203, 222, 243; 2, р. 509-510, 536; 3, р. 246-248; 4, л. 91-93; 5, р. 487, 490; 6, с. 244-245, 247; 7, р. 114; 8]. Непосредственная близость к советским границам делала очевидным важное значение Румынии в обеспечении послевоенной безопасности СССР. Все это сопровождалось отсутствием особого интереса к этой стране со стороны США и их надеждой на добросовестное исполнение Советским Союзом Декларации об освобожденной Европе [2, р. 475–476].

Установление в Румынии просоветского режима П. Грозы сделало очевидным нежелание Кремля считаться с интересами своих западных союзников. США отказались признать законность нового правительства и заняли твёрдую позицию на заседаниях СМВД. В этой связи период с марта 1945 г. по февраль 1946 г. стал временем острой дипломатической борьбы Вашингтона и Москвы за Румынию. Важным изменением в американской политике явилась демонстрация Кремлю, американской общественности и всему мировому сообществу ужесточения своего курса в отношении СССР. Однако на московской сессии СМВД в декабре 1945 г. американские делегаты пошли на уступки, и в феврале 1946 г. румынское правительство было официально признано Вашингтоном [9, с. 69–78].

В течение третьего периода с февраля 1946 г. по декабрь 1947 г. американцы лишились фактической возможности влиять на ситуацию в Румынии. Важной особенностью этого периода явились систематические призывы доживавшей свой век румынской антисоветской оппозиции к открытому вмешательству Вашингтона во внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Администрация США, не скупясь на моральную поддержку, не считала нужным вмешиваться в отстаивание румынской независимости. Краеугольным камнем её политики стала «доктрина сдерживания», а главной задачей – формирование заслона дальнейшему распространению «коммунистической заразы» в мире.

В 1948–1953 гг. Вашингтон практически полностью оказался лишен возможности воздействовать на ситуацию в Восточной Европе. В Румынии, как и в большинстве стран региона, была принята конституция по советскому образцу. До 1953 г. все внешнеполитические действия Бухареста осуществлялись в полном соответствии с требованиями Кремля. Приверженность главы румынского правительства и генерального секретаря РРП Георгиу-Дежа советскому курсу не вызывала никаких сомнений. Помимо проведения национализации, ускоренной индустриализации и коллективизации, исправной поставки продуктов Советскому Союзу в соответствии с

существующими соглашениями Георгиу-Деж выражал свою верность Кремлю и как борец с «империалистическими шпионами» [10, р. 162; 11, р. 38-39; 12, р. 183].

Всё это вело к затуханию каких бы то ни было американо-румынских контактов. Руководством США Румыния воспринималась чуть ли не как часть СССР. Курс, осуществлявшийся применительно к этой стране, по сути лишился выделенного характера и стал подчинён главной цели Вашингтона – прекращению советской экспансии и ослаблению влияния Кремля в мире. События данного этапа в наибольшей степени иллюстрируют практическую реализацию концепции «сдерживания» в её классическом понимании. По мере нарастания социально-экономических и политических преобразований в странах Восточной Европы, Соединенные Штаты ужесточали свою внешнеэкономическую политику, ограничивая экспорт товаров, необходимых для развития народного хозяйства, повышения жизненного уровня населения. Динамика сокращения экспорта из США показывает, что его размеры напрямую зависели от темпов общественно-политических и социальных преобразований в странах региона [13, р. 121-122]. Тем не менее, американцам не удалось защитить свои интересы. Действия румынского правительства не оставляли сомнений в стремлении к дискриминации интересов Соединенных Штатов и других западных стран. Это нашло проявление в благоприятных ценовых условиях и добросовестности исполнения торговых соглашений, заключенных с государствами советской сферы, а также в уникальных преимуществах, предоставленных советско-румынским объединенным компаниям в вопросах налогообложения и т.д. [14, р. 527]

В 1953–1965 гг. произошли принципиальные изменения в политике румынского руководства, следствием которых стало усиление интереса США к налаживанию контактов с Бухарестом. В начале указанного периода особых различий между СССР и его союзниками американская администрация не делала. Политические меры и экономические ограничения в одинаковой степени распространялись на всю группу социалистических стран. Основной постулат американской политики, продолжавшей своё развитие в рамках концепции «сдерживания», сводился к тому, что любая помощь или нормализация отношений с одним из просоветских государств будет способствовать выгоде всего блока [15, р. 73-74]. Всё больший акцент делался на необходимость оказания экономической и дипломатической помощи тем странам, которые стремились избежать контроля Москвы или выйти из-под него. При этом допускалось проведение шпионажа и контршпионажа за границей США, широкий размах приобрела антисоветская пропаганда в средствах массовой информации [16, с. 114; 17; 18].

Особое внимание в американской политике уделялось поиску «слабых звеньев» в соцлагере – стран, которые не были в полной мере солидарны с советским курсом. Именно в этот период Румыния начала предпринимать явные попытки встать на свой «особый путь» в русле социализма. После смерти Сталина началось постепенное дистанцирование Бухареста от Москвы. Стремясь сохранить и упрочить свою личную власть, Георгиу–Деж не признал решения XX съезда КПСС. Руководство Румынии начало политику лавирования как в рамках социалистического лагеря, так и за его пределами. Страна предприняла попытку резко сместить приоритеты с интересов всего соцблока на свои собственные, понимавшиеся в духе национальной модели коммунизма [19, с. 32]. Важной вехой на пути обособления Румынии в соцлагере стало принятое в апреле 1964 г. заявление румынской компартии «О позиции РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения», в котором провозглашались «принципы независимости и невмешательства во внутренние дела социалистических стран» в рамках социалистического содружества [20]. В немалой степени своеволье румынского руководства было обусловлено сменой кремлёвского лидера (ставшего менее жёстким и авторитетным), а также выводом советских войск из Румынии летом 1958 г.

Период 1965–1979 гг. характеризовался фактическим возрождением американо-румынских отношений, практически полностью отсутствовавших с 1949 г. В 1965 г. румынское государство возглавил Н. Чаушеску. Под его руководством страна предприняла ряд импонировавших США внешнеполитических действий. В 1965 г. Чаушеску поднял вопрос о возвращении Советским Союзом золотого запаса румынского Национального Банка, который был вывезен на хранение в Российскую империю во время Первой мировой войны. Румыния не пошла на разрыв дипломатических отношений с Израилем после Шестидневной войны, не только не поддержала, но и резко осудила ввод советских войск в Чехословакию, сохранила дипломатические отношения с Чили после военного переворота А. Пиночета. В 1979 г. официальный Бухарест резко осудил ввод советских войск в Афганистан. Во внутренней политике продолжилась начавшаяся ещё при Георгиу–Деже реабилитация жертв политических репрессий.

Явным знаком одобрения новой румынской политики стал визит Р. Никсона в Бухарест в 1969 г. Румыния явилась первой страной соцлагеря, которая приняла на своей земле действующего президента США. И во время, и после этого визита Никсон неоднократно подчёркивал факт налаживания отношений с Румынией. Особое внимание в своих выступлениях он акцентировал на том, что в социалистическом блоке есть страны, граждане которых искренне разделяют идеалы американской политики, желают

ослабления советского контроля и стремятся к дружбе и сотрудничеству с США [21]. В 1975 г. возвращаясь с Хельсинского совещания, Румынию посетил президент Дж. Форд, который также одобрительно отзывался о сложившихся тенденциях румынской внешней политики и подчёркивал, что за последние десять лет стране удалось предпринять ряд важных шагов, свидетельствующих о её обособленной позиции в блоке социалистических стран [22]. В период 1970–1979 гг. румынский лидер также неоднократно посещал США. В ходе обозначенных взаимных визитов был заключён ряд важных американско-румынских торговых соглашений [23]. С точки зрения политиков США, Румыния, следуя «особым курсом», достигла в своей внешнеполитической практике максимально допустимых пределов независимости для государств – членов ОВД и по данному показателю заметно выделялась среди партнеров по блоку [24, с. 116], что могло служить залогом дальнейшего американско-румынского сближения.

На динамику американско-румынских отношений в 1945–1970-е гг. в первую очередь влиял советский фактор. До окончания Второй мировой войны США стремились к сохранению союзнического единства и не препятствовали разумному усилению советских позиций в Румынии. По мере ухудшения отношений с СССР важнейшей целью американского руководства стала реализация «доктрины сдерживания», направленной на предотвращение дальнейшего расширения влияния Кремля в мире. Вхождение Румынии в социалистический лагерь и приведение её внешнеполитического курса в полное соответствие с пожеланиями Москвы привело к фактической заморозке контактов Вашингтона и Бухареста вплоть до конца 1960-х гг. Налаживание американско-румынских отношений в 1970-х гг. было обусловлено двумя причинами: стремлением США ослабить советский блок путём усиления своих позиций в одной из его стран и относительной успешностью румынского курса на дистанцирование от СССР.

Литература

1. Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1944. Vol. IV.
2. FRUS. 1945. Vol. V.
3. FRUS. Conferences at Malta and Yalta.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 91-93.
5. A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. Wash., 1950.
6. Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1989.
7. De Santis H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union, and the Cold War, 1933–1947.
8. Oral History Interview with John C. Campbell // <http://www.trumanlibrary.org/oralhist/campbell.htm>

9. Росина М.А. Позиция Соединенных Штатов по румынской проблеме в 1944–1945 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 69–78.

10. Dobrinu D. The Soviet Counsellors' Involvement in Postwar Romanian Repressive and Military Structures // *Sovietization in Romania and Czechoslovakia. History, Analogies, Consequences.* Iași, 2003.

11. Fischer-Galati S. *The New Romania from People's Democracy to Socialist Republic.* Cambridge, 1967.

12. Crampton R.J. *The Balkans since the Second World War.* L.; N. Y., 2002.

13. Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе, 1945–1950 гг. Киев, 1991.

14. FRUS, 1949. Vol. V.

15. Kohn H. Europe, 1948 // *Current History.* 1949. Vol. XVI. № 90. P. 73-74.

16. Системная история международных отношений. Документы 1945–2003 / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 4. М., 2004.

17. Cryptonyms and Terms in Declassified CIA Files // <http://www.archives.gov/iwg/declassified-records/rg-263-cia-records/second-release-lexicon.pdf>;

18. Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР / России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.

19. Гладышева А.А. Формирование «особого курса» Румынии в социалистическом лагере (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2.

20. Заявление о позиции РПП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения 23 апреля 1964 г. // Румыния: документы, события, факты. Бухарест, 1964.

21. Remarks on Arrival at Bucharest, Romania August. 2 1969 // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2172&st=Romania&st1=>; First Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy for the 1970's. February 18, 1970 // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=2835&st=Romania&st1=>.

22. Remarks and a Question-and-Answer Session With Representatives of Greater Milwaukee Ethnic Organizations. April 2, 1976 // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5781&st=Romania&st1=>;

23. Presidential Campaign Debate October 6, 1976 // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=6414&st=Romania&st1=>.

24. Белевцева С.Н. Позиция Конгресса и президента США в отношении «особого курса» Румынии во второй половине 1980–х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (5).

ВЛИЯНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА 1948 Г. НА ПЕРЕХОД США К ПОЛИТИКЕ СДЕРЖИВАНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

Зорин Артём Викторович,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
кафедры всеобщей истории и политических наук
Вятский государственный университет, г. Киров, Россия
E-mail: arzor@list.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль февральского кризиса 1948 г. в Чехословакии в развитии политики США по сдерживанию СССР.

Ключевые слова: история Чехословакии; история США; холодная война.

THE INFLUENCE OF THE CZECHOSLOVAK CRISIS OF 1948 ON THE US CONTAINMENT OF THE USSR

Artem Viktorovich Zorin

*PhD, Senior Researcher, Vyatka State University, Kirov, Russia
E-mail: arzor@list.ru*

Abstract. The article examines the role of the Czechoslovak crisis of February, 1948 in the development of US Containment policy toward the USSR.

Keywords: history of Czechoslovakia; history of the USA; Cold War.

Развернувшееся по окончании Второй мировой войны соперничество между СССР и США сосредоточилось в нескольких ключевых регионах, где конкуренция двух держав перерастала в борьбу за политическое, экономическое и идеологическое влияние. Чехословацкая республика (ЧСР), располагавшаяся в центре Европы, оказалась на границе советской и американской зон влияния. Политика президента ЧСР Э. Бенеша заключалась в балансировании между великими державами с целью обеспечения независимости республики. В годы войны, с учетом растущего влияния СССР и ослабления западноевропейских держав эта стратегия была дополнена концепцией превращения ЧСР в зону сотрудничества, «мост» между Востоком и Западом – коммунистической и демократической системами. Исходя из этих ориентиров, Бенеш пошел на заключение договора о дружбе с

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01303.

Советским союзом. Получив заверения Москвы в невмешательстве во внутренние дела Чехословакии, он согласился на включение в коалиционное правительство коммунистов и принятие программы социалистических реформ. Но Вашингтон рассчитывал на скорое возвращение Чехословакии к довоенным демократическим порядкам. В освобождении ЧСР участвовали как советские, так и американские войска.

Дальнейшее развитие событий поставило под сомнение предлагавшийся Бенешем план. Присутствие Красной армии на территории ЧСР способствовало усилению влияния коммунистов в новых органах власти, которое, по мнению американских дипломатов, превышало уровень их реальной популярности [1, р. 456]. Уже в 1945 г. посол США в ЧСР Л. Штейнгардт воспринимал политическую ситуацию в этой стране в контексте общего противостояния между просоветскими и прозападными силами [2, с. 60]. В Вашингтоне полагали, что ситуация будет исправлена после проведения в мае 1946 г. демократических выборов. Но их итог оказался неожиданным – 38% голосов получили коммунисты, что превосходило показатели остальных партий. В новом коалиционном правительстве пост премьер-министра и ключевые позиции отошли к представителям и сторонникам коммунистов [3, с. 50].

Эти события развивались на фоне ухудшения отношений между СССР и США, зарождения холодной войны. В американских политических и дипломатических кругах стало расти недоверие к политике Москвы в Центральной и Восточной Европе. Любое усиление влияния левых сил стало рассматриваться как угроза распространения коммунизма на Запад. Под влиянием принятого Компартией Чехословакии (КПЧ) курса на сближение с СССР, правительство стало все более явно демонстрировать поддержку внешнеполитических инициатив Москвы, что вызывало все большие опасения в Вашингтоне. В 1947 г. после переговоров членов чехословацкой делегации с И.В. Сталиным в Москве руководство ЧСР вынуждено было отказаться от участия в Плане Маршалла по реконструкции Европы [4, с. 462–463; 5, р. 319–320]. Но в республике сохранялось коалиционное правительство, а местные коммунисты не проявляли желания к захвату власти.

После создания Коминформа в 1947 г. давление на КПЧ из Москвы усилилось. В сообщениях американских дипломатов стали проявляться опасения, что вскоре страна окажется под коммунистическим контролем [6, р. 233–235]. В подготовленном в ноябре 1947 г. экспертом госдепартамента Дж. Кеннаном обзоре прогнозировалось, что в ближайшее время СССР будет добиваться усиления контроля над Чехословакией. В случае падения в ней демократического режима коммунизм мог распространиться далее – на Италию и Францию [7, р. 770–774]. Единственным событием,

которое могло внести перевес в расклад сил, в Вашингтоне считали намеченные на весну 1948 г. выборы в чехословацкий парламент. По мнению американских дипломатов, они должны были привести к победе демократических партий.

20 февраля 1948 г. в Праге разразился политический кризис. 12 из 26 некоммунистических членов правительства выступили против попыток КПЧ усилить свое влияние и подали в отставку. Они намеревались спровоцировать роспуск кабинета и назначения нового премьера. Однако, организовав массовые демонстрации в Праге и получив поддержку социал-демократов, премьер-министр К. Готвальд добился от президента Бенеша замены выбывших министров своими сторонниками. В разгар событий в ЧСР прибыл заместитель министра иностранных дел СССР В.А. Зорин, который в конфиденциальных беседах с лидерами КПЧ призвал их действовать более решительно и не идти на уступки [4, с. 551–551]. Разведчик П. Судоплатов в своих воспоминаниях утверждал, что в Прагу для поддержки Готвальда были направлены 400 советских агентов [8, с. 277–279]. Но формально совершился легальный переход власти в руки левых сил. Вскоре был разработан проект Конституции, законодательно закреплявший его итоги. Избранное в мае Национальное собрание одобрило основной закон страны. Но отказавшийся его подписать Бенеш покинул свой пост и вскоре скончался. Избрание Готвальда на должность президента и последовавший затем роспуск оппозиционных партий ознаменовали окончательный переход Чехословакии на советский путь развития [3, с. 89].

Несмотря на легальный характер перехода власти, американская пресса оценила кризис как политический переворот, коммунистическую революцию [9]. Стремительное развитие событий стало неожиданностью для американских дипломатов. Посол Штейнгард, выезжавший на несколько месяцев в США, вернулся в Прагу после начала кризиса, и не смог оказать даже демонстративную поддержку демократическим силам. 24 февраля госсекретарь США в своей речи заявил, что произошедший переворот представлял угрозу для распространения коммунизма в Западную Европу. А 26 февраля США, Франция и Великобритания выпустили совместное заявление с осуждением установления однопартийной диктатуры и нарушения демократических норм в ЧСР. Штейнгардт видел причины произошедшего в целенаправленной политике СССР по распространению своего влияния [10, р. 736–754].

Тактика США, пытавшихся дождаться исхода парламентских выборов, потерпела поражение. Вера в превосходство демократических традиций, недостаточное внимание к развитию событий создавали неверное представление о реальном раскладе политических сил. Стремительность и не-

ожиданность политического кризиса в ЧСР, причастность к нему Москвы, возможность легального перехода власти к коммунистам шокировали многих американских политиков и дипломатов. Чехословацкие события оказали прямое влияние на политику Вашингтона и активизацию его борьбы по сдерживанию советской угрозы. Их результатом стал переход Вашингтона к более решительным действиям по сдерживанию коммунизма во Западной Европе. Реализованный во Франции и Италии План Маршалла содержал условия об исключении коммунистов из правительств, что способствовало ослаблению влияния левых партий [11, с. 40]. В дальнейшем противодействие коммунистическому влиянию стало одним из элементов американской политики в глобальном масштабе.

Литература

1. Foreign Relations of the United States. 1945. Volume IV. Washington, 1967.
2. Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе: 1945–1950 гг. Киев, 1991.
3. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Книга 2. М., 2005.
4. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 тт. Т. 1. 1944–1948 гг. М., 1999.
5. Foreign Relations of the United States. 1947. Volume III. Washington, 1973.
6. Foreign Relations of the United States. 1947. Volume IV. Washington, 1973.
7. Foreign Relations of the United States. 1947. Volume I. Washington, 1973.
8. Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.
9. The New York Times. February 28, 1948.
10. Foreign Relations of the United States. 1948. Volume IV. Washington, 1975.
11. Согрин В.В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны» // Новая и новейшая история. 2015. № 6.

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАНЦЛЕРА
ГЕРХАРДА ШРЕДЕРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕМУАРОВ)**

*Кириллова Александра Николаевна,
аспирант кафедры Нового и Новейшего времени СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Россия
hist.j.kan@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются мемуары «седьмого» канцлера ФРГ Герхарда Шредера, в которых геополитическая картина мира является одной из ведущих тем. Проводится исследование взглядов Шредера по таким ключевым вопросам, как место Германии в мире, основы работы ЕС, отношения ФРГ с Россией, США и Китаем, изучаются эволюция и истоки геополитических представлений немецкого канцлера.

Ключевые слова: Герхард Шредер; мемуары; геополитика; международные отношения; мировая политика; внешняя политика Германии.

**GEOPOLITICAL VIEWS OF CHANCELLOR GERHARD SCHRÖDER
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MEMOIRS)**

*Kirillova Aleksandra Nikolaevna
postgraduate student of the Chair of Modern and Current History,
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
hist.j.kan@gmail.com*

Abstract. The article deals with the memoirs of Gerhard Schröder, the 7th Chancellor of the Federal Republic of Germany. The main topic of these documents is his geopolitical views. The authour makes a research of Schröder's views about such key issues like Germany's place in the world, the functioning of the EU, relations with Russia, China, and the USA, also the article makes a contribution into the questions of sources and evolution of Schröder's geopolitical views.

Keywords: Gerhard Schröder; memoirs; geopolitics; international relations; world policy; German foreign policy.

Мемуары экс-канцлера ФРГ Герхарда Шредера представлены двумя сочинениями – «Решения. Моя жизнь в политике» [1] и «Внятные слова» [2] – и занимают важное место среди источников по истории деятельности

правительственной коалиции Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и «Союза-90/Зеленые» (1998-2005 гг.). «Решения» (2006 г.) были написаны Шредером практически сразу после отставки с поста канцлера ФРГ и направлены, главным образом, на осмысление «поражения» социал-демократов на выборах в Бундестаг 2005 г. Напротив, «Внятные слова» (2014 г.) являются своеобразным «сборником» интервью, посвященным оценке событий мировой и германской политики, в котором, что важно, направления разговора определяет не Шредер, а журналист Георг Мек, вопросы которого нередко носят провокационный характер. Значительное место в своих мемуарах экс-канцлер уделяет размышлениям, касающимся геополитических вопросов.

Германию Шредер воспринимает исключительно как часть Европейского Союза, отрицает её верховенство и допускает возможность существования только «европейской Германии», а не «немецкой Европы» [2, S.34]. Экс-канцлер отождествляет интересы Германии и интересы Европы, вследствие чего любые размышления о ФРГ разворачиваются исключительно в общеевропейском контексте. При этом Шредер отмечает, что вопрос о том, какие цели – политические или экономические – имеют главное значение для ЕС, еще не решен [1, S.319; 2, S.31]. По его мнению, Европа нуждается в «новой архитектуре», элементами которой должны стать усиление Еврокомиссии [2, S.54] и учреждение нового общеевропейского органа, контролирующего экономическую политику «вплоть до санкций» [2, S.40]. Очевидно, взгляды канцлера претерпели значительные изменения в течении его канцлерского срока, так как раньше он отвергал идею усиления экономического контроля ЕС, а введение Евро в ФРГ считал преждевременным [2, S.36].

Главным европейским партнером ФРГ экс-канцлер считает Францию, называя примирение «наследственных врагов» важным достижением немецкой внешней политики. И, кроме того, приводит любопытный факт: Шредер просил президента Франции Жака Ширака представлять Германию на саммите ЕС, и впоследствии сам замещал его, «действуя как французский президент» [2, S.46]. При этом канцлер, не без иронии замечает, что во Франции «сохранилась убежденность, что страна принадлежит к державам, чьими усилиями движется мир» [1, S.348]. Французский историк Ж.-П. Шевенман связывает это с тем, что французы долго смотрели на Европу как на проект «большой» Франции [4, С.267]. Напротив, о Великобритании – экс-канцлер пишет достаточно критично, описывая свое разочарование от британской европейской политики [1, S.319], вызванное тем, что британцы сами не знают «хотят они быть 51-м штатом США или частью Европы» [2, S.50]. Подобное распределение симпатий может вызывать недоумение, так как идеологически к Шредеру ближе именно Тони

Блэр (премьер-министр Великобритании), а не Ширак. Это можно объяснить нежеланием Соединенного Королевства вступить в зону Евро и личным восприятием экс-канцлера: так, его характеристики Блэра нельзя считать приятными (например, Шрёдер называет Блэра «елейным» или с усмешкой отмечает, что он «говорит, как священник» [2, S.52]).

Одним из принципиальных вопросов для Шрёдера является вопрос о расширении ЕС на Восток, как он пишет – «огромный шанс на преодоление расщепления Европы» [2, S.32]. Однако экс-канцлер видит иронию в том, что страны Восточной Европы, боровшиеся за собственную независимость, вновь должны «уступить часть своих суверенных прав Европе»: «вероятно, – пишет Шрёдер, – многие чехи, поляки или словаки лишь после вступления в ЕС осознали, во что они ввязались» [1, S.334]. Особую ответственность он чувствует за Польшу, которую именует «гордой и великой нацией», принадлежащей семье европейских народов [1, 342]. Он заостряет внимание на роли ФРГ в процессе вступления Польши в ЕС [2, 32] и не без горечи добавляет, что Польша предпочла об этом забыть [1, 359], а германо-польские отношения не достигли окончательного перемирия [1, 342].

Значительную часть воспоминаний Шрёдер отводит размышлениям о России, которую твердо считает «неотъемлемой частью Европы», отмечая, что без РФ «поддержание стабильного миропорядка» [1, S.454] невозможно. Подчеркивая важность дружбы с РФ, он называет стабильные партнерские отношения между странами не иначе как «чудом» [2, S.125]. Позиция РФ по вступлению бывших партнеров и республик СССР в ЕС вызывает у него уважение: он пишет, что Россия «не позволила сбить себя с толку, а начала выстраивать собственную европейскую политику» [1, S.464]. Отношение экс-канцлера ФРГ к России, в какой-то мере, можно объяснить его личными симпатиями, а именно – дружбой с президентом Владимиром Путиным, хотя на прямой вопрос Георга Мека Шрёдер однозначно отвечает, что никогда не ставил личные интересы выше интересов Германии.

Отношение Шрёдера к США нестабильно. Если в 2001 г. (после терактов 11 сентября) ФРГ была «целиком на стороне Соединенных Штатов», то в 2002 г., по мнению экс-канцлера, американцы переориентировали внешнюю политику на «обеспечение собственных внутривнутриполитических интересов» [1, S.161]. Взаимоотношения США и ЕС вызывают у него вопросы: он считает, что США не может определиться, как ей быть: появляются либо призывы к самостоятельности ЕС, либо она препятствует этому [1, S.144]. Шрёдера беспокоит и самостоятельность внешней политики ФРГ, которая, как он пишет, может вновь начать «цепляться за подол американской внешней политики, пытаясь забраться к ней на колени» [1, S.246]. Взгляды

канцлера обусловлены желанием дистанцироваться от США, позиционировавшей себя как сверхдержава, и отстаивать право ФРГ на самостоятельную внешнюю политику.

Важным партнером для Германии Шредер видит Китай, который интегрирован не только с экономической, но и с политической стороны, так как без него в будущем не удастся решить «ни одну глобальную проблему» [1, S.141]. В то же время он говорит и о том, что Китай подвергается «обоснованной критике» в связи с нарушением прав человека [2, S.175], но предостерегает от санкций и «нанесения ударов»: выход он видит в постоянной коммуникации и диалоге с Китаем [1, S.142-143].

Итак, мемуары Герхарда Шредера являются важным источником не только для изучения деятельности «красно-зелёной» коалиции, но и для понимания геополитических взглядов немецкого экс-канцлера. Важно, что Шредер оставляет за собой право на личные оценки мировой политики, от которых, будучи канцлером, по понятным причинам, был вынужден воздерживаться. Не скованный государственными должностями, он открыто излагает своё понимание геополитической картины мира и оценивает внешнюю политику других государств, свободно демонстрируя свои личные симпатии. Изучив мемуары экс-канцлера ФРГ, можно констатировать, что он – убежденный еврооптимист, для которого приоритетом является усиление Европы и Германии как части Европы. Кроме того, Шредер настаивает на переосмыслении некоторых методов международной политики: так, по его мнению, нельзя, во-первых, исключать и игнорировать Россию, во-вторых, вести диалог с Китаем исключительно языком «санкций», и, в-третьих, слепо ориентироваться на государства-авторитеты.

Литература

1. Schröder G. Entscheidungen. Mein Leben in der Politik. Hamburg. 2006.
2. Schröder G. Klare Worte. Freiburg: Herder, 2014.
3. Шевенман Ж.-П. 1914-2014. Европа выходит из истории? М., 2015.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПОЛЕМИКЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИСТОВ
И ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕАЛИСТОВ***

Райкова Вера Алексеевна,

*доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук,
Российский государственный педагогический университет*

им. А.И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Россия

raivera@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению представлений о справедливости, сложившихся в рамках школы политического реализма и либерально-идеалистического направления в международных отношениях. Анализ взглядов В. Вильсона, Дж. Ролза, Р. Нибура, Э. Карра, Г. Моргентау, Дж. Кеннана позволяет реконструировать содержание понятия «справедливость» и характер его применения в дискурсе международных отношений.

Ключевые слова: справедливость; либерализм; идеализм; политический реализм; национальное самоопределение.

**JUSTICE IN DISCUSSION BETWEEN POLITICAL REALISM
AND LIBERAL IDEALISM**

Raikova Vera Alekseevna

*Associate Professor of the Department of World History, Candidate of History,
Herzen State Pedagogical University of Russia*

Saint-Petersburg, Russia

raivera@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of conceptions about justice in different political schools in international relations – political realism and liberal idealism. An analysis of the views of W. Wilson, J. Rawls, R. Niebuhr, E. Carr, H. Morgenthau, G. Kennan are allow to reconstruct the concept «justice» and its use in international relations theory.

Keywords: justice; liberalism; idealism; political realism; national self-determination.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена.

Полемика между либеральными идеалистами и политическими реалистами, развернувшаяся в середине XX века и получившая название «первый большой спор», охватывала широкий круг вопросов. Одно из центральных мест в этой дискуссии принадлежало трактовке понятия «справедливость» как особой категории политики и межгосударственных отношений. Ожесточенные споры вокруг понятия «справедливость» были обусловлены его неопределенностью и сложностью применения в дискурсе международных отношений [1, с. 128].

Либерально-идеалистическая концепция международных отношений оформилась после Первой мировой войны и во многом базируется на идеях немецкого философа Иммануила Канта. В работах «Критика чистого разума» и «Метафизика нравов» Кант обосновал рациональную сущность морали и доказал, что именно мораль есть главная отличительная черта человека как разумного существа. Еще одна важная идея Канта в свете либеральной концепции международных отношений – это представление об универсальности и общечеловечности нравственного закона, его категорической необходимости [2, с. 30-33].

Убежденным кантианцем был 28 президент США Вудро Вильсон, ставший основоположником либеральной парадигмы международных отношений и рассматривавший свободу и справедливость главными основами новой системы мироустройства. Наиболее полно взгляды Вильсона на природу международных отношений и роль в них нравственно-этических принципов отражены в программе «14 пунктов», представленной на рассмотрение Конгресса США 8 января 1918 г. и Уставе Лиги Наций, утвержденном в 1919 г. Анализ этих документов позволяет предположить, что справедливое мироустройство Вильсон отождествлял с честностью и открытостью переговорного процесса, экономическим и политическим равенством государств, а также строгим соблюдением принципа национального самоопределения [3]. Последний принцип подвергается сомнению многими исследователями, однако здесь стоит пояснить, что понятие нации Вильсон рассматривал как «некий аналог гражданского сообщества» и под национальным самоопределением понимал не этническое обособление, а «право гражданского сообщества на самоуправление» [4, с. 31]. По мнению известного американского историка Дж. Блюма, «14 пунктов» стали вершиной морализма американского президента и его убежденности в нравственном начале человека [5, р. 148].

Для современных сторонников либеральной концепции международных отношений при рассмотрении понятия «справедливость» основой являются не столько взгляды В. Вильсона, сколько концепция одного из самых влиятельных политических философов XX века Джона Ролза. В рабо-

тах «Теория справедливости» (1971 г.) и «Политический реализм» (1993 г.), а также статье «Право народов» (1993 г.) он попытался возродить традицию политической мысли, опирающейся на принципы моральной философии. Основой концепции Ролза стали представления о том, что справедливость априорно присуща человеку и именно поэтому она должна определять приоритеты политического и социально-экономического развития любого государства, являться первой добродетелью общественных институтов. Универсальность справедливости предопределили необходимость ее использования в области международных отношений, а ее применение должно базироваться на трех принципах – равной свободы, равенства возможностей и принципе различия, причем последний предполагает совершение максимального блага в интересах наименее преуспевающих [6].

В целом, идеалисты убеждены в универсальности понятия «справедливость», отождествляют его с равенством и честностью и полагают, что справедливость должна являться базовым принципом международных отношений. Такой подход зафиксирован в Уставе ООН и многих других международных договорах.

Теория политического реализма оформилась в 30-50-е гг. XX в. в трудах Э. Карра, Г. Моргентау и Дж. Кеннана-мл., хотя многие идеи, составившие суть этой научной парадигмы были сформулированы еще Фукидидом, Н. Макиавелли, Т. Гоббсом [7, с. 31-40]. Непосредственным импульсом к разработке политического реализма стали идеи известного американского теолога Рейнхольда Нибура, высказанные им в работе «Моральный человек и аморальное общество» (1932 г.). Он обосновывал идею резкого разрыва между моральным поведением отдельного человека и коллективным поведением различных социальных групп и был убежден, что групповое поведение куда в меньшей степени склонно прислушиваться к голосу разума и совести, чем конкретный человек. Именно в силу невосприимчивости человеческого коллектива к морально-нравственным нормам мы регулярно наблюдаем многочисленные межгосударственные конфликты [8].

Английский историк и дипломат Эдвард Халлетт Карр в работе «Двадцать лет кризиса: 1919-1939» предпринял первую попытку переосмыслить либеральный подход к международным отношениям. Он утверждал, что моральный консенсус должен быть в международных отношениях, но без эффективной силы моральным консенсусом мало что можно достичь и защита государственных интересов должна базироваться на чем-то ином [9, с. 63-64].

Ключевую роль в становлении политического реализма сыграл американский политолог Ганс Моргентау, опубликовавший в 1948 г. ставший

уже классическим труд «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир». Он сформулировал шесть принципов политического реализма, но для нас особый интерес представляют четвертый и пятый. Четвертый принцип гласит, что политический реализм «признает неизбежность несоответствия морального императива и требований успешной политики. Неучет этого несоответствия мог бы внести путаницу в моральные и политические вопросы, представив политику более моральной, а моральный закон менее строгим, чем это есть на самом деле» [10, р. 9]. Другими словами, внешняя политика государства должна опираться на идею национальных интересов и находится вне моральных норм. Пятый же принцип предполагает, что «политический реализм отрицает тождество морали конкретной нации и универсальных моральных законов» [10, р. 10]. Отрицание возможности существования универсальных моральных ценностей и их предопределенность национальными культурами и традициями – краеугольный камень политического реализма.

Свое развитие политический реализм получил в трудах известного американского дипломата и историка Дж. Кеннана [11]. Среди самых известных его работ отметим книгу «Американская дипломатия, 1900-1950» (1951 г.) и статью «Мораль и внешняя политика» (1986 г.). Кеннан был убежден, что правительство, осуществляющее внешнюю политику, не тождественно частному лицу и оценивать его деятельность с точки зрения общечеловеческих моральных норм недопустимо. Вслед за Моргентау, Кеннан полагал, что международных стандартов морали нет, а этические принципы трактуются разными народами по-своему [12, с. 75-76]. Наконец, Кеннан призывал отличать истинную сущность и одну лишь видимость моральных действий во внешней политике, при этом внешнеполитическая деятельность государства должна в большей степени базироваться на признании своих национальных интересов, чем на ее оправдании расплывчатой моральной риторикой.

В целом, главные постулаты политического реализма гласили, что традиционные нормы морали неприменимы в политике, особенно при защите государством своих национальных интересов на международной арене. Поведение государства не тождественно поведению отдельно взятого человека, а, следовательно, не может оцениваться категориями морали. Универсального понимания справедливости не существует, т.к. оно является продуктом развития конкретного общества и специфики его культуры.

Если либеральная концепция международных отношений рассматривает справедливость как ключевой и универсальный принцип во взаимоотношениях государств, то представители школы политического реализма отрицают саму возможность апелляции к справедливости в контексте защиты своих национальных интересов.

Литература

1. Киреев А.А. Методологический семинар «Возможна ли справедливость в международных отношениях?» (Владивосток, 22 ноября 2013 г.) // Ойкумена. 2014. №1. С. 128-135.
2. Калининков Л.А. О нравоцентричности трансцендентальной антропологии Канта, или о роли морали в природе человека // Кантовский сборник. 2010. Вып. №4 (34). С. 21-33.
3. Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2000. Т.2. Документы 1910-1940-х гг. М., 2000. С. 27-28.
4. Романов В.В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Вып. №4. Т.1. С. 30-38.
5. Blum J.M. Woodrow Wilson and the Politics of Morality. Boston: Little, Brown and Company, 1956.
6. Rawls J. The Law of Peoples // Critical Inquiry. Autumn 1993. P. 36-68.
7. Сетов Н.Р. Политический реализм: теория и метод. М.: Изд-во Московского университета, 2013.
8. Niebuhr R. Moral Man and Immoral Society. Charles Scribner's Sons, 1932.
9. Карп Э.Х. Двадцать лет кризиса: 1919-1939. Введение в изучение международных отношений // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганков. М.: Гардарики, 2002. С. 53-68.
10. Morgenthau H.J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1955.
11. Райкова В.А. Идея справедливости в международных отношениях XX в. в политической философии Дж. Кеннана // Псковский военно-исторический вестник. 2015. №1. С. 125-129.
12. Кеннан Дж. Мораль и внешняя политика // Мир перемен. 2009. №1. С. 73-84.

ГЕНЕЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

*Попаденко Елена Викторовна,
доцент, кандидат юридических наук, доцент,
Вологодский государственный университет
г. Вологда, Россия
popadenkoev@yandex.ru*

Аннотация. В статье раскрываются основные этапы развития международного сотрудничества в области борьбы с преступностью.

Ключевые слова: международное сотрудничество; преступность.

GENESIS OF INTERNATIONAL CO – OPERATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME

*Popadenko Elena Victorovna
Assistant Professor, cand. jurid. sciences, Associate Professor,
Vologda State University, Vologda, Russia
popadenkoev@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the main stages of the development of international co-operation in the fight against crime.

Keywords: international co-operation; crime.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью наиболее активно стало развиваться в XX столетии, но отдельные его направления восходят к зарождению государственности и права. Отметим, что первоначально международные договоры были направлены в основном на заключение военных союзов, но содержали и положения по вопросам сотрудничества в борьбе с преступностью. Так, до наших дней дошел текст договора, заключенного в 1278 г. до н.э. между египетским фараоном Рамсесом II и царем хеттов Хаттусилисом III, в котором предусматривалась обоюдная выдача перебежчиков: «Если убежит из земли египетской... человек..., великий князь страны хеттов должен схватить... и повелеть отправить обратно...». Отметим, что из приведенного текста нельзя сделать однозначного вывода о выдаче именно преступников, но в любом случае речь шла о возвращении лиц, нарушивших какой-либо запрет, что приравнивалось к преступлению.

Собственно, концепция международного сотрудничества в борьбе с преступностью появилась на рубеже XIX – XX веков. Однако международные уголовно-правовые нормы находились в стадии зарождения, когда государства пока еще определяли круг деяний, посягающих на интересы нескольких государств, представляющих угрозу стабильности межгосударственных отношений. Например, Договором об уничтожении торга неграми 1841 г. работорговля была приравнена к морскому пиратству: военным кораблям стран-участниц договора предоставили право проводить обыск судов под флагом государства-участника в случае подозрения в работорговле, освобождать невольников и передавать виновных для привлечения к уголовной ответственности (ст. 2). В целом для этого этапа международного сотрудничества было характерно заключение договоров, содержащих описание признаков состава преступления как определенного стандарта, согласованного государствами-участниками и предназначенного для введения в национальное уголовное законодательство.

Необходимость исполнения обязательств об уголовном преследовании преступлений, признаваемых опасными участниками международных актов, активизировало деятельность по заключению международных соглашений о выдаче лиц за отдельные общеуголовные преступления. Одним из первых таких договоров стал Амьенский мирный договор 1802 г., содержащий обязательства о выдаче обвиняемых в убийстве, подлоге, фиктивном банкротстве (ст. 20).

В XIX веке начали заключаться и международные договоры, предусматривающие вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам. Так, Конвенцией о непосредственных сношениях судов Варшавского судебного округа с прусскими пограничными судами 1879 г. оговаривались такие виды правовой помощи как передача вещественных доказательств, вручение повесток о вызове на судебное заседание, получение показаний свидетелей, обмен информацией и др. (ст. 3).

В конце XIX века начало развиваться информационное направление международного сотрудничества. Так, в 1889 г. был учрежден Международный союз уголовного права, в котором участвовали видные ученые криминалисты: Ф. Лист, А. Принс, Г. ван-Гаммель, И.Я. Фойницкий и др. Этот союз выступал с призывом изучать международную преступность, совершенствовать методики преследования международных преступников. После Первой мировой войны взамен Международного союза была организована Международная ассоциация уголовного права, задачей которой была разработка универсального законодательства. В частности, под эгидой Международной ассоциации в разные годы были проведены конференции, где делались попытки унифицировать законодательство о борьбе с

преступностью. Например, в 1930 г. на III Международной конференции по унификации уголовного права был выдвинут тезис о новом международном преступлении – терроризм 1, с. 426.

После Первой мировой войны встал вопрос о необходимости создания органов международной уголовной юстиции. В частности, Версальский мирный договор 1919 г. содержал следующие обязательства: создать специальный трибунал для рассмотрения уголовного дела по обвинению императора Вильгельма II в совершении преступления против «международной морали и священной силы договоров» (ст. 227); образовать смешанные составы военных судов, если обвиняемый совершил преступление против интересов нескольких государств (ст. 229). Несмотря на то, что приведенные положения так и не были реализованы, данный документ заложил основу для дальнейшей работы в этом направлении.

Еще одним итогом Первой мировой войны стало осознание необходимости создания международной организации, направленной на пресечение возможных международных конфликтов. В итоге в 1919 г. был принят статут Лиги наций. Вместе с тем Лига наций не имела юрисдикции международного сотрудничества в борьбе с преступностью, но в своей деятельности эта организация затрагивала некоторые такие вопросы. Например, после принятия в 1921 г. Международной конвенции о борьбе с торговлей женщинами и детьми, Лига наций учредила Совещательный комитет по борьбе с торговлей женщинами и детьми, в полномочия которого входил контроль над выполнением и соблюдением международных договоров в этой области.

После Первой мировой войны резко возрос уровень преступности, что поставило вопрос об объединении усилий органов полиции. В этой связи в 1923 г. в Вене состоялся Международный полицейский конгресс, в ходе которого была учреждена Международная комиссия уголовной полиции (Интерпол). Вначале данная Комиссия не представляла собой независимой организации, а была органом Международного полицейского конгресса, но уже в 1930 г. члены Комиссии приняли решение об отделении от конгресса.

В целом для периода между Первой и Второй мировыми войнами больше характерна тенденция заключения двусторонних договоров о выдаче (экстрадиции). Кроме того, в этот временной промежуток активно велась разработка основных правовых институтов и закладывались основы для дальнейшего развития международного сотрудничества в области борьбы с преступностью.

Во время Второй мировой войны международное сотрудничество государств практически приостановилось, за небольшим исключением: в 1942 г. подписана Декларация Объединенных Наций, в 1943 г. главные

союзные державы отметили необходимость учреждения «всеобщей Международной Организации» и в 1945 г. прошла конференция Объединенных Наций, завершившаяся принятием учредительных документов.

Огромный вклад в развитие международного уголовного права внесла деятельность Международных военных трибуналов для суда над военными преступниками. В частности, принципы, заложенные в приговоре Нюрнбергского трибунала, специальной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН получили статус общепризнанных.

Дальнейший рост общеуголовной преступности привел к существенным изменениям в области борьбы с преступностью: постоянно расширяется число преступлений международного характера, появляются новые международные организации.

Литература

1. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.

УДК 94

ПОЗИЦИЯ США ПО ВОПРОСУ ВСТУПЛЕНИЯ ТУРЦИИ В НАТО*

Смольняк Игорь Викторович,

доцент кафедры всеобщей истории и политических наук

Вятского государственного университета, кандидат исторических наук

г. Киров, Россия

sovlab.vgu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из ключевых моментов в истории взаимоотношений США и Турецкой республики в конце сороковых – начале пятидесятих годов XX века. Особое внимание уделяется вопросу о реакции правительства США на стремление Турции вступить в Североатлантический договор, используя его в качестве щита против советского проникновения на Ближний и Средний Восток.

Ключевые слова: США; Турецкая республика; Черноморские проливы, Североатлантический договор; Государственный департамент.

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ РФ, НИШ-9803.2016.6

POSITION OF THE UNITED STATES ON TURKEY'S ACCESSION IN NATO

Smolnyak Igor Viktorovich

*Candidate of Historical sciences, Associate Professor of the Department
of General History and political science of Vyatka State University*

Kirov, Russia

sovlab.vgu@mail.ru

Abstract. The article deals with one of the key moments in the history of relations between the United States and the Turkish Republic in early fifties of the XX century. Special attention is paid to the question about the reaction of the US government on Turkey's aspiration to join the North Atlantic Treaty, using it as a shield against Soviet penetration to the Middle East.

Keywords: The United States of America; Turkish republic; The Black Sea Straits; North Atlantic Treaty Organization; Department of State.

К началу 1949 г. постоянное давление со стороны СССР, выражающиеся в территориальных требованиях, способствовало тому, что сотрудничество с США стало ведущим направлением внешней политики Турции [1, с. 576]. Таким образом, начиная с конца 1948 г. Анкара пытается добиться от Вашингтона заключения договора, гарантирующего Турции безопасность.

Однако, к моменту подписания Североатлантического договора, Турция находилась на периферии американских интересов. Однако во вступлении Турции в НАТО были заинтересованы в Лондоне. Так, министр иностранных дел Великобритании Э. Бевин убеждал сэра Оливера Фрэнкса – посла Великобритании в США, «надавить на американцев, если те будут отказываться гарантировать Турции безопасность» [2, р. 127].

По итогам переговоров, американцы ограничились только устными гарантиями безопасности Турции. Неподпадение страны в НАТО, вызвало неудовольствие в Анкаре. Министр иностранных дел Турции Н. Садак, отвечая на вопросы турецких журналистов заявил, что его правительство хотело бы провести ряд консультаций с представителями США и Великобритании для обсуждения текста декларации о защите Турции [3, р. 129].

В начале марта 1949 г. посол Турции в США Ф. Эркин встретился с государственным секретарём Д. Ачесоном. Во время встречи посол поднял вопрос о желании Турции создать некий Средиземноморский пакт [2, р. 131]. Ачесон ответил, что в настоящее время подписание заключение такого союза преждевременно, заметив, что в случае нападения СССР на Турцию, США немедленно окажут ей всю помощь и без заключения договора [2, pp. 58-120].

В итоге, 4 апреля 1949 г., в день подписания Североатлантического договора, представители США и Великобритании, ограничились общими фразами о помощи тем странам, на которые не распространяется действие договора. В свою очередь турецкое правительство попыталась разыграть следующую комбинацию: турки намекнули англо-американцам, что в случае конфликта США и СССР, Турция займёт нейтральную позицию, как это было во время недавней войны [2, p. 135].

Вскоре после подписания Североатлантического договора, Садак прибыл в Вашингтон, для переговоров с Ачесоном. По его словам, в Турции начали думать, что США больше не заинтересованы в развитии партнёрских отношений с Турцией. Ачесон ответил, что ему понятны мотивы стремления Турции в НАТО, но в настоящее время США больше всего внимания намерены уделить формированию недавно созданного союза [2, pp.1648-50].

В действительности турецкие руководители хорошо понимали, к каким трудностям может привести вступление страны в НАТО. Одно дело, если бы угроза войны непосредственно касалась бы Турции, а если бы СССР начал боевые действия против Норвегии или Голландии? Однако не смотря на такого рода «неудобства», все турецкие руководители желали присоединения Турции к НАТО, для того чтобы превратить неформальное сотрудничество с США в юридически оформленное соглашение. Усилия, предпринятые турецким руководством, стали приносить свои плоды. 13 апреля 1949 г., Садак, который в то время находился в Вашингтоне, был принят Трумэнном. Президент заверил министра, что сотрудничество США и Турции будет продолжаться [5].

Однако, Ачесон не разделял точку зрения президента. Он рекомендовал военным не торопиться со строительством аэродромов для размещения стратегической авиации США на турецкой территории, так как такие действия могли бы вселить в турецкое руководство напрасные надежды на скорое вступление в НАТО [2, p.139].

Объединенный комитет начальников штабов США утвердил план, согласно которому задачей номер один для США являлась оказание помощи странам Бенилюкса, Канаде, Франции и Великобритании. И только во вторую очередь помощь таким странам, как Италия, Греция и Турция [2, p. 141].

Таким образом, к началу 1950 г., казалось, что политика, проводимая США в отношении Турции останется без изменения. Но вскоре Турции представился шанс на ещё одну попытку оказаться в НАТО. 25 июня 1950 г. войска КНДР вторглись на территорию Южной Кореи. В тот же день, Совбез ООН принял резолюцию о безотлагательном выводе северокорейских войск с территории Южной Кореи. В этом же документе содержался призыв ко всем членам ООН оказать всю возможную помощь для выполнения этого

решения. 27 июня министр иностранных дел Турции Фуат Кепрюлю, заверил Генерального секретаря ООН Трюгве Ли, что Турция решила отправить воинский контингент в составе войск ООН [2, р. 163].

Турецкие лидеры считали, что принятие этого решения будет способствовать осуществлению их давней мечты, принятия Турции в НАТО [2, 164]. Посол США в Турции Дж. Уодсворт сообщал в Вашингтон, что когда генеральный секретарь турецкого МИД сообщил ему об отправке войск в Корею, у него сложилось впечатление, что турки считают принятие этого решения самым важным в послевоенной истории Турции [4, р. 1282].

Вывод о том, что отправляя своих солдат в Корею, турецкое правительство рассчитывало получить приглашение в НАТО, вскоре нашёл подтверждение. В начале августа турецкое правительство обратилось с официальным заявлением о вступлении в НАТО.

15-18 сентября 1950 г. в Нью-Йорке состоялась встреча министров иностранных дел стран-участниц Североатлантического договора, на которой обсуждалась кандидатура Турции. В итоге, было принято решение о предоставлении Турции статуса ассоциированного члена. В Анкаре заявили, что ассоциированный статус Турции увеличит международный статус страны, и будет первым шагом на пути к выполнению основной задачи – добиться полного членства Турции в НАТО [1, с.607].

14-21 февраля 1951 г. под председательством помощника госсекретаря США Макги в Стамбуле была проведена конференция американских дипломатических представителей в странах Ближнего и Среднего Востока [1, с.610]. Встречи в Анкаре и конференция американских дипломатов в Стамбуле сформировали благоприятную атмосферу для вступления Турции в НАТО. 16-20 сентября 1951 г. Совет министров НАТО на совещании в Оттаве единодушно проголосовал за приглашение Турции и Греции в блок на правах полномочных членов сообщества. А 21 февраля 1952 г. в Лондоне вступление Турции и Греции в НАТО было оформлено официально.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы. В 1947 г. значимость Турции для американских стратегических интересов, в качестве барьера против советского проникновения на Ближний Восток, привела к тому, что страна стала получать помощь в рамках «доктрины Трумэна». Однако до начала 1950 г. в Вашингтоне всё еще надеялись, что основную роль в обеспечении безопасности региона будет играть Великобритания. Однако в Анкаре отказывались сотрудничать с Вашингтоном без обязательств США по защите Турции. В результате мощного советского нажима на Турцию там стали стремительно проявляться прозападные тенденции. Появление доктрины Трумэна и вступление Турции в НАТО стали бы ее военно-политическим ответом на советское давление. С американской точ-

ки зрения самым простым способом защитить Турцию от советского давления, было принятие страны в НАТО в качестве равноправного партнёра. Это стало ещё одним аргументом в пользу принятия Турции в НАТО, где Турцию рассматривали в качестве щита против советского проникновения на Ближний и Средний Восток.

Литература

1. Гасанлы Дж. П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М.: Центр пропаганды, 2008.
2. Athanassopoulou E. Turkey-Anglo-American security interests, 1945-1952: the first enlargement of NATO. London, 1999.
3. Kaplan L. S. The United States and NATO: The Formative Years. Kentucky, 1984.
4. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. The Near East, South Asia and Africa 1950. Wash, 1978.
5. The New York Times, 20 Dec. 1949.

[140]

10.10.2018 Формат ОТК
11.03.2020 формат (7/8) (1/2)
07.07.22 0834
14.12.2022 037

**Материалы II Всероссийской научной конференции
«НЕКРАСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(памяти д.и.н., профессора Ю.К. Некрасова)
20–21 мая 2016 года**

Подписано в печать 26.10.2016. Формат 60 × 84₁₆.
Усл. п. л. 15,75. Тираж 100 экз. Заказ № 18.

Отпечатано в Институте социально-экономического
развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН)
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН
Тел. 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru

*Доктор исторических наук,
профессор Ю.К. Некрасов
(1935–2006)*